

история / география / этнография

Валерий Гуляев

Загадки индейских цивилизаций

Загадки индейских цивилизаций

Валерий Гуляев

ЛомоносовЪ

Валерий Гуляев

Загадки
индейских
цивилизаций

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2010

УДК 903
ББК 63.3
Г94

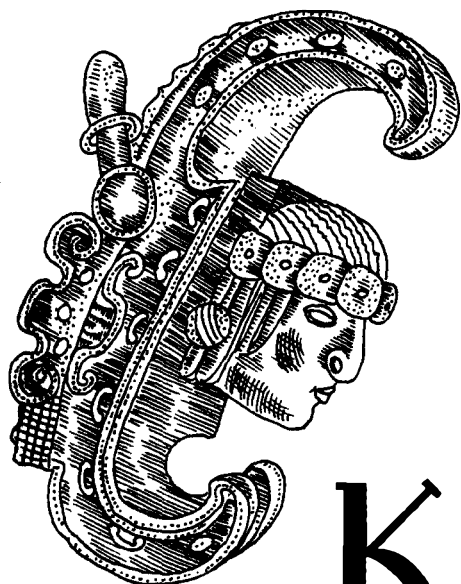
Иллюстрации И. Тибилевой

Scan by Greego

ISBN 978-5-91678-077-2

© В. Гуляев, 2010
© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2010

Когда легионы Цезаря подчиняли власти римлян непокорных галлов, а из бескрайних азиатских степей двигались на запад, к Дунаю, орды кочевников-сарматов, на другой половине земного шара возникли первые индейские цивилизации. Они родились самостоятельно, на местной почве, не испытав на себе существенных влияний со стороны древних народов Старого Света, и до прихода европейских завоевателей в XVI в. успели пройти долгий и сложный путь эволюции. «Встреча» двух миров и двух культур, столь не похожих друг на друга, безусловно, может быть отнесена к числу удивительных исторических парадоксов: если наиболее развитые цивилизации американских аборигенов соответствовали по своему общему уровню самым архаичным формам государственно-

сти Древнего Востока, то Европа уже прошла Ренессанс и стояла на пороге антифеодальных революций. Материалы из доколумбовой Америки предоставляют исследователю уникальную возможность сопоставить пути развития двух независимых моделей эволюции древних цивилизаций — в Старом и Новом Свете.

К тому времени, когда испанские каравеллы появились у восточного побережья Нового Света, этот огромный двойной континент, включая острова Вест-Индии, был населен множеством индейских племен и народностей, находившихся на разных уровнях развития. Большинство из них были охотниками, рыболовами, собирателями или примитивными земледельцами. Лишь в двух сравнительно небольших областях Западного полушария — в Мезоамерике* и Андах — испанцы встретили высокоразвитые индейские цивилизации.

Наиболее яркие цивилизации на территории Мексики и Центральной Америки до прихода испанцев создали индейские народы майя и ацтеков. Ученые часто называют их «греками» и «римлянами» Нового Света. Для этого есть все основания. Майя, подобно жителям древней Эллады, создали высокую культуру города-государства в очень раннее время, в конце I тыс. до н. э., и продолжали развивать традиции своей культуры непрерывно на протяжении 2 тыс. лет, оказывая заметное влияние на окружающие народы и племена.

Ацтеки, начав свое развитие в XIII в., подобно римлянам, с полуварварского уровня, завоевали обширные террито-

* Мезоамерика — культурно-географическая область, включающая в себя территориально большую часть современной Мексики, Гватемалу, Белиз, западные районы Сальвадора и Гондураса. В доиспанский период Мезоамерика — северный район зоны индейских цивилизаций, для которых характерен с 1500 г. до н. э. по 1500 г. н. э. набор общих черт материальной и духовной культуры.

рии, населенные более культурными народами, успешно усвоили и творчески переработали все богатое культурное наследие Мезоамерики.

К моменту «открытия» Америки европейцами в 1492 г. в Мезоамерике и Андах жило до двух третей всего населения Нового Света, хотя по своим размерам эти области составляли лишь 6,2 процента общей его площади. Требуется разъяснения и сам термин «открытие Америки» Колумбом. Не раз справедливо указывалось, что этот термин неверен фактически, поскольку до Колумба берегов Нового Света достигали с востока римляне, викинги, а с запада — полинезийцы, китайцы, японцы. Более того, если уж быть справедливым, то следует признать, что Америку «открыли» еще в эпоху верхнего палеолита (30–20 тыс. лет назад) далекие предки американских аборигенов — выходцы из Северо-Восточной Азии. Нужно учитывать также, что этот процесс взаимодействия и взаимообмена двух миров и двух культур не был односторонним. Для Европы открытие Америки имело колоссальные политические, экономические и интеллектуальные последствия. Американским индейцам было чем поделиться с пришельцами из-за океана. Именно благодаря им в обиход всего человечества прочно вошли картофель, фасоль, томаты, кукуруза, какао, а также хинин, каучук и т. д.

Индийские цивилизации сумели достигнуть своего апогея без важнейших технических достижений древности, хорошо известных в Старом Свете, — выплавки железа, разведения домашних животных (особенно тягловых и вьючных), колесного транспорта, гончарного круга, плужного земледелия. В Андской области обработка цветных металлов, золота и серебра производилась еще во II тыс. до н. э., и к моменту прихода европейцев инки широко использовали не только бронзовое оружие, но и бронзовые орудия труда. Однако в Мезоамерике металлы появились уже на закате первых цивилизаций классического периода (I тыс. н. э.) и использовались главным образом для изготовления украшений и культовых предметов. И тем не менее, хотя мест-

ные индейцы жили, по сути дела, в каменном веке, они добились поразительных успехов в создании систем письменности и календаря, астрономии, философии и математики.

История доколумбовой Америки уже сама по себе представляет большой интерес и для ученых, и для широкого круга читателей. Однако этим дело не ограничивается. Сегодня наука не может до конца понять и объяснить многие важные стороны жизни древних человеческих общин, не привлекая для этого американский материал. Идет ли речь о сложной проблеме происхождения земледелия или об истоках первых государств, первых цивилизаций — везде роль фактических данных Нового Света будет необычайно велика. Вот почему знакомство с далекими и экзотическими культурами индейцев — не блажь и не прихоть, а насущная необходимость для любого образованного человека.

Встреча Кортеса с Монтесумой

7 ноября 1519 г. войска Эрнана Кортеса торжественно вступили в Истапалапан — южное предместье островной столицы государства ацтеков. Встреча превзошла все ожидания испанцев. «В каких дворцах нас разместили! — восторженно восклицает солдат-летописец Берналь Диас. — Как они обширны, как хорошо выстроены из прекрасного камня, кедра и других душистых деревьев, с чудесными комнатами, с просторными дворами под навесами из хлопчатобумажной ткани. Осмотрев все это хорошенько, мы вышли в огороды и сады, да такие прекрасные, что не намотришься, не нагуляешься...»

Но на следующий день с первыми лучами солнца все испанцы были уже на ногах. Повинуясь призывному сигналу трубы, солдаты торопливо разбирали оружие и привычно строились в походные колонны по четыре человека в ряд. У всех было приподнятое настроение. Приближалась решающая минута. Удастся ли чужеземцам без боя войти

по узкой дамбе* в Теночтитлан — великолепную столицу ацтеков?

Там, впереди, на сверкающей глади обширного озера, отчетливо вырисовывались очертания громадного города с бесчисленными храмами, дворцами, ступенчатыми пирамидами и садами. Над Теночтитланом всходила заря нового дня — 3 Кечальи, 8 Эхекатль, 1 Тростник по календарю ацтеков, или 8 ноября 1519 г. по европейскому летосчислению.

«Мы шли, — вспоминает тот же Берналь Диас, — по дамбе, которая здесь шириной в 8 шагов и напрямиком ведет в Мехико (Теночтитлан. — *В. Г.*)... Дамба были полна людей... так что мы с трудом прокладывали себе дорогу сквозь толпу. Полны народа были также башни, храмы и пироги, прибывающие со всех сторон... Мы не верили глазам своим. С одной стороны, на суше, — ряд больших городов, а на озере — ряд других, и само озеро покрыто челнами, и на дамбе много мостов, переброшенных через каналы, и перед нами великий город Мехико, а нас — только четыре сотни солдат!»

Правда, здесь солдат-летописец забывает упомянуть о двух «несущественных» деталях. Во-первых, за спиной четырех сотен испанцев находилось вполне надежное прикрытие из 10 тыс. союзных индейских воинов — глашкальцев, тотонаков, уэшоцинков. Во-вторых, судя по всему, никто и не собирался воевать с пришельцами. Ацтеки готовили им торжественную встречу.

По широкой улице, в которую упиралась дамба, навстречу испанцам двигалась пышная процессия. «...Посреди толпы индейских вельмож, — пишет американский историк Уильям Прескотт, — предшествуемых тремя государственными сановниками, несшими золотые жезлы, показался царский паланкин, сверкающий позолотой. Его несли

* Теночтитлан стоял на островах посреди озера Тескоко и с сушей его соединяли три каменные дороги-дамбы.

на плечах вельможи, а балдахин, усеянный драгоценностями и украшенный серебряною бахромою, поддерживали над ним четыре ассистента того же сана. Они были босы и шли медленным, мерным шагом, опустив глаза в землю...»

Увидев чужеземцев, правитель ацтеков Монтесума II (более правильно — Мотекухсома Шокойоцин) вышел из паланкина и направился дальше пешком по дорожке из красивых тканей, которую расстилали перед ним проворные сановники. «Император» (так называют Монтесуму авторы испанских хроник XVI–XVII вв.) опирался на плечи двух ближайших советников и родственников: Куитлахуака — правителя Истапалапана (брата Монтесумы) и Какамацина — правителя Тескоко (племянника Монтесумы).

В свою очередь, находившийся во главе своего войска Кортес соскочил с лошади, галантно снял шляпу и, широко улыбаясь, двинулся навстречу тлатоани* ацтеков. Мгновение спустя представители двух разных миров взглянули друг другу в глаза. Весь парадокс ситуации состоял в том, что лицом к лицу встретились два исторических персонажа, принадлежавших к абсолютно разным эпохам. Встреча Монтесумы и Кортеса выглядит столь же невероятной, какой, например, была бы встреча Гильгамеша с Иваном Грозным или Тутанхамона с Карлом XII. И тем не менее все происходившее было реальностью. Детали этой удивительной встречи мы знаем благодаря описаниям нескольких ее очевидцев.

Монтесума II — девятый правитель Теночтитлана — вступил на престол в 1502 г. Черты лица этого высокого, пропорционально сложенного человека с более светлой, чем у соплеменников, кожей отличались правильностью и мягкостью. Судя по отзывам современников, Монте-

* Тлатоани (ацтекск.) — «оратор», титул верховного правителя у ацтеков.

сума был смелым и энергичным правителем, искусным полководцем, очень образованным человеком — он имел значительные познания в астрономии, религии, истории, философии и ораторском искусстве. Не был обделен различными дарованиями и представитель европейской стороны — Эрнан Кортес, отличавшийся личной храбростью, умением владеть мечом и одновременно искусством тонкого политика и администратора.

Два человека — посланцы двух чуждых миров — внимательно изучали друг друга. Но вот Кортес сделал шаг вперед. С видом знатного гранда, щедро раздающего неслыханные богатства, конкистадор протянул Монтесуме нитку дешевых бус из граненого цветного стекла. И было нечто символическое в том, что в обмен на эти жалкие побрякушки он получил от ацтекского монарха два золотых ожерелья тончайшей работы.

«Когда Кортес, — свидетельствует Берналь Диас, — приблизился к Монтесуме, каждый из них низко поклонился другому. Монтесума приветствовал нашего капитана, а Кортес с помощью доньи Малинче (индианка, переводчица и возлюбленная Кортеса. — *В. Г.*) в ответ пожелал ему доброго здоровья... Затем вынул ожерелье, сделанное из разноцветных бус... и повесил его на шею великому Монтесуме, но когда он попытался обнять императора, то был удержан двумя ацтекскими вельможами, которые посчитали это оскорблением своего государя... После этого Монтесума приказал... проводить нас до наших жилищ...»

Дальнейшее развитие событий хорошо известно. Не прошло и года после этой встречи, как Монтесума был мертв, великолепный город Теночтитлан — разрушен. Да и не только он один. Вся Мексика стонала под тяжким гнетом чужеземных завоевателей. Здесь уместно привести слова известного западного философа Шпенглера: «Эта история дает единственный в своем роде пример насильственной смерти цивилизации. Она не угасла сама по себе, никто не заглушил и не тормозил ее развития — ей нанесли смертельный

удар в пору ее расцвета, ее уничтожили грубо и насильственно, она погибла, как подсолнух, у которого случайный прохожий сорвал головку».

Однако чтобы досконально разобраться во всех этих событиях, необходимо бросить ретроспективный взгляд на те драматические десятилетия конца XV — середины XVI вв., которые вошли в мировую историю под названием «эпохи открытия и завоевания Мексики и Центральной Америки».

12 октября 1492 г. генуэзский моряк на испанской службе, известный в Испании как Кристоаль Колон, а во всем остальном мире — как Христофор Колумб, обнаружил у западной оконечности Атлантики крохотный островок Гуанакани (группа современных Багамских островов), положив начало грандиозной эпопее завоевания и освоения Нового Света европейцами. Известно, что сам великий мореплаватель так и не понял, видимо, всего значения своего открытия и до конца дней полагал, что найденные им земли — часть Восточной Азии. Только последующие экспедиции Веспуччи, Бальбоа, Магеллана и Джона Кабота убедили изумленную Европу в том, что за просторами океана лежит огромный и таинственный мир, о существовании которого долгое время никто и не подозревал.

Вслед за открытием началось исследование, а за исследованием — завоевание, так как Новый Свет таил в себе колоссальные богатства, которые можно было захватить силой. «Справедливо будет отметить, — пишет немецкий историк Курт Керам, — что последняя причина была основной побудительной силой, заставлявшей все новые и новые группы людей пускаться в самые рискованные путешествия... Впрочем, несправедливо было бы видеть в манящем блеске золота единственную побудительную причину экспедиций. Стремление к обогащению сочеталось не только с жадной приключений, а корыстолюбие — не только со смелостью, граничившей с безумством. Исследователи и завоеватели предпринимали походы не только в своих личных инте-

ресах, не только для Фердинанда и Изабеллы, а впоследствии для Карла V (короли и королева Испании. — В. Г.), но и для папы Александра VI Борджиа, который в 1493 году поделил мир между Португалией и Испанией. Они отправлялись в путь как посланцы его апостолического высочества под знаменами Св. Девы, как миссионеры, борцы против язычества, и не было такого корабля, который отправлялся бы в путь без священника, призванного водрузить в новых землях крест...»

Первоначально испанцы захватили и освоили большие и малые острова Вест-Индии — Кубу, Гаити, Ямайку, Пуэрто-Рико, превратив их в опорную базу для последующего броска на Американский континент. Справедливости ради мы должны здесь указать, что Мексику и государство ацтеков первым открыл отнюдь не Кортес. Это сделал в 1518 г. испанский идальго Хуан де Грихальва — племянник губернатора Кубы Диего Веласкеса. Он прошел на четырех кораблях вдоль Атлантического побережья Мексики, от полуострова Юкатан до устья реки Пануко. Он же впервые вступил в контакты с подданными Монтесумы (на территории современного мексиканского штата Табаско), наменял у них за безделушки много золота и узнал о существовании блестящей столицы Теночтитлана, где находилась резиденция верховного правителя страны.

Кортес лишь шел по чужим следам. Но слава завоевателя ацтекской «империи», безусловно, принадлежит только ему одному. Итак, как же все это начиналось?

Удачное начало

Обедневший идальго Эрнан Кортес прибыл в Новый Свет в 1504 г., будучи всего лишь девятнадцатилетним юнцом без гроша в кармане. Высадившись в порту колонии Санто-Доминго на острове Эспаньола (Гаити), он тот-

час отправился во дворец местного губернатора в надежде немедленно получить свой шанс на богатство и славу. Но когда секретарь правителя острова предложил ему земельный участок для устройства там поместья, Кортес высокомерно процедил сквозь зубы: «Я прибыл сюда за золотом, а не для того, чтобы копаться в земле, как крестьянин». Правда, от этих слов пришлось вскоре отказаться. Были потом у гордого идалго и поместья: на Эспаньоле и на Фернандине (Куба). Были и занятия по разведению домашнего скота, по внедрению на американской земле новых сельскохозяйственных культур — сахарного тростника, пшеницы, ячменя. Естественно, сам владелец энкомьенды (*исп.* «поместье») в земле не копался: всю черную работу делали рабы-индейцы. В итоге Кортес стал обладателем огромного состояния, одним из богатейших людей на Кубе. Епископ Бартоломе де Лас Касас — гуманист и защитник прав коренного населения Америки — иронически замечает по этому поводу: «Одному лишь Господу Богу ведомо, сколько индейских жизней было загублено из-за этих денег; надо думать, он призовет его за это к ответу».

Но сам Кортес был далек от каких-либо угрызений совести. Богатство позволяло ему теперь финансировать любую крупную экспедицию для новых завоеваний на континенте, в Мексике, только что открытой Хуаном де Грихальвой. Совместно с губернатором Кубы Веласкесом разбогатевший помещик снаряжает в поход эскадру из одиннадцати кораблей и добивается того, чтобы его назначили командующим.

В феврале 1519 г. эскадра отправилась на запад, к мексиканским берегам. В распоряжении Кортеса находились 110 матросов, 553 солдата — из них 32 арбалетчика и 13 артиллеристов, 14 пушек и 16 лошадей. С этими силами он и собирался захватить страну ацтеков, о которой не имел пока ни малейшего представления. Благополучно достигнув острова Косумель, вблизи скалистого побережья

полуострова Юкатан, командующий сделал там длительную остановку для приведения всех своих сил в надлежащий порядок.

По пути к границам «империи» Монтесумы испанцы имели несколько жестоких стычек с отрядами индейских воинов, но вышли из них победителями благодаря своему превосходству в вооружении и тактике. Однако особенно большую панику в рядах туземцев вызывало появление на поле боя никогда не виданных ими лошадей. Индейцы считали всадника и коня единым фантастическим существом, сеющим вокруг ужас и смерть.

18 апреля 1519 г. Кортес высадился на мексиканском Атлантическом побережье (на территории современного мексиканского штата Веракрус), напротив островка Сан-Хуан-де-Улуа, не встретив никакого противодействия со стороны местных индейцев — подданных великого Монтесумы. А что же сам правитель ацтеков? Знал ли он о грозящей ему опасности? Что готов был ей противопоставить?

Монтесума в тревоге

Вышитая хитрым многоцветным узором циновка, закрывавшая вход во внутренние покои дворца Монтесумы, слегка приоткрылась, и два рослых воина втащили бессильно повисшего на их руках изможденного человека в рубище простолюдина. У самого ложа изумленного правителя человек рухнул на колени и забормотал, с трудом выговаривая слова запекшимися от жажды губами:

— О, великий повелитель! Я уроженец местности Миктланкуаухтли и прибыл с берегов великого моря (речь идет о Мексиканском заливе. — *В. Г.*). У нас случилось невероятное! Не далее чем несколько дней назад я видел, как по морю плавают большая гора, не приставая к суше. И поскольку никто никогда не видел ничего подобного,

а нам поручено охранять эту часть побережья, то я немедленно поспешил сюда рассказать о случившемся.

Обеспокоенный столь необычным известием Монтесума решил срочно направить на побережье специальную миссию, чтобы проверить на месте достоверность слов простолюдина. И когда несколько дней спустя миссия вернулась в Теночтитлан, возглавлявшего ее жреца немедленно вызвали в царские покои.

— О, господин и повелитель! — начал жрец, застыв в смиренной позе перед тронном тлатоани. — Это правда, что туда, на побережье великого моря, пришли какие-то неведомые люди и занялись рыбной ловлей с помощью удилищ и сетей. Затем, сев в одну небольшую лодку, они поплыли в море, к двум громадным башням, и скрылись внутри них. И людей этих было около пятнадцати человек... Одни — в разноцветной одежде, такой безобразной, другие — полураздетые, с платками на голове, с очень белой кожей, белее, чем наша, и все с длинными бородами и волосами почти до ушей.

Так в конце апреля 1519 г. Монтесума впервые узнал о появлении в восточных пределах его обширного государства каких-то таинственных белолицых и бородатых пришельцев, вынырнувших, словно призраки, из голубых просторов океана. Кто же они? С какой целью явились? Откуда?

Но никаких разумных объяснений столь необычному факту найти не удавалось. Не помогли здесь толпы всевозможных магов, колдунов и звездочетов, спешно призванные во дворец. И вот, после ознакомления со старыми книгами и преданиями, Монтесума вспоминает древнюю легенду о тольтекском боге и правителе Кецалькоатле, уплывшем в море на восток от Мексики на волшебном плоту из змей. Он обещал однажды вернуться и вновь занять царский трон в Толлане — столице тольтеков. Согласно пророчествам, это событие должно было произойти в год I Тростник по ацтекскому календарю, повторяющийся каждые

52 года*. Высадка Кортеса на мексиканское побережье пришлось как раз на год 1 Тростник. «Не вернулся ли это Кацалькоатль? — думали ацтеки. — И не боги ли эти белолицые чужеземцы?»

Если здесь действительно были замешаны какие-то непонятные божественные силы, то каждый дальнейший шаг во взаимоотношениях с пришельцами требовал особой осмотрительности. По приказу Монтесумы сановники из ближайшего к месту высадки селения посетили лагерь Кортеса, чтобы выведать дальнейшие намерения этих странных белых людей.

Индейцы принесли с собой щедрые дары — фрукты, початки кукурузы (маиса), птицу и украшения из золота. С помощью своих переводчиков — индианки Малинче и испанца Агиляра — Кортес объяснил посланцам тлатоани, что испанцы — христиане, вассалы императора дона Карлоса, величайшего правителя на земле, который имеет у себя в подчинении множество могущественных царей, и что они прибыли в эту страну по его приказу, поскольку до него уже много лет доходили слухи о ней и о государе, который ею правит. Кроме того, ловкий конкистадор заверил послов

* Основу ацтекского календаря составлял 52-летний цикл — сочетание 260-дневного священного года (13 месяцев по 20 дней в каждом) и солнечного, или календарного, года (18 месяцев по 20 дней плюс 5 дополнительных «несчастливых» дней). Каждые 52 года одни и те же дни священного и календарного годов совпадали. При пользовании календарем ацтеков можно очень точно установить день события в пределах 52-летнего цикла, но нельзя определить, в каком именно 52-летнем цикле имело место это событие. Каждая неделя, дни месяца и даже часы дня и ночи посвящались различным божествам и отмечались ритуалами. Особенно торжественно отмечался обряд «нового огня» в конце каждого 52-летнего цикла. Ацтеки верили, что при смене этих циклов во время пяти «несчастливых» дней может произойти конец света. Люди запирались в домах, гасили все огни и ждали рассвета первого дня нового 52-летнего цикла, когда и зажигался «новый огонь».

в том, что у него есть важное послание испанского короля, которое он должен вручить лично Монтесуме, а для этого испанцам необходимо побывать в столице ацтеков.

Во время беседы индейские художники быстро и точно изобразили на бумаге корабли, лошадей, пушки и самих чужеземцев, их диковинные одежды и бороды. Заметив это, Кортес решил продемонстрировать туземцам свое могущество. По его сигналу внезапно грянули залпы медных пушек, и тяжелые ядра со свистом врзались в лесную чащу, сокрушая на своем пути и огромные древесные стволы, и раскидистые зеленые ветви. Затея удалась на славу. Испуганные индейцы попадали со страху на землю, пораженные громовыми раскатами орудийных выстрелов и их разрушительной силой.

Прощаясь, один ацтекский сановник обратил внимание на железный шлем одного из конкистадоров, очень похожий, по его словам, на головной убор главного божества страны — бога войны Уицилопочтли. Не растерявшись, Кортес тут же вручил шлем индейцу, но попросил вернуть его через какое-то время наполненным золотым песком, чтобы узнать, отличается ли золото здешней страны от золота испанских рек. Кроме того, в дар правителю Теночтитлана посылались несколько наспех собранных вещей: деревянный резной стул, шапка красного сукна с медальоном из поддельного золота, нитка стеклянных бус и пара простых рубашек из голландского полотна.

Неделю спустя все эти вещи вместе с рисунками лежали перед ацтекским «императором». Теперь он располагал наконец самой достоверной информацией о заморских пришельцах. И поскольку правитель Теночтитлана отнюдь не был абсолютным монархом, как это любят утверждать некоторые ученые мужи, он немедленно созвал большой совет «Тройственной Лиги» — союза трех городов-государств: Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана (Такубы). Только такой представительный орган был правомочен решать наиболее важные государственные дела.

Монтесума попросил собравшихся вельмож высказаться относительно просьбы чужеземцев о посещении столицы и вообще решить вопрос: поладить с белыми людьми мирно или же силой выдворить их за пределы государства? Мнения присутствующих разделились. Брат тлатоани Куитлахуак считал, что испанцев ни в коем случае не следует пускать в Теночтитлан. Правитель Тескоко Какамацин, напротив, предлагал встретить пришельцев со всеми подобающими почестями, поскольку, согласно обычаю, ацтеки всегда дружески принимали посланцев других государей, в том числе и враждебных. Если же чужеземцы имеют какие-то дурные намерения, то в городе, слава богу, вполне достаточно воинов, чтобы подавить любого врага. После бурных споров большинство членов совета поддержало мнение Какамацина. Роковое решение было принято.

Но Монтесуме хотелось до конца проверить и версию о вернувшемся Кецалькоатле. И потому он отправляет в Веракрус специальное посольство с богатыми подарками, среди которых находился и полный парадный костюм бога Кецалькоатля (маска, нагрудные украшения и браслеты для рук и ног из драгоценного нефрита и голубой бирюзы). Посольство сопровождала большая группа знахарей, колдунов и звездочетов, которым было поручено околдовать Кортеса и заставить его уйти из Мексики. Среди них выделялся человек по имени Кинтальбор, по внешности — точная копия предводителя конкистадоров. По законам магии все, что происходит с двойником, должно случиться вскоре и с оригиналом. И вот, находясь в лагере испанцев, Кинтальбор заболел (видимо, специально зараженный какой-то тяжелой болезнью, с тем, чтобы заболел и Кортес). Но все было напрасно.

Между тем перед походным шатром Кортеса появилась пышная процессия послов Монтесумы. Молча расстелив у входа несколько циновок, они стали раскладывать перед испанским командующим и его свитой драгоценные подарки. У конкистадоров при виде этих сокровищ разгорелись

глаза. «Первым было круглое блюдо, — вспоминает Берналь Диас, — размером с тележное колесо с изображением солнца и различными резными фигурами, все из чистого золота. Вторым было круглое массивное блюдо из серебра с изображением луны, даже большего размера, чем первое, очень ценная вещь. Третьим был шлем, доверху наполненный золотым песком, на сумму не менее чем три тысячи песо. Затем появилось 20 золотых уточек великолепной работы, несколько украшений в виде фигурок собак, ящеров и обезьян, 10 ожерелий очень тонкой работы, несколько подвесок, дюжина стрел и маленький лук, два жезла в полметра длиной — все из чистого золота. Были там головные уборы из красивых перьев, веера из того же материала, 30 кип тонких хлопчатобумажных тканей и множество других вещей, которые я не могу вспомнить...»

Послы поцеловали землю у ног Кортеса и, окутив его и всех окружающих ароматным дымом благовоний из глиняных жаровен, изложили ответ Монтесумы: «император» выражал чужеземцам чувство искренней дружбы и готов был принять их в своей столице. Таким образом, уловка Кортеса с несуществующим посланием от великого государя сыграла свою роль. Испанцы окончательно убедились в том, что в глубинных районах Мексики находится центр обширной и богатой золотом страны, правитель которой не собирается пока открыто выступить против них с оружием в руках. Оставалось лишь найти способ подчинить эту страну. И обстоятельства вскоре предоставили его Кортесу.

От Веракруса до Чолулы

Уже первые недели пребывания испанцев в Веракрусе выявили одну поразительную особенность. Местные индейцы тотонаки (их столица — Семпоала) оказали чужеземцам самый сердечный прием. Находясь в полной зависимости от Монтесумы и терпя всяческие притесне-

ния от его чиновников и солдат, тотонаки увидели в лице заморских пришельцев своих союзников в борьбе против ига ацтеков. Только теперь Кортес понял, какое могучее оружие для исполнения его дерзких планов послала ему судьба. Все племена и народы обширного ацтекского государства буквально стонали от тяжелых поборов в пользу владык Теночтитлана и лишь искали удобного случая, чтобы выступить с оружием в руках против своих угнетателей. И все же предводитель конкистадоров отдавал себе отчет в том, что, прежде чем идти на столицу ацтеков через труднодоступные горные хребты, нужно было создать опорную базу на побережье для связи с испанскими колониями на Кубе и Гаити. «Как только мы заключили этот договор о союзе с правителями двадцати или более селений тотонаков, которые взбунтовались теперь (при прямом содействии Кортеса. — *В. Г.*) против Монтесумы... — пишет Берналь Диас, — мы решили с их помощью немедленно основать город Вилья-Рика-де-ла-Вера-Крус (*исп.* «Богатый город истинного креста») на равнине, в двух километрах от селения Куэтлаштан».

В течение нескольких недель будто по мановению волшебного жезла на пустынных берегах бухты вырос настоящий город с собором на главной площади, арсеналом, рынком, магистратом и домами, чинно выстроившимися вдоль прямых и широких улиц. Одновременно была возведена и крепость, пушки которой надежно защищали все подходы к городу — со стороны моря и со стороны суши.

Теперь можно было подумать и о походе на Теночтитлан. 16 августа 1519 г. Кортес покинул гостеприимную страну тотонаков и отправился на северо-запад, туда, где виднелись на горизонте голубоватые вершины гор Тлашкалы. В этом опасном предприятии он мог рассчитывать пока только на четыре сотни пеших испанских солдат с шестью орудиями, 16 кавалеристов и несколько тысяч союзных индейских воинов из Семпоалы. Но конкистадор уже твердо знал, что в самом ближайшем будущем силы испанцев

неизмеримо возрастут: их союзниками и друзьями готовы были стать все покоренные ацтеками племена и народы.

Первоначально конкистадоры двинулись к Тлашкале — небольшому горному государству индейцев науа. Этот маршрут был выбран не случайно. Кортес действовал так по совету верховного правителя тотонаков, заверившего предводителя испанцев в том, что храбрые и воинственные тлашкальцы, будучи смертельными врагами ацтеков, во многом облегчат чужеземцам путь на Теночтитлан.

Так оно и случилось. Верховный совет Тлашкалы, состоявший из четырех главных вождей, отвергнув предостережения молодого военачальника Шиконтенкатля, решил встретить конкистадоров как союзников и друзей. «Тотчас же отправились на встречу с ними (испанцами. — В. Г.) правители Тлашкалы, — говорится в одной индейской хронике XVI в. — Они несли с собой пищу: индюков, яйца, тонкие белые лепешки “Вы утомились, господа наши... Вы устали, придите и ступите на нашу землю: вся Тлашкала будет вашим домом”».

Получив в Тлашкале солидное подкрепление — 6 тыс. отборных воинов, армия двинулась дальше — к Чолуле, древнему священному городу, знаменитому по всей Мексике великолепным храмом в честь бога ветра и воздуха Кецалькоатля, а также богатством своих правителей и жрецов. Чолула подчинялась Монтесуме, хотя и сохранила некоторую самостоятельность в вопросах внутреннего управления.

У городских ворот конкистадоров с почетом встретили высшие сановники Чолулы, разместившие всех испанцев в удобных комнатах на территории главного храма. Союзников же — тотонаков и тлашкальцев — оставили в пригородной зоне. Два дня в городе царили мир и спокойствие. А потом произошло нечто непонятное. На третий день пребывания в Чолуле Кортес обвинил всех его жителей в измене и совершил одно из самых жестоких злодеяний в истории конкисты. По его приказу местные прави-

тели и сановники собрались во дворе храма Кецалькоатля, а там их схватили и живьем побросали в огромный костер, разведенный у подножия ступенчатой пирамиды. Вслед за этим конкистадоры и их индейские союзники окружили плотным кольцом весь город и принялись грабить и убивать его жителей. Это кровавое побоище длилось три дня.

По самым скромным подсчетам, тогда погибло от 5 до 6 тыс. горожан.

Целью этого злодеяния, если не считать грабежа, было, по-видимому, стремление Кортеса сломить и запугать индейское население Мексики перед решающим броском на Теночтитлан. «Не учини мы расправы, — откровенно признается Берналь Диас, — наша жизнь была бы в великой опасности со стороны отрядов мексиканских (ацтекских. — *В. Г.*) и чолульских воинов... Расправа... явилась хорошим делом: индейцы Новой Испании (Мексики. — *В. Г.*) увидели и поняли, что их идолы лживы, так как все их обещания не сбылись...»

В помещении главного храма Чолулы был торжественно водружен христианский крест, а языческие божества низвергнуты со своих пьедесталов.

Таким образом, ограбив и спалив этот некогда богатый город, испанцы двинулись дальше. До столицы ацтеков оставалось менее 80 километров. Будучи неплохим политиком, Кортес никак не мог понять, почему столь могущественный правитель, как Монтесума, в распоряжении которого находятся десятки тысяч воинов и почти неисчерпаемые материальные ресурсы, до сих пор хранит странное молчание и не предпринимает активных мер, чтобы не допустить чужеземцев в свою столицу. Конкистадор просто не верил в искренность дружеских чувств какого-то «варварского царька». Каждый миг он ждал коварного удара в спину. И потому заставлял своих солдат спать по ночам не раздеваясь, с оружием в руках. Но проходили дни, до главного города ацтеков было уже рукой подать, а вокруг по-прежнему все оставалось спокойным.

Вблизи Теночтитлана Кортеса встретило еще одно посольство Монтекумы, принесшее с собой множество дорогих подарков из золота и серебра. К тому времени коренные обитатели Мексики уже разобрались в том, чего ищут в их краях белокожие и бородатые чужеземцы. Разобрались и по достоинству оценили алчность христианского воинства. «Они дали испанцам флаги из золота, — говорится в одном индейском документе, — флаги из перьев птицы кецаль и золотые ожерелья. И когда они дали им это, счастье выражали лица испанцев, они возрадовались, они были в восхищении. Словно обезьяны, хватали они золото, раскачиваясь от удовольствия, как будто оно их преобразило и озарило ярким светом их сердца...»

В последний момент обеспокоенный драматическими событиями в Чолуле Монтекума вновь собрал своих вельмож на совет с тем, чтобы решить, следует ли пускать в столицу столь алчных и жестоких людей, какими показали себя пришельцы. Но советники тлатоани оставались непреклонными. Их словно загипнотизировали слова тескоканского правителя Какамацина о необходимости принять послов чужеземного государя. Путь на Теночтитлан был открыт.

Коварство конкистадора

Полный успех задуманного Кортесом предприятия — беспрепятственный вход в практически неприступную островную столицу ацтеков (Теночтитлан находился на островах посреди огромного полусоленого озера Тескоко) и необъяснимо пассивное, но неизменно дружеское отношение Монтекумы к пришельцам, наконец, довольно быстрая гибель могущественной ацтекской «империи» — всегда потрясал воображение и ученых, и широкой публики. В этом событии все было необычно и загадочно. Объяснить его могло лишь чудо. И в самом деле, «горсть искателей счастья... смогла прибыть к берегам обширной страны,

населенной храбрым, воинственным племенем, и проложить себе путь в самый центр ее!.. Это факт почти чудесный, почти сверхъестественный, единственный в своем роде в истории мира».

Написавший эти восторженные слова человек, американский историк У. Прескотт, не дает своего объяснения выявленным «чудесам». Но были люди и до, и после него, которые без всяких колебаний решили, что необычный характер успехов Кортеса в Мексике и поразительно быстрый крах ацтекской «империи» связан лишь с одним фактом: Монтесума, следуя какому-то старому пророчеству и древним легендам о Кецалькоатле, поверил в то, что на берега Веракруса высадился не враг и завоеватель, а сам бог со своими сторонниками. С богами же, как известно, воевать бессмысленно. Отсюда и весь ход дальнейших событий.

Итак, Монтесума и Кортес встретились у входа в Теночтитлан, обменялись подарками и, произнеся подобающие столь незаурядному событию речи, направились к дворцу, где должны были разместиться конкистадоры. Что же случилось потом? Если верить словам Кортеса, «император» ацтеков, поселив своих гостей в обширных покоях старого дворца, спокойно удалился в свою резиденцию, расположенную неподалеку. А рискованный план пленения Монтесумы был осуществлен лишь неделю спустя после прибытия испанцев в город как ответная мера на нападение ацтекского отряда на гарнизон Веракруса.

С другой стороны, многие летописцы XVI в. категорически отвергают эту версию. Из их сообщений недвусмысленно вытекает, что тлатоани и его приближенные были схвачены испанцами сразу же по прибытии в старый дворец. Все высшие сановники ацтекского государства, и в их числе сам Монтесума, оказались в западне. Коварный план конкистадора, выношенный им еще до начала похода, увенчался полным успехом: самая могущественная держава Америки оказалась обезглавленной и побежденной без единого

выстрела. Теперь, имея в руках столь влиятельных заложников, Кортес мог смело диктовать свою волю и ацтекам, и остальной Мексике.

К вечеру того же дня во дворце Ашайякатля, где разместились испанцы, в специально построенной часовне капелланы Ольмедо и Диас отслужили торжественную мессу. Слева от них лежали отделенные тонкой стеной сокровища ацтекских царей, в которых были кровно заинтересованы все молитвенно преклоненные конкистадоры, а справа, в другом, примыкавшем к часовне помещении, сидел несчастный Монтесума, находившийся в самом сердце своей державы, но уже не более как заложник в руках кучки бесчестных людей.

Все шло как по писаному. Успехам Кортеса, казалось, не будет конца, как вдруг одно за другим последовали события, резко изменившие ситуацию. Сначала в среде конкистадоров возникло беспокойство по поводу справедливого дележа добытых в ацтекской столице баснословных богатств. Кортес вынужден был уступить. Сокровища принесли в центральный зал и взвесили. Оказалось, что их стоимость составляла 162 тыс. золотых песо, или 6,3 млн долларов (подсчеты делались в XIX в.). Для XVI столетия это была колоссальная сумма. По всей вероятности, таких богатств не имел в своей казне ни один из европейских монархов. Стоит ли удивляться тому, что испанцы буквально обезумели, подсчитав, сколько придется на долю каждого. Но у Кортеса имелись свои соображения и на этот счет. «Вот как происходил этот раздел, — вспоминает Берналь Диас. — Из всей массы прежде всего взята была одна пятая для короля и другая для Кортеса. Затем главнокомандующий потребовал вычета тех расходов, какие он понес на Кубе при снаряжении экспедиции, а также возмещения Веласкесу за суда, нами уничтоженные... Далее скостили пай для 70 человек гарнизона Веракруса... Только затем приступили к наделению прямых участников. Но и тут шло в таком порядке: сперва оба духовных лица, затем офицеры,

затем всадники, затем мушкетеры и арбалетчики; всем им предоставлялось по двойному паяу. Когда же после стольких надругательств очередь дошла до нас, остальных солдат, по расчету один пай на человека, то этот пай был столь мизерен, что многие его даже не брали, и тогда, конечно, и их доля шла в карман к Кортесу!» Дело чуть было не дошло до открытого бунта. Но предводитель сумел уговорить свое воинство, пообещав добыть в столице ацтеков и ее окрестностях новые сказочные богатства.

Затем произошло другое событие, чуть было не нарушившее все планы Кортеса: у мексиканского побережья появилась эскадра, посланная Диего Веласкесом. Возглавлял ее некий Панфило де Нарваэс, пользовавшийся особым доверием губернатора Кубы. Нарваэс получил большой отряд хорошо вооруженных солдат и лишь один приказ: найти и наказать по заслугам подлого изменника Кортеса, который во всем поступил вопреки воле губернатора. Сложилась довольно забавная ситуация. Охотник, подстерегавший богатую дичь в садах Теночтитлана, сам превратился теперь в объект охоты. Медлить не приходилось. Оставив в столице достаточно сильный гарнизон во главе с Педро де Альварадо, Кортес с остальным войском, включая часть глашатаев, двинулся в Веракрус.

Действуя больше обманом и подкупом, нежели силой, он сумел довольно быстро переманить на свою сторону большинство солдат Нарваэса, а самого командующего практически без боя взять в плен. Кортесу досталась богатая добыча: артиллерия, лошади, порох и запасы амуниции. Перед возвращением в Теночтитлан его армия состояла уже из 1300 пехотинцев и 96 всадников при 15 орудиях.

И в этот момент наивысшего триумфа словно гром среди ясного неба грянуло роковое известие из ацтекской столицы. «Мой посланец, — вспоминает Кортес, — вернулся оттуда (из Теночтитлана. — *В. Г.*) через 12 дней и принес мне письма от тамошнего алькальда (Альварадо. — *В. Г.*), в которых он мне сообщал, что индейцы атаковали кре-

пость со всех сторон, подожгли ее и сделали в ряде мест подкопы и что испанцы там находятся в большой опасности и были бы уже все перебиты, если бы упомянутый Мотекухсома не приказал прекратить битвы...» Восстание в ацтекской столице реально угрожало потерей всех прежних достижений Кортеса по упрочению своей власти над Мексикой. Тот, кто владел Теночтитланом, владел всей страной. И конкистадор устремился на запад: как и полгода назад, судьба кампании вновь решалась на берегах обширного, как море, озера Тескоко.

Что же послужило причиной восстания ацтеков? Какое именно деяние чужеземцев переполнило чашу терпения горожан?

Пока Кортес воевал с Нарваэсом на побережье Мексиканского залива, ацтекские жрецы обратились к Альварадо с просьбой разрешить им провести в главном храме столицы один из самых значительных ежегодных праздников в честь бога Уицилопочтли. После недолгих раздумий тот согласился, но поставил два условия: не приносить в ходе празднества человеческие жертвы и не брать с собой оружия.

В назначенный день процессия ацтекских сановников и жрецов в пышных костюмах вступила на вымощенный камнем просторный двор храма Уицилопочтли. И вскоре глухая дробь барабанов и пронзительный свист глиняных флейт возвестили всему городу о том, что долгожданный праздник начался.

Затем произошло непонятное. Без всякой на то причины на безоружных индейцев со всех сторон набросились конкистадоры. Входы и выходы в храм оказались перекрытыми испанскими солдатами. Началась массовая резня обезумевших от ужаса людей. Один из свидетелей этой бойни писал: «Кровь текла ручьями, словно вода в сильный ливень». Вскоре все было кончено: на священных камнях храмового двора валялось несколько сотен изрубленных трупов (разные источники определяют число жертв от 600 до 1000 человек). Слух о новом преступлении чужеземцев мгно-

венно распространился по городу. Ярости ацтеков не было предела. Конкистадоры не только смертельно оскорбили их верховное божество — Уицилопочтли, но и без видимой причины перебили цвет аристократических семейств Теночтитлана. Если Альварado рассчитывал своим злодеянием парализовать волю ацтеков к сопротивлению, как это не без успеха проделал в Чолуле Кортес, то его планы потерпели полный провал. Меньше чем через час испанцы были выбиты из главного храма и поспешно укрылись в своей укрепленной резиденции.

С этого дня дворец Ашайякатль превратился в осажденную крепость. Все подходы к нему контролировались индейцами. Запасы продовольствия и пороха у конкистадоров быстро истощались. Они несли большие потери в ежедневных ожесточенных столкновениях с бесчисленными врагами. Возвращение Кортеса в Теночтитлан спасло отряд Альварado от полного уничтожения, но не изменило общей безрадостной для испанцев картины. Ацтеки, подтянув все имевшиеся поблизости войска, численно намного превосходили и сражались с невиданной яростью. Они беспрепятственно пропустили победителей Нарваэса в осажденный дворец, а затем сожгли все мосты через дамбы, отрезав тем самым пути к отступлению из города. Теперь в ловушке оказалась вся армия Кортеса. Наступил час расплаты за те обиды и преступления, которые совершили конкистадоры в Стране кактуса и орла — в Мексике.

Смерть Монтесумы и «Ночь печали»

И тогда Кортес решил вновь использовать для облегчения участи осажденных свой главный козырь — пленного Монтесуму. Закованного в цепи «императора» привели на плоскую крышу дворца с тем, чтобы он успокоил своих подданных и заставил их снять осаду. Но едва Мон-

тесума в сопровождении испанцев вышел на верхнюю площадку и начал говорить, на него обрушился целый град стрел и камней. Одним из камней тлатоани был легко ранен в голову, после чего вся группа неудачливых парламентаров поспешила укрыться за прочными стенами дворца, а раненого правителя ацтеков унесли в его комнату.

В дальнейшем события развивались почти как в детективном романе: убийство, выяснение его обстоятельств, поиски виновных, сопоставление различных версий. Оба очевидца и участника этой истории — Кортес и Берналь Диас — уверяют нас в том, что «император» ацтеков умер спустя некоторое время от полученной раны (или ран), несмотря на все усилия испанцев помочь ему. Их версия в наиболее яркой и красочной форме выражена в эпохальном труде американского историка XIX в. Уильяма Прескотта «Завоевание Мексики»: «Между тем несчастный Монтесума был перенесен спутниками в свои покои. Опамятовавшись от бесчувствия, причиненного ему ударом, он постиг всю бедственность своего положения. Он испытал горечь унижения. Ему не для чего было более жить. Напрасно Кортес и офицеры старались облегчить его душевные страдания и внушить ему лучшие мысли. Он ни на что не отвечал ни слова. Рана его, хотя и опасная, могла еще при искусном лечении не быть смертельной. Но Монтесума отказывался от всех лекарств, предписываемых ему. Он срывал повязку, как только ему ее прикладывали, сохраняя при этом совершенное молчание. Он сидел с потупленным взором, размышляя о своем утраченном счастье, о прежнем величии и настоящем унижении. Он пережил свою славу... Стало ясно, что он не намерен уже переживать своего бесчестья...»

Какая трогательная и умилительная сцена: тяжелораненый ацтекский правитель, окруженный всеобщим вниманием и надлежащим уходом, терзается своим бедственным положением и наконец, не выдержав моральных мук, в отчаянии умирает.

Но не будем спешить с окончательными выводами. Надо помнить, что эта версия событий была создана людьми пристрастными, прямо заинтересованными показать себя в наиболее выгодном свете (Кортес, Берналь Диас). У нас есть и другие, не менее важные свидетельства. Так, Диего Дуран, испанский автор конца XVI в., указывает в своей хронике, что, «когда оставшиеся в живых испанцы бежали из Мехико... пришли мексиканцы во дворец искать Монтесуму... и нашли его мертвым с цепью на ногах и пятью ножевыми ранами в груди и вместе с ним многих своих пленных сановников и вождей, всех убитых кинжалом...». Монах Франсиско де Агиляр, бывший солдат Кортеса и непосредственный участник описываемых событий, написал в своей «Краткой истории завоевания Новой Испании» следующее: «Монтесума, раненный в голову... в этот вечерний час находился в своих покоях, где присутствовали и другие очень знатные сеньоры, плененные вместе с ним. И всех их упомянутый Кортес с согласия своих капитанов приказал убить, не щадя никого». То же самое говорится и в трудах дона Фернандо де Альбы Иштлилшочитла, потомка индейских правителей Тескоко, и монаха-францисканца Бернардино де Саагуна. Несмотря на расхождения в деталях, названные выше авторы, испанские и индейские, единодушны в том, что Монтесуму убили испанцы. И это похоже на правду. В критическую минуту, когда на карту ставилось все, Кортес без малейших колебаний шел на любую жестокость, лишь бы устранить опасных или неугодных ему людей. «Император» ацтеков, лишившись уважения своих подданных, больше был ему не нужен, а на свободе он стал бы опять опасен, и роковой приказ был отдан. Злодеяние свершилось.

Итак, надежды заключить перемирие с ацтеками и уйти восвояси из восставшего Теночтитлана не сбылись. Монтесума был мертв. Надо было принимать какое-то неординарное решение и искать выход из захлопнувшейся западни. Наступила самая страшная для Кортеса ночь, которая

вошла в историю под названием «Ночь печали». После долгих раздумий предводитель конкистадоров уже в полной темноте отдал приказ готовиться к прорыву на материк. Накануне выступления в лагере испанцев никто не спал. Готовили легкий переносной мост для переправы через проемы в дамбе, чистили оружие, вспоминали Мадонну-заступницу, спешили досыта поесть перед долгой и смертельно опасной дорогой. Затем пронесся слух, что Кортес снова раздает сокровища Монтесумы, и конкистадоры бросились в центральный зал дворца. Слух оказался верным. Золота было так много, что его просто не представлялось возможным унести. Поэтому Кортес, погрузив вьюки со своей и королевской долей сокровищ на уцелевших лошадей, милостиво разрешил подчиненным брать из оставшегося кто сколько хочет. И вот в колеблющемся свете факелов у сверкающей груды золотых слитков началась настоящая схватка. Бывалые солдаты из старой гвардий Кортеса старались взять предметы полегче и поценнее — драгоценные камни, жемчуг. Они хорошо знали, что от спасительного берега их отделяет несколько километров глубокого озера. Зато новобранцы из состава экспедиции Нарваэса, с упоением утоляя свою алчность, обвешивались золотыми цепями и ожерельями, запихивали тяжелые золотые слитки за пазуху, в сумки и сапоги.

30 июня 1520 г. под покровом густой темноты испанцы осторожно вышли из дворца и двинулись по пустынным улицам города на запад, к дамбе, ведущей на Тлакопан (Такубу), — по самой короткой и наименее разрушенной дороге к спасительному берегу. Солдаты авангарда несли и перебрасывали через проемы в дамбе легкий деревянный мостик, который снимали те, кто шел в арьергарде. Лил сильный дождь. Под ногами тысяч людей земля быстро превращалась в жуткое месиво из воды и грязи. Вокруг царил тишина. Лишь глухой шум тугих дождевых струй да едва слышные звуки шагов конкистадоров нарушали ее (всадники обернули тряпьем копыта своих лошадей). Голов-

ные дозоры уже миновали три проема в дамбе и подошли к последнему, четвертому, называемому «Каналом тольтеков». Пришлось снова наводить мост. И в этот момент прозвучал сигнал тревоги: отступавшие были наконец замечены. Не прошло и получаса, как скучившиеся на дамбе конкистадоры и их индейские союзники были атакованы с тыла отрядами пеших ацтеков, а с флангов — многочисленной флотилией ацтекских боевых лодок. Началась невообразимая паника. Каждый стремился первым проскочить по легкому мосту, мешая товарищам. Как и следовало ожидать, мост вскоре рухнул, не выдержав тяжести стольких людей. Последний путь к отступлению оказался отрезанным. А между тем битва разгоралась. В пролом дамбы падали убитые и раненые, вьюки, пушки и лошади. Вскоре здесь образовалась такая груда тел, что она целиком заполнила проем, дав возможность уцелевшим испанцам двигаться дальше. Воспользовавшись этим, Кортес с отрядом кавалеристов вырвался из ловушки, увозя с собой часть сокровищ и несколько знатных юных заложников — сына Монтесумы, братьев Какамачина. Он так и не повернул назад, чтобы помочь своему истекающему кровью арьергарду. «Кортес, — вспоминает Берналь Диас, — и те капитаны и солдаты, что шли первыми... бросились по дамбе вперед и благополучно миновали ее. Так же благополучно выбрались с ним лошади, груженные золотом, и тлашкальцы-носильщики...»

Конкистадоры находились теперь в Тлакопане, на твердой земле. Шум боя явственно слышался позади. Но когда среди солдат поднялся ропот и раздались голоса, призывающие идти на помощь соотечественникам, командующий отказался сделать это. «Чудо уже то, — заявил он, — что спаслась хоть горстка из нас».

Наконец под нажимом своих солдат Кортес с несколькими всадниками все-таки сделал чисто демонстративную попытку помочь гибнущей армии, но, встретив через сотню шагов израненного Альварадо с четырьмя испанца-

ми и восемью глашкальскими воинами, быстро вернулся назад. По его словам, подкрепленным ссылками на сообщение Альварадо, позади все погибли и, стало быть, спастись больше некого. Оба конкистадора намеренно лгали своим товарищам по оружию. Как свидетельствуют многие авторы, в том числе и участник этого похода Франсиско де Агиляр, отдельные группы испанцев и глашкальцев, укрывшись в прочных домах Теночтитлана, продолжали сопротивление еще трое суток, пока не полегли все до единого. Кортес потерял в ту ночь и армию, и честь, бросив на произвол судьбы испанских солдат и их индейских союзников, но зато сохранил часть своего золота.

Потери испанцев действительно были ужасающими. За какие-то несколько часов погибли в бою, утонули или были взяты в плен свыше 800 конкистадоров. Испанцы лишились всей артиллерии, пороха и большей части лошадей. Индейцев из вспомогательных союзных войск Кортеса ацтеки вырезали почти целиком. Так, с особой яростью, они истребляли своих братьев, вставших на сторону их заклятого врага. Пленных же ацтеки немедленно принесли в жертву богу Уицилопочтли. Таков был финал «Ночи печали».

Падение Теночтитлана

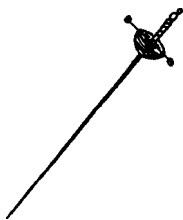
Казалось, участь уцелевших конкистадоров уже решена, и все они должны были погибнуть еще до подхода к спасительному для них Веракрасу. Но события развивались по иному сценарию. Глашкала вновь подтвердила свою верность союзу с чужеземцами, дала им приют, пищу, снаряжение и новые легионы опытных в бою воинов. Используя политику кнута и пряника, Кортес сумел собрать под свои знамена почти всех индейцев Центральной Мексики. Его армия насчитывала теперь несколько сотен тысяч человек. Прибывшие в Веракрас с Кубы, Гаити и Испании

корабли привезли оружие, пушки, порох и лошадей. Началось медленное, но неотвратимое наступление на Теночтитлан.

Со своей стороны, ацтеки тоже всемерно готовились к решающим сражениям. Их юный вождь Куаутемок собрал в один кулак все имеющиеся у него силы и в течение трех месяцев (с середины мая до 13 августа 1521 г.) упорно отстаивал рубежи своего главного города. Лишь ценой больших потерь, пользуясь своим преимуществом в вооружении и численности, конкистадоры сумели наконец захватить полуразрушенный, заваленный трупами, горящий Теночтитлан. Куаутемок попал в плен и впоследствии был повешен по личному распоряжению Кортеса.

Вслед за этим началась христианизация и колонизация страны. Земля была захвачена испанцами и разделена на поместья, обрабатываемые руками индейцев-рабов. Для всех народов, некогда входивших в «империю» ацтеков, а также для всех тех, кого испанцы покорили впоследствии, наступила долгая, почти трехвековая ночь колониального рабства.

Первые обитатели континента

Ученые спорят

Согласно общепринятой научной теории, предки индейцев пришли на Американский континент из Северо-Восточной Азии через Берингов пролив и Аляску. Здесь Азия и Северная Америка в буквальном смысле слова протягивают друг другу руки через неприветливый, холодный океан. В ясный солнечный день азиатское побережье можно отчетливо видеть с американской территории, поскольку полуостров Сьюард, выдающийся в море далеко на запад, отделен от мыса Восточный на азиатской стороне всего лишь 90 километрами водного пространства. Во время суровой арктической зимы узкий Берингов пролив надолго замерзает, и местные жители (эскимосы и чукчи) еще совсем недавно охотно пользовались этим ледяным мостом для санных поездок из Азии в Северную Америку и обратно. Точно так же могли поступать и древнейшие обитатели Американского континента.

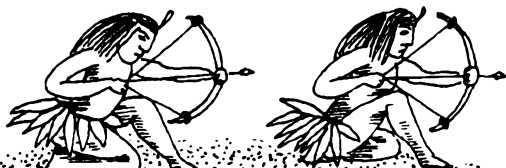
Однако если маршрут первых волн переселенцев в Новый Свет сейчас более или менее установлен, то относительно того, когда именно это произошло, как выглядели перво-

бытные колонисты и каков был характер культуры, которую они принесли с собой, до сих пор ведутся бурные научные дискуссии. Правда, о времени первоначального заселения Америки могут, хотя и частично, свидетельствовать данные геологии и физиологической антропологии. Так, согласно расчетам геологов, человек мог появиться в Новом Свете не ранее периода последнего оледенения в Северной Америке, называемого учеными Висконсинским. Начало его приходится приблизительно на 70 тыс. лет назад, конец — 10—11 тыс. лет назад, максимальное распространение ледников — на время около 20 тыс. лет назад. Известно, что в ходе Висконсинского оледенения тысячи кубических километров воды превратились в лед, а это, соответственно, резко понизило уровень Мирового океана. Такое понижение составило в целом от 60 до 100 метров по сравнению с современным уровнем. В итоге между Азиатским и Американским континентами образовался сухопутный перешийек — Берингия, просуществовавший до конца Висконсинского оледенения, пока интенсивное таяние ледников вновь не подняло уровень океанов. Но прежде чем эта «передняя дверь» в Америку захлопнулась, через нее уже успело пройти немало переселенцев из Азии. О характере культуры, которую они принесли с собой, мы знаем очень немного. Бесспорно только одно: древнейшие жители Нового Света были охотниками и собирателями каменного века (верхний палеолит). Таким образом, первые американцы, или палеоиндейцы (как их часто называют в работах археологов), по-видимому, не подозревали о том, что они были первыми обитателями Нового Света. Их появление на севере Американского континента явилось результатом медленного расселения из Азии на северо-восток, по суше, через Берингию. Не была это и какая-то единая крупная волна переселенцев из Сибири. Скорее имело место медленное, растянутое на тысячелетия «просачивание» небольших групп сибирских охотников и собирателей каменного века, двигавшихся вслед за стадами непуганых животных ледни-

ковой эпохи (лошадь, верблюд, олень, мамонт, шерстистый носорог и др.) и незаметно для себя оказавшихся в пределах совершенно нового материка. И так продолжалось до тех пор, пока около 10 тыс. лет назад Берингия окончательно не погрузилась на дно морское. По мнению ученых, наиболее благоприятные моменты для проникновения первобытного человека из Азии в Америку (если учитывать наличие сухопутного моста-перешейка и общее расположение ледников на Аляске) существовали с XXVIII по XXV тыс. до н. э. и с XV до X тыс. до н. э.

Второй безусловный вывод о времени появления человека в Новом Свете дает нам физическая антропология. Антропологи давно доказали, что на Американском континенте никогда не было ни живых, ни ископаемых человекообразных обезьян — приматов. Таким образом, Америка не может считаться местом происхождения человека. Все останки первобытных людей, найденные здесь, относятся к виду хомо сапиенс, т. е. человеку современного облика. Следовательно, первые переселенцы должны были появиться в Новом Свете не ранее чем 40 тыс. лет назад, поскольку именно тогда хомо сапиенс сложился окончательно как особый вид в Старом Свете.

Последние исследования ученых заставили нас отказаться от одной старой и очень привлекательной идеи: учитывая то, что коренные жители Америки в момент первых контактов с европейцами были преимущественно монголоидами, следует считать таковыми и первоначальных переселенцев. Однако в действительности все оказалось гораздо сложнее. Например, древнейшие обитатели Южной Америки явно отличались по своему физическому облику от монголоидов. Более поздние костные останки демонстрируют постепенное возрастание монголоидных черт, что связано, вероятно, с последующими миграциями из Азии или местной эволюцией физических типов палеоиндейцев. Некоторые антропологи допускают для наиболее ранних периодов заселения Нового Света миграции из Азии живших там тогда

немонголоидных племен: негроидов (веддоидов или австролоидов) и европеоидов (прототипов современных айнов). Есть и другие, прямо противоположные мнения. Разнообразие типов американских индейцев объясняют помимо ряда волн различных миграций и воздействием на переселенцев местной природной среды в ходе их приспособления к специфическим условиям Нового Света.

Тепешпанский человек

На территории Северной Америки древнейшие, четко датированные археологами стоянки первобытного человека относятся ко времени не ранее XXIV тыс. до н. э. (Тьюл-Спрингс в Неваде, Ла-Холья в Калифорнии, Сандиа в Нью-Мексико и др.). А на самой южной оконечности Американского континента, в Патагонии, на полах пещер Пальи-Айке и Фелл первые следы обитания первобытных охотников и собирателей отмечены лишь в нижних слоях отложений VII тыс. до н. э. Но Аляска удалена от Патагонии более чем на 17 600 километров. Сколько же времени и сил нужно было затратить первым и немногочисленным группам переселенцев, чтобы преодолеть те большие и малые препятствия, которые воздвигала перед ними суровая и дикая природа нового континента: гигантские горные хребты, огнедышащие вулканы, влажные девственные джунгли, широкие реки и озера. Почти 600 поколений первобытных людей в течение восемнадцати тысячелетий (XXV—VII тыс. до н. э.) шли по этому длинному и опасному пути, пока не достигли крайних южных пределов Нового Света.

В ходе этого великого переселения палеоиндейцам приходилось пересекать разные климатические зоны (от арктических снежных равнин до вечнозеленых тропических лесов), вступать во всевозможные контакты с такими же бродячими группами, подолгу жить в изоляции, в опре-

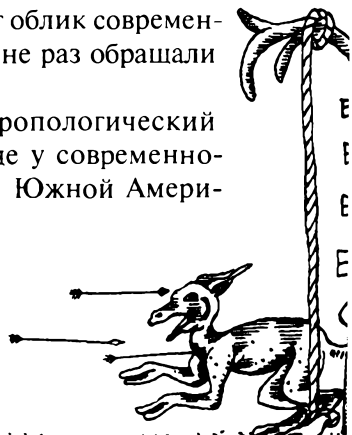
деленном природном окружении, приспособивая к нему свой быт и хозяйство. Так постепенно, незаметно для самих себя, эти первобытные человеческие общины подверглись столь значительным изменениям, что составили уже совершенно новый физический тип людей — американских индейцев.

Как же выглядели те, кто в числе первых ступил на землю нового континента?

Парадоксально, но, несмотря на тщательнейшие поиски, найти скелеты древнейших обитателей Нового Света удавалось лишь в крайне редких случаях. Одно из таких открытий было сделано в 1947 г. в местечке Тепешпан (долина Мехико). На дне геологического разреза, в слое, относящемся к ледниковой эпохе, ученые обнаружили скелет человека. Он лежал ничком, колени были подогнуты к животу. Часть костей спины отсутствовала, видимо, растащенная еще в древности птицами и зверями. И условия находки (на месте старого болота), и поза скелета говорили о том, что тепешпанский человек погиб насильственной смертью и был брошен в болотную грязь лицом вниз. Что послужило причиной трагедии, разыгравшейся здесь почти 10 тыс. лет назад, мы, вероятно, никогда не узнаем.

Изучение скелета показало, что он принадлежал крепкому коренастому мужчине в возрасте 50—55 лет. Никаких примитивных черт у черепа обнаружить не удалось. Антропологи и скульпторы позднее восстановили примерный облик тепешпанского человека. И вот он глядит на нас из музейной витрины своими широко посаженными глазами. Скуластое, слегка монголоидное лицо, низкий лоб, орлиный нос, длинные, ниспадающие на плечи, прямые волосы — все это удивительно напоминает облик современных мексиканских индейцев, на что уже не раз обращали внимание исследователи.

Древний протоамериканоидный антропологический тип представлен в наиболее чистом виде у современного коренного населения Центральной и Южной Амери-

ки, тогда как индейцы и эскимосы на севере континента (особенно в таежной и тундровой зонах) обладают более заметными монголоидными чертами. Возможно, это связано с тем, что коренные жители Центральной и Южной Америки в массе своей — дальние потомки палеоиндейских охотников, которые еще в глубокой древности начали свое продвижение на юг. В то же время другая часть палеоиндейцев, обитавших севернее, подверглась впоследствии сильному воздействию со стороны новых волн переселенцев-монголоидов из Азии.

Райская долина

Археологические открытия последних лет на территории Мексики показывают, что тепешпанский человек отнюдь не был первым обитателем этих мест. И хотя мы сейчас не знаем точно, когда именно первобытные охотники и собиратели впервые достигли долины Мехико, не приходится сомневаться, что это случилось по крайней мере 21–23 тыс. лет назад. Во всяком случае, именно так датируется палеоиндейская стоянка в Тлапакойте (на окраине современного города Мехико) по результатам целой серии радиоуглеродных анализов. А ведь есть еще и остатки ископаемых гигантских животных ледниковой эпохи, найденные вместе с каменными орудиями, сделанными рукой человека, в Вальсекильо (штат Пуэбла, Центральная Мексика). Судя по геологической периодизации, этой находке около 20 тыс. лет, а по данным радиоуглеродного анализа — 21–23 тыс. лет.

В этот период долина Мехико и прилегающие к ней районы должны были казаться первобытным охотникам и собирателям настоящим раем. Климат тогда был влажным и умеренным. Почти всю площадь долины занимала цепь мелководных озер с болотистыми, топкими берегами, густо поросшими растительностью — травами и кустар-

никами. Эта богатая флора, в свою очередь, давала превосходную пищу крупным стадным животным ледниковой эпохи — мамонтам, мастодонтам, бизонам, лошадям, оленям, верблюдообразным, а также мелкой дичи и водоплавающей птице. И вот в этот заповедник непуганых зверей пришел человек. Первое, что привлекло его внимание, были гигантские млекопитающие ледниковой эпохи — мамонты, эти живые горы мяса, густо заросшие рыжеватой длинной шерстью. Правда, взять их открытой атакой, с помощью каких-то жалких дротиков и копий, оказалось почти невозможным. Но в конце концов люди справились с этими гигантами. Поджигая сухую траву, охотники гнали их в сторону болот, где тяжелые животные безнадежно увязали в прибрежной грязи и становились легкой добычей индейцев. Поверженных зверей разрубали на куски прямо на месте и, создав сородичей, устраивали великолепное пиршество, длившееся несколько дней. Каждый стремился наесться до отвала: видимо, это была своеобразная компенсация в предвидении неизбежных будущих голодовок.

Дошедшие до наших дней следы таких первобытных пиршеств служат самым надежным свидетельством пребывания палеоиндейцев в долине Мехико в конце ледниковой эпохи. Одно из них было обнаружено в 50-х гг. прошлого века мексиканскими археологами близ местечка Санта-Исабель-Истапан: это — скелет мамонта, наверняка убитого человеком. Обсидиановый ножевидный накопчик копья все еще торчал в одном из ребер животного, а несколько других орудий, предназначенных для убийства и разделки туши зверя, валялись вокруг гигантских костей, отчетливо указывая и на уровень техники первобытного человека тех времен, и на дату происшедшего события — IX—VIII тыс. до н. э. Таким образом, в Истапане ученые впервые получили твердые доказательства в пользу того, что человек жил на территории Мексики одновременно с исчезнувшими в конце ледниковой эпохи гигантскими животными.

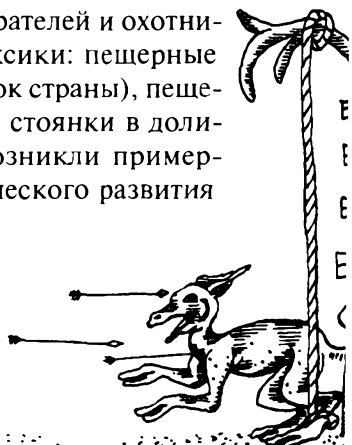
Однако не следует думать, что мясо мамонтов, носорогов и бизонов являлось неременной составной частью ежедневного рациона людей того времени. Для получения такой ценной добычи требовались усилия большой группы охотников, каждый из которых шел в данном случае на смертельный риск в схватке с могучим и свирепым зверем. Редкие удачи часто сменялись здесь жестокими потерями. И первобытные общины предпочитали в повседневной жизни больше полагаться на добывание мяса с помощью охоты на мелких животных — сусликов, кротов, белок, кроликов. Надо сказать, что простая полевая мышь значила в ежедневном рационе палеоиндейца неизмеримо больше, чем мясо мастодонта или носорога. Во всяком случае, остатки мышей, обуглившиеся, но с полным набором костей скелета, найденные на древних стоянках, показывают, что люди заглатывали зверьков целиком, вместе с шерстью и хвостами. Огромную роль в их питании играли и всевозможные съедобные растения. Эта пища была в определенное время года всегда под рукой, и проще было сорвать поспевший плод или выкопать съедобный корень, нежели весь день гоняться за быстроногим оленем.

Экологический кризис
и эра собирателей пищи
(7000–2000 гг. до н. э.)

В конце VIII тыс. до н. э. в Мексике произошло резкое изменение климата. Он стал гораздо суше и теплее, приближаясь к современному. Растительный и животный мир страны постигла подлинная катастрофа. На обширной территории от североамериканского штата Юта и до границ Гватемалы и Гондураса влажные луга и саванны превратились в засушливые степи и полупустыни. Все растения, для которых требовалось много влаги, погибли, а вместе с ними быстро вымерли почти все крупные животные лед-

никовой эпохи: мамонты, мастодонты, лошади, бизоны, верблюды. Ранние страницы человеческой истории часто заполнены такими драматическими событиями. В ту эпоху взаимосвязь человека с природой выступала как никогда выпукло и ясно. В жестокой битве за существование охотники на мамонтов потерпели поражение. Но собиратели диких плодов и растений выиграли ее. Рыболовство, добыча речных и морских моллюсков, охота на мелких зверьков и птиц служили важным дополнением к растительной пище. И хотя у нас нет пока полной картины всего образа жизни людей этой переходной эпохи, мы знаем ее достаточно хорошо, поскольку многие ее формы сохранились вплоть до прихода европейцев в Новый Свет. Даже во времена цивилизованных ацтеков в XVI в. на севере Мексики существовали племена «диких людей» — чичимеков. Вот что пишет о них испанский летописец Диего Дуран: «Они жили среди высоких гор и в самых суровых горных местах, где вели почти животное существование. У них не было никакой нормальной человеческой организации, кроме того, что они все вместе гонялись за пищей как звери в тех же самых горах, и они ходили абсолютно голыми, не закрывая даже своих срамных мест. Весь день они охотились на кроликов, зайцев, кротов, диких кошек, птиц, змей, ящериц и мышей. Собирали они также червей, саранчу, травы и коренья. Вся их жизнь свелась к постоянным поискам пищи... Эти люди спали внутри пещер или в кустах и не делали каких-либо попыток посеять, вырастить и собрать свой собственный урожай. Они не заботились о завтрашнем дне и съедали все, что они добывали каждый день, сразу и без остатка...»

В настоящее время следы культур собирателей и охотников обнаружены во многих районах Мексики: пещерные стоянки в штате Тамаулипас (северо-восток страны), пещера Осокоаутла (штат Чьяпас), пещерные стоянки в долине Техуакан (штат Пуэбла). Все они возникли примерно в VII тыс. до н. э. Затем цепь исторического развития

как бы прерывается, и около 2000 г. до н. э. мы встречаем уже вполне сложившиеся культуры оседлых земледельцев.

Что же происходило в течение этого загадочного переходного периода? Какие подспудные процессы и изменения превратили «дикие» племена с охотничье-собираательским хозяйством в «культурных» земледельцев, владеющих уже многими навыками и ремеслами? Где находился главный центр американского земледелия?

Для науки упомянутые вопросы имеют далеко не праздный интерес. Теперь вряд ли кто будет отрицать, что земледелие — это главная движущая сила в формировании и развитии культур древности с их городами, письменностью и календарем. Поэтому решение проблемы происхождения земледелия в Новом Свете открывает прямую дорогу к решению проблемы происхождения главных цивилизаций индейцев доколумбовой Америки.

У истоков мексиканского земледелия

Формирование земледельческих культур не могло происходить сразу на всей территории Нового Света. Первое необходимое условие для появления навыков земледелия — наличие полезных растений, годных для возделывания. Между тем они имелись далеко не везде. Подавляющее большинство растений, на которых в древности основывалось американское земледелие, происходит из сравнительно небольшого района — Южной Мексики и Центральной Америки. Последний, между прочим, занимает по площади менее одной двадцатой части огромного Североамериканского субконтинента. Именно там и следовало, по всей вероятности, искать прародину первых земледельческих культур индейцев.

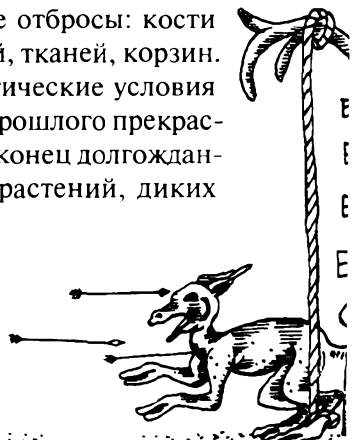
Первым, кто поставил и успешно решил эту сложную проблему, был наш соотечественник — выдающийся рус-

ский биолог академик Н. И. Вавилов. После целого ряда экспедиций в Западное полушарие он еще в начале 30-х гг. прошлого века пришел к выводу, что в доколумбову эпоху в Новом Свете существовали два основных очага земледелия: мексиканский (включая часть Центральной Америки) и перуанско-болливийский. Первый дал человечеству кукурузу (маис), фасоль, тыкву, какао, хлопчатник, второй — картофель.

Кроме того, Н. И. Вавилов установил, что все главные центры как американского, так и мирового земледелия находились, как правило, в горных тропических и субтропических зонах, создававших наиболее благоприятные условия для развития растений и для жизни древнего человека. Как раз в этих районах со старыми земледельческими традициями и возникли впоследствии важнейшие цивилизации доколумбовой Америки.

Сокровища горных пещер

Все свои выводы Н. И. Вавилов построил на чисто ботаническом материале, поскольку никаких других источников по данному вопросу тогда не было. Тем поразительнее выглядит почти полное совпадение взглядов русского ученого с результатами недавних археологических исследований, проведенных в горных районах Мексики (штаты Тамаулипас и Пуэбла) под руководством американца Ричарда Мак-Нейша. Там, в высоких сухих пещерах, хорошо защищенных от влаги, в течение многих тысячелетий жили предки современных мексиканцев. Слой за слоем откладывались на полах пещер хозяйственные отбросы: кости животных, орудия труда, остатки растений, тканей, корзин. А исключительно благоприятные климатические условия обеспечили этой своеобразной летописи прошлого прекрасную сохранность. В руки ученых попал наконец долгожданный материал в виде остатков древних растений, диких

и домашних, найденных в определенном культурном контексте (т. е. вместе с древними вещами, сделанными человеком). Появилась фантастическая возможность установить приблизительное время введения в культуру ряда полезных растений с помощью радиоуглеродного метода. Основное значение работ Мак-Нейша в том и состоит, что ему впервые удалось поставить вопросы, связанные с происхождением мексиканского земледелия, на твердую хронологическую основу. И тогда выяснилось, что история земледелия в Западном полушарии началась гораздо раньше, чем предполагали до этого многие серьезные исследователи.

Важное место в изучении этой эпохи в истории Мексики занимают материалы из долины Техуакана (Пуэбла). Раскопки в этом районе американской археолого-ботанической экспедиции во главе с Мак-Нейшем в 1960–1965 гг. благодаря комплексному характеру исследований, тщательно продуманной методике работ и поразительной сохранности органических остатков в сухих пещерах позволили с такой полнотой и объективностью проследить процесс становления земледелия в долине, что аналогов этому нет пока ни в одном другом регионе земного шара. Достаточно сказать, что в ходе полного обследования чашеобразной речной долины (ее размеры — 112 километров в длину и 32 километра в ширину), окруженной горами и расположенной на высоте около 1500 метров над уровнем моря, было выявлено свыше 400 археологических памятников разных эпох — от X тыс. до н. э. до времени испанского завоевания в XVI в. н. э.; 30 поселений выявили с помощью шурфов и траншей, а 12 раскопали полностью. Столь подробные исследования позволили создать полную схему развития местных культур от эпохи первобытных охотников до европейского вторжения в Мексику.

Новые природные условия, пришедшие с концом ледниковой эпохи, заставили население долины Техуакана перейти преимущественно к собирательству растительной пищи и охоте на мелких зверьков. Эта хозяйствен-

ная деятельность была всецело подчинена сезонным циклам (с сентября по май здесь длится сухой зимний сезон, а с июня по сентябрь — влажный летний сезон) и основывалась на эксплуатации определенных природных микрозон, расположенных в зависимости от высоты в пределах одной и той же сравнительно небольшой горной долины. Ее жители хорошо знали, где и когда в данный отрезок времени можно добыть в своем природном заповеднике необходимое количество пищи.

Они использовали для своих нужд сотни видов полезных растений. Среди них — однолетние травы вроде дикого маиса или лисохвоста, а также плоды авокадо и черного сапота, дикий лук, желуди, сосновые шишки, амарант-бархатник. Однако три вида растений имели особое значение для всех без исключения древних собирателей Мексики: магей из семейства амарилловых, доступный для употребления в пищу круглый год; ряд видов кактуса с сочными плодами, которые появляются лишь в определенное время года, но молодые листья вполне съедобны и доступны круглый год; мескит и гуахе — ряд близких видов древесно-стручковых растений, дающих съедобные стручки только в сезон дождей. Магей — одно из самых известных растений в современной Мексике. Однако мало кто знает, что во времена ранних собирателей и охотников его широко употребляли в пищу*. Магей, доступный для сбора и употребления в пищу круглый год, обеспечивал людей едой в самое голодное время года — в сухой зимний сезон, когда почти отсутствовали все другие пищевые ресурсы.

Современные индейцы, живущие по соседству от раскапываемых археологических памятников Оахаки и Пуэблы, хорошо знают, что лучшее время для рубки и употребления в пищу стеблей магея наступает сразу же после его

* Ныне магей — кактус с синими листьями и круглым чешуйчатым стеблем — прежде всего служит сырьем для производства текилы. — *Прим. ред.*

цветения. Цветение бывает у магея лишь после 6–8 лет жизни. Затем растение медленно умирает, и в нем начинается процесс естественного брожения, делающий его более мягким и повышающий в нем содержание сахара. Большое количество цветов магея, найденное в древнейших слоях стоянок Оахаки, доказывает, что первобытные собиратели тоже отлично знали, когда лучше собирать данное растение. Одновременно это означало, что человек, сколько бы он ни рубил цветущих стеблей магея, не мог резко сократить общее их число, так как речь шла фактически об использовании растений, уже обреченных природой на смерть и успевших отдать свою пыльцу.

Аналогичным образом древний человек научился эксплуатировать и животные ресурсы. Анализ остатков фауны из пещерных стоянок Пуэблы и Оахаки показал, что наиболее широко представлены там кости оленя-белохвоста. Это животное служило древним мексиканцам одним из главных источников мясной пищи как в силу своего широкого распространения, так и из-за высокой приспособляемости к самым различным условиям. Олень-белохвост имеет четко выраженные тропы-маршруты от лежек до пастбищ и водопоев, поэтому его можно подстеречь и убить из засады. Орудиями охоты служили копья и дротики с кремневыми наконечниками, бросаемые с помощью копьеметалки.

В весенне-летнее время, когда обилие влаги создавало и обилие растительной пищи, все население пещерных стоянок участвовало в сборе плодов и растений с целью запастись их как можно больше, пока этот природный урожай не исчезнет по естественным причинам. Охота на оленей в это время практически не велась.

Осенью и зимой запасы семян и плодов на стоянках постепенно подходили к концу. Тогда мужчины отправлялись охотиться на оленей, а женщины и дети — на сбор стеблей мескита и кактусов — растений «голодного» сезона. Лишенные листвы окрестные леса не скрывали теперь животных от зоркого глаза охотника. На оставшейся расти-

тельной пище выросшее за лето стадо оленей выжить не могло. Таким образом, охотничьи трофеи техуаканцев, доходившие порой до 30–40 процентов поголовья оленей, не вели к уничтожению всей популяции, поскольку оставшиеся особи получали больше шансов выжить в трудное зимнее время. В этой связи весьма примечательно, что именно на зимних стоянках процент костей оленя особенно высок.

Таким образом, можно утверждать, что сезонные циклы и тесно связанные с ними виды хозяйственной деятельности играли огромную роль в жизни древних обитателей горных районов Мексики. Многие съедобные растения были доступны им только в течение одного сезона или даже его части. Это и предопределило особый режим собирательской экономики, ее специализированную направленность в доземледельческий период.

Р. Мак-Нейш наглядно показал в своих работах, как человеческие коллективы той эпохи реагировали на сезонные циклы. В течение летнего дождливого сезона, когда существовало максимальное изобилие растительной пищи, люди часто объединялись (видимо, для более быстрого сбора урожая с природных нив) в более крупные группы, состоявшие, видимо, из нескольких родственных семей. В разгар же сухого сезона, когда съедобных растений оставалось совсем немного, эти крупные группы вновь распадались на более мелкие единицы, лучше приспособленные к условиям голодной зимы.

Эти же природные факторы препятствовали и дальнейшему росту населения. Около 3000 г. до н. э. все население долины Техуакана (площадь около 3500 км²) составляло, по подсчетам Р. Мак-Нейша, не более 120–240 человек. Подавляющее большинство местных стоянок, судя по остаткам растений, было обитаемо лишь один сезон или даже часть его.

И вот постепенно в этот хорошо отлаженный механизм взаимодействия человека и природы все больше стало

«вмешиваться» зарождающееся земледелие. Сложный и довольно длительный путь возникновения земледельческого хозяйства в недрах присваивающей (собираательно-охотничьей) экономики археологические материалы из долины Техуакана демонстрируют с достаточной убедительностью и полнотой. Первой формой земледелия было, вероятно, огородничество или садоводство с набором самых различных растений во влажных западинах и лощинах возле пещер и открытых стоянок. Позднее люди стали переходить к выращиванию на более обширных участках (например, на речных террасах) нескольких определенных растений — в первую очередь маиса, фасоли и тыквы. Одновременно производилась и гибридизация особо важных растений. Этот медленный процесс зарождения земледелия, длившийся в долине Техуакана примерно 4,5–5 тыс. лет (с 7000 по 2000 г. до н. э.), привел к тому, что люди, собирая со своих огородов все большие урожаи, стали меньше зависеть от сезонных колебаний природы и продолжительнее жить на стоянках, расположенных в особо благоприятных для примитивного земледелия местах.

Следовательно, растущая роль земледелия во многом способствовала усилению оседлости местного населения. Обработка крохотных полей требовала возвращения к ним для снятия урожая и для охраны от зверей и птиц в период созревания, что как бы «привязывало» человека к определенному месту. По мере того как в культуру вводилось все большее число растений и росла продуктивность нового вида хозяйственной деятельности, люди все более продолжительное время оставались жить на своих стоянках. Конечным продуктом этой длительной эволюции явились постоянные земледельческие поселки, состоявшие из наземных деревянных, обмазанных глиной хижин. Первые их признаки (правда, пока с полужемляночными жилищами) отмечены в долине Техуакана еще в 3500–2300 гг. до н. э. А в 2300–1500 гг. до н. э. здесь уже существовали типично земледельческие деревни, состоящие из назем-

ных домов. Что же касается земледелия как новой системы хозяйствования, то его окончательное формирование относится к рубежу III–II тыс. до н. э.

Культивируемый маис (кукуруза) появился впервые в Мексике в IV тыс. до н. э. именно в долине Техуакана. Обыкновенную фасоль начали возделывать в Пуэбле или поблизости от нее около 4000 г. до н. э. Правда, примерно в то же время она встречается и в пещерных стоянках штата Тамаулипас на северо-востоке страны (4000–2300 гг. до н. э.). С другой стороны, остальные виды фасоли (например, ползучие бобы) появляются в Техуакане сравнительно поздно — в 3000 г. до н. э. Для сравнения укажем, что культивируемые черные бобы представлены в соседней Оахаке уже с VII тыс. до н. э. Судя по приведенным выше данным, в Мезоамерике не было единого центра происхождения всех основных культурных растений. Скорее можно говорить о существовании нескольких микроочагов, в каждом из которых появляется одно-два важных растения и ряд менее значительных. Среди этих микроочагов особое место занимают Центральная и Южная Мексика (штаты Пуэбла и Оахака), где были впервые одомашнены некоторые виды кукурузы, фасоли и тыквы.

Итак, к 2000 г. до н. э. земледелие становится в Мексике основным видом хозяйства. Возникают первые постоянные поселки. В это же время появляется гончарное искусство — керамика. В истории местных индейских племен начинается новая эпоха — эпоха расцвета раннеземледельческих культур.

Основы периодизации

После того как люди, вооруженные примитивными орудиями труда, смогли обеспечить себя постоянными урожаями со своих полей, они постепенно стали переходить к оседлому образу жизни. В истории населения Мезоамерики наступила новая важная эпоха — доклассическая. Археологические раскопки, в какой бы части страны они ни производились, открывают поразительно однообразную картину: остатки хрупких глинобитных хижин с тростниковыми крышами, глиняная посуда, маленькие лепные женские фигурки, каменные орудия и зернотерки.

По мнению большинства ученых, доклассические племена прошли в своем развитии три больших этапа: ранний, средний и поздний. Теоретически грань между ранним этапом земледельческой эры и предыдущей эпохой охотников и собирателей проводят исходя из того, когда хозяйство местного населения начинает основываться преимущественно на земледелии. В Мезоамерике это произошло около 2000 г. до н. э. Последующие границы этапов выделяются на основании изменений в стилях керамики и глиняных статуэток, а также ряда других признаков, связанных с пред-

полагаемой эволюцией в хозяйстве, социальных институтах и характере поселений. Абсолютные даты для каждого из них до сих пор точно не установлены. Это объясняется как малочисленностью радиоуглеродных анализов для доклассических памятников, так и слишком частыми расхождениями их с данными полевой археологии. Наиболее приемлема, на наш взгляд, следующая хронологическая шкала: ранний этап — 2000—1000 гг. до н. э., средний этап — 1000—500 гг. до н. э., поздний этап — 500—100 гг. до н. э.

Ранние земледельцы

Ранние доклассические памятники изучены пока очень слабо. Словно маленькие островки возвышаются они над морем археологической целины, ждущей своих исследователей. Пожалуй, лучше всего нам известны древности долины Мехико и ее ближайших окрестностей. Первые поселения земледельцев возникли здесь по берегам рек и вокруг огромного озера Тескоко, где сама природа создала все условия для ведения земледельческого хозяйства. Это были в большинстве своем небольшие поселки. Обломки обожженной глины с отпечатками жердей и прутьев, которые так часто находят там, позволяют воссоздать внешний облик убогих жилищ этих людей. Их глинобитные хижины с высокими крышами из листьев или тростника очень похожи на скромные домики современных мексиканских индейцев. Разбросанные вокруг зеленеющих маисовых полей, эти хижины и по своим размерам, и по внутреннему убранству ничем не отличались друг от друга. В ранних доклассических селениях даже при самых тщательных исследованиях не найдешь никаких следов монументальной храмовой архитектуры: ее тогда попросту не было.

Жизнь первых земледельцев Нового Света была нелегка. Со дня рождения и до самой смерти она вращалась вокруг бесконечных циклов изнурительных сельскохозяйственных работ. Все зыбкое равновесие только что созданно-

го производящего хозяйства целиком зависело от величины собранного урожая. Стоит ли удивляться, что древние обитатели Мезоамерики так ревностно поклонялись небесным духам, от милости которых зависел, по их убеждению, урожай, а следовательно, и само существование. Подобно всем земледельческим народам древности, они поклонялись обожествленным силам природы: солнцу, ветру, дождю. Правда, первоначально эти верования носили довольно примитивный характер, не выливаясь в какие-то осязаемые формы и образы. Но если верно предположение некоторых ученых, что многочисленные глиняные статуэтки (главным образом женские), найденные в ранних поселениях, связаны с культом плодородия, то мы имеем здесь дело с первым конкретным воплощением религиозных канонов в искусстве. Маленькие фигурки из обожженной глины — настоящая энциклопедия древней жизни. Благодаря им мы знаем, как одевались и украшали себя предки современных индейцев, каков был их внешний облик. Это были довольно приземистые, крепкие люди. И мужчины, и женщины ходили полуобнаженными, в одних лишь набедренных повязках. Свои тела и лица они покрывали татуировкой или красными росписями и узорами. Пышные головные уборы в виде тюрбанов завершали их костюм. То изящные и выразительные, то, напротив, нарочито огрубленные и схематичные, статуэтки производят сильное впечатление. Короткие толстые тела, мясистые носы, выпученные глаза и похожие на обрубки руки и ноги мало отвечают современному идеалу красоты. Однако, держа в руках одну из таких статуэток и задумываясь над каждым этапом ее изготовления, мы проникаемся впечатлением исходящей от нее чрезвычайной серьезности и постигаем мир мысли, скованной техническими возможностями выражения. Человек, одаренный интуицией, нередко угадывает богатый мир искрящейся фантазии даже за жалкими каракулями ребенка. В этих статуэтках ощущается суровое восприятие сложных ритмов рождения, роста и смерти в природе.

Главной пищей древних земледельцев долины Мехико была, вероятно, кукуруза. Урожай они хранили в особых зерновых ямах или же в маленьких круглых домиках, выстроенных специально для этой цели. В быту древние индейцы употребляли тогда точно такую же утварь, какая почти повсеместно сохранилась у многих современных индейских племен: каменную зернотерку, или «метате», на которой растирали в муку кукурузные зерна; каменный терочник, или «mano»; круглую глиняную сковороду, или «камаль», на которой пекли тонкие маисовые лепешки — «тортильяс».

Столь же незамысловатыми были и религиозные верования первых земледельцев. Когда человек умирал, соплеменники закутывали его тело в кусок ткани или циновку и помещали в неглубокую яму, выкопанную рядом с жилищем. Вместе с умершим клали убогий скарб, совершенно необходимый, по тогдашним поверьям, для загробной жизни: глиняные горшки с пищей и водой, обсидиановые ножи, наконечники копий и стрел, зернотерки, каменные топоры. При этом количество и качество вещей в каждой могиле почти одинаково, что свидетельствует об относительном имущественном равенстве всех членов племени.

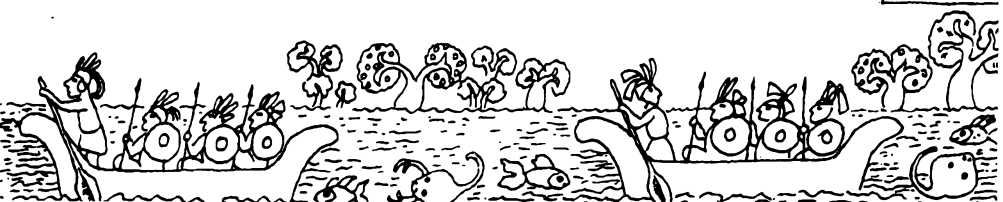

Картина, которую раскрывают нам ранние доклассические памятники долины Мехико, отражает общие тенденции в развитии всех мезоамериканских культур того времени. Постоянные поселки, состоящие из глинобитных хижин, маисовое земледелие как основа хозяйства, простая одноцветная керамика, культ глиняных женских статуэток — все эти черты без труда прослеживаются в любом уголке древней Мезоамерики.

Начало важных перемен

В начале среднего доклассического этапа (I тыс. до н. э.) замкнутая жизнь ранних земледельцев претерпела серьезные изменения. Совершенствовались методы земледелия,

увеличилось общее число возделываемых культур, значительных успехов достигла селекция кукурузы (скрещивание примитивных ее видов и выведение гибридных сортов).

Успехи в хозяйственной сфере немедленно сказались и на других сторонах жизни. Расширился торговый обмен с соседними областями, появилось некоторое имущественное неравенство. Среди статуэток этого времени встречаются весьма любопытные экземпляры. Это изображения людей в вычурных головных уборах или высоких шляпках. На плечах у них длинный плащ, а на лицах иногда — маски. Хотя эти хрупкие фигурки не имеют вполне сложившихся канонизированных форм, они отражают, по-видимому, процесс зарождения жречества, ставшего впоследствии могучей политической силой в истории древних цивилизаций Мезоамерики. Примерно в то же время появились и первые святилища и храмы, построенные из дерева и глины. Их размеры были невелики, но они гордо возвышались на высоких пирамидальных основаниях над окружающими их хижинами земледельцев.

Некоторые деревушки в долине Мехико превратились в довольно крупные селения, что связано, безусловно, с ростом населения. Возникло и много новых поселков. Все эти внутренние процессы, признаки которых можно проследить по всей Мезоамерике, отражали, в свою очередь, какие-то важные изменения в экономике и социальной структуре, к сожалению, почти неуловимые на археологическом материале.

Появились фигурные вазы в виде разнообразных зверей и птиц, сосуды-бутылки, сосуды с ручками и водосливами, сосуды-триподы на трех ножках, сосуды с плоским дном, а также глиняные статуэтки новых типов — женские фигурки с выразительными, миловидными лицами.

Погребения этого времени находятся уже в специальных некрополях, часто вынесенных за пределы селений. Набор вещей, сопровождавших умерших, становится гораздо богаче и разнообразнее, чем прежде.

Загадки одного могильника

На одной из окраин города Мехико, в местечке с экзотическим названием Тлатилько, что в переводе означает «Место, где спрятаны вещи», с давних времен добывали прекрасную глину, которая шла главным образом на изготовление кирпича. Часто вместе с ней рабочие поднимали наверх истлевшие человеческие кости и всевозможные древние вещи: вычурные вазы в виде зверей и птиц, странные глиняные фигурки людей, наконечники стрел и копий из блестящего черного обсидиана. К сожалению, ученые узнали об этом не сразу. Большая часть найденных в Тлатилько предметов старины попала в руки скупщиков и коллекционеров. Лишь в 1947 г. сюда пришли археологи и начали широкие научные исследования этого уникального памятника. За два с небольшим года было раскопано свыше 200 погребений, найдены сотни разнообразных вещей, значительно расширивших наши представления о жизни людей, населявших долину Мехико около 30 веков назад. Но главное значение открытий в Тлатилько состоит в том, что они впервые дали возможность проследить постепенное зарождение многих черт, свойственных индейским цивилизациям последующей, классической эпохи.

Именно в Тлатилько обнаружены глиняные ритуальные маски с многоцветной росписью, божество в образе ягуара, изображение «пернатого змея» Кецалькоатля — покровителя культуры и знаний, статуэтки участников ритуальной игры в мяч и многое другое.

Особенно интересны странные глиняные маски и сосуды, одна сторона которых изображает половину человеческого лица с длинным висящим языком, а другая — половину черепа. По всей вероятности, древний скульптор выразил таким образом какие-то сложные религиозные понятия дуалистического характера (идея вечной смены жизни и смерти).

У истоков цивилизации

Наиболее важным событием следующего, позднего доклассического этапа было появление интенсивных форм земледелия. На склонах бесчисленных гор кропотливым трудом многих поколений земледельцев возводились из камня опорные стены-террасы, несколько увеличивавшие общую площадь годной для обработки земли. В засушливых районах (Оахака, Пуэбла) начали строить первые оросительные каналы, плотины и дамбы. Одновременно происходило быстрое развитие различных ремесел и торговли. При раскопках селения Тикоман (в долине Мехико) археологи нашли две могилы кожевников, погребенных вместе со своими инструментами и кусками кожи. Больших успехов в освоении новых приемов украшения сосудов добились гончары.

Обитатели позднеархаических поселений Центральной Мексики вели оживленный торговый обмен со своими соседями. В это время резко возрос приток всякого рода морских продуктов (главным образом раковин, добываемых на Тихоокеанском и Атлантическом побережьях) во внутренние районы страны. Из горных областей Гватемалы и Чьяпаса привозили в долину Мехико украшения и топоры из нефрита, серпентина, змеевика и других видов зеленого камня. Волна технических исканий захватила не только ремесленников, но и скульпторов. Они стали уделять больше внимания форме и создавать не только гротескные, но и реалистические образы.

Часто статуэтки покрывали белой краской, расписывали красным цветом и полировали. Художники стремились воспроизвести изображаемых людей в движении: поправляющими волосы, закрывающими руками глаза, держащими чашу или совершающими какие-либо иные действия. В других случаях скульпторы использовали в своей работе старые методы: налепливали кусочки глины, желая передать мель-

чайшие подробности природы; тщательно воспроизводили украшения, головные уборы и черты лица.

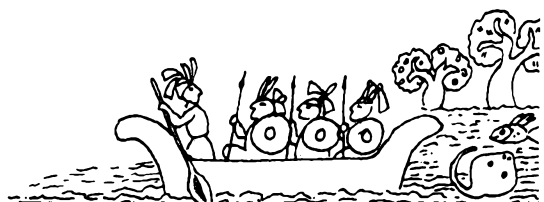
Многие деревушки в это время превратились в ритуальные и политические центры, где над массой простых жилищ из дерева и глины возвышались на больших пирамидальных основаниях храмы. Племена, населявшие южную часть долины Мехико, воздвигли в Куикуилько огромную круглую пирамиду из адобов*, высота которой достигала 18 метров, а диаметр — 111 метров. Склоны пирамиды были облицованы речными валунами, скрепленными глиняным раствором. К ее плоской вершине вели две широкие лестницы. Там, прямо под открытым небом, древние мастера построили большой алтарь из гладких адобов, покрытых сверху слоем штукатурки и красной росписью.

Население Куикуилько дважды перестраивало это внушительное сооружение, увеличивая его и заменяя старый алтарь новым. Один раз была обновлена и облицовка пирамиды. Вместо речных валунов материалом для нее послужили куски лавы. Со временем пирамида пришла в запустение, дожди ослабили каменную облицовку, и стены ее начали оползать.

Затем произошло необычайно мощное извержение соседнего вулкана Шитли, и потоки расплавленной лавы залили всю окружающую местность, в том числе и Куикуилько. Остывшая лава образовала каменный покров толщиной свыше метра. Все основание пирамиды и огромное селение, раскинувшееся вокруг, были прочно замурованы в своеобразной каменной темнице. По подсчетам специалистов, эта гигантская катастрофа, вынудившая покинуть родные края почти все население южной части долины Мехико, произошла примерно 2 тыс. лет назад, т. е. в конце I тыс. до н. э.

В позднеархаическое время получили повсеместное распространение канонизированные образы старых земледельческих богов Тлалока (бога воды и дождя) и Уеуеотеот-

* Адоб (исп. adobe, от араб. ат-туб) — сырцовый кирпич из глины и резаной соломы, то же, что саман.

ля (бога огня), что подтверждает зарождение официальной религии и организованного жречества.

Значительно изменился и характер погребений. На смену могилам ранней и средней архаики, почти не отличающимся друг от друга по инвентарю, приходят, с одной стороны, пышные гробницы знати и жрецов, с другой — масса простых ямных погребений, почти лишенных вещей.

В Каминальхуйю какой-то знатный человек был погребен внутри двадцатиметровой пирамиды. Вокруг него и по краям могилы были положены 4000 сосудов из глины, нефрита, алебастра и мрамора, маски с нефритовыми инкрустациями, каменные зеркала, сотни украшений из нефрита, раковин и кости. Другой человек, погребенный в той же самой могиле, вообще не имел вещей. Его, по всей вероятности, положили в могилу к могущественному вождю с тем, чтобы он мог прислуживать своему господину и в загробном мире. Таким образом, наступил момент, когда членов одного и того же общества отделила друг от друга глубокая социальная пропасть. Все отчетливее и ярче начали проглядывать сквозь кажущуюся простоту старого архаического быта контуры будущих индейских цивилизаций. Убыстряется темп общественного и культурного развития. Наиболее передовые народы Мезоамерики вплотную приблизились к тому роковому рубежу, который отделяет патриархальные порядки первых земледельцев от рабского удела их ближайших потомков, очутившихся в самом низу гигантской социальной пирамиды, созданной нарождающимся раннеклассовым государством.

Прелюдия

По мере изучения новых памятников прошлого археология в Центральной Америке все более продвигается в глубь веков. Еще каких-нибудь пятьдесят лет назад все казалось простым и ясным. В Мексике благодаря старым хроникам были известны ацтеки, чичимеки и тольтеки. На полуострове Юкатан и в горах Гватемалы — майя. Им и приписывали тогда все известные древности, в изобилии встречавшиеся и на поверхности, и в глубинах земли. Позднее, по мере накопления опыта и знаний, ученые все чаще стали встречать остатки доколумбовых культур, не укладывавшихся в прокрустово ложе старых схем и воззрений. У предков современных мексиканцев нашлось немало предшественников. Так возникли из тьмы небытия смутные контуры первых, классических цивилизаций Центральной Америки: Теотихуакан, Тахин, Монте-Альбан, города-государства майя. Все они родились и погибли в пределах одного тысячелетия: с I по X в. н. э. Вслед за этим была открыта древняя культура ольмеков — таинственного народа, населявшего с незапамятных времен болотистые низины побе-

режья Мексиканского залива. Там до сих пор скрыты в лесной чаще десятки и даже сотни безымянных руин — остатков прежних городов и селений. Рука археолога впервые коснулась некоторых из них буквально считанные годы назад. Таким образом, можно без особого преувеличения сказать, что ольмекская археология родилась почти на наших глазах. Несмотря на все трудности и упущения, она добилась сейчас главного — вновь вернула людям одну из самых блестящих цивилизаций доиспанской Америки. Здесь было все: гениальные гипотезы на основе двух-трех разрозненных фактов, романтика поиска и радость первых полевых открытий, серьезные заблуждения и так и не раскрытые тайны.

Голова «африканца»

В 1869 г. в «Бюллетене Мексиканского общества географии и статистики» появилась небольшая заметка за подписью Х. М. Мельгара. Ее автор, инженер по профессии, утверждал, что в 1862 г. ему посчастливилось обнаружить близ деревушки Трес-Сапотес (штат Веракрус, Мексика) на плантации сахарного тростника удивительную скульптуру, не похожую на все известные до сих пор, — голову «африканца», высеченную из гигантского камня. Заметка сопровождалась довольно точным рисунком изваяния, так что любой читатель мог судить теперь о достоинствах этой находки.

К сожалению, впоследствии Мельгар использовал свою необычайную находку далеко не лучшим образом. В 1871 г. он без тени улыбки на лице объявил, ссылаясь на «явно эфиопский» облик обнаруженной им скульптуры: «Я абсолютно убежден, что негры не раз бывали в этих краях, и это случилось еще в первую эпоху от сотворения мира». Надо сказать, что подобное высказывание не имело под собой абсолютно никакой почвы, но зато вполне отвечало общему духу господствовавших тогда в науке теорий, когда любое

достижение американских индейцев объяснялось культурными влияниями из Старого Света. Правда, бесспорно и другое: сообщение Мельгара содержит первое печатное упоминание о вполне конкретном памятнике неизвестной до того цивилизации.

Статуэтка из Туслы

Ровно через сорок лет какой-то крестьянин-индеец обнаружил на своем поле близ городка Сан-Андрес-Тустла еще один загадочный предмет. Сначала он даже не обратил внимания на зеленоватый камешек, едва выглядывавший из земли, и небрежно пнул его ногой. И вдруг камень ожил, засверкав своей полированной поверхностью под лучами щедрого тропического солнца. Очистив предмет от грязи и пыли, индеец увидел, что держит в руках маленькую нефритовую статуэтку, изображающую языческого жреца с наголо обритой головой и с полуприкрытыми смеющимися глазами. Нижнюю часть его лица закрывала маска в виде утиного клюва, а на плечи был накинут короткий плащ из перьев, имитирующий сложенные птичьи крылья. С боков статуэтку покрывали какие-то непонятные изображения и рисунки, а под ними, чуть ниже, шли столбцы знаков в виде черточек и точек. Неграмотный крестьянин, конечно, не догадывался, что он держит в руках предмет, которому суждено было стать одной из самых знаменитых археологических находок на территории Нового Света.

После долгих приключений, пройдя через десятки рук, маленькая нефритовая статуэтка жреца из Туслы очутилась в Национальном музее США. Американские ученые, осматривая новый музейный экспонат, к несказанному своему удивлению обнаружили, что столбик таинственных черточек и точек, вырезанных на статуэтке, представляет собой дату календаря майя, соответствующую 162 г. н. э.! В научных кругах разразилась настоящая буря. Одна догад-

ка сменяла другую. Но плотная пелена таинственности отнюдь не рассеялась.

Форма знаков и весь стиль изображения были похожи на письма и изваяния майя, хотя и отличались большей архаичностью. Но ближайший город древних майя — Комалькалько — находился не менее чем в 240 километрах к востоку от места находки! А кроме того, статуэтка из Тустлы почти на 130 лет старше любого датированного памятника с территории майя!

Здесь было над чем поломать голову. Получалась странная картина: некий загадочный народ, населявший в древности мексиканские штаты Веракрус и Табаско, изобрел майяскую письменность и календарь на несколько веков раньше самих майя и пометил этими иероглифами свои статуи, стелы и алтари.

Но что это за народ? Какова его культура? Откуда и когда пришел он в гнилые болотистые низины южного побережья Мексиканского залива?

Первый визит

В марте 1924 г. в американском городе Нью-Орлеане произошло событие, которое имело прямое отношение к загадке забытых ольмекских городов. Некое лицо, пожелавшее остаться неизвестным, внесло на текущий счет местного Тулэйнского университета крупную сумму денег. Согласно воле таинственного мецената, проценты с этого необычного вклада предназначались для изучения прошлого стран Центральной Америки. Дирекция университета решила не откладывать дела в долгий ящик и тут же снарядила большую этнографо-археологическую экспедицию в Южную Мексику. Во главе ее были поставлены известные специалисты-археологи Франц Блом и Оливер Ла Фарж. Два незаурядных человека, наделенных ненасытной любознательностью и широкими познаниями, объединились

для того, чтобы бросить вызов непроторенной центральноамериканской глуши, отправившись на опасные и полные приключений поиски забытых племен и исчезнувших цивилизаций,

19 февраля 1925 г. экспедиция началась. А через несколько месяцев ее загоревшие до черноты участники очутились в самом сердце болотистых джунглей, на юге побережья Мексиканского залива. Их путь лежал к реке Тонала, где, по слухам, находилось заброшенное древнее поселение с каменными идолами. И вот исследователи почти у цели. «Проводник сказал нам, — вспоминают Ф. Блом и О. Ла Фарж, — что Ла-Вента, место, куда лежал наш путь, — это остров, окруженный со всех сторон болотами... После часа быстрой ходьбы... мы добрались наконец до древнего города: перед нами находился первый идол. Это был огромный каменный блок около двух метров высоты. Он лежал плашмя на земле, и на его поверхности можно было разглядеть человеческую фигуру, грубо высеченную в глубоком рельефе. Фигура эта не отличается какой-либо спецификой, хотя, судя по общему ее виду, здесь чувствуется какой-то слабый отголосок влияния майя. Вскоре после этого мы увидели и самый поразительный монумент Ла-Венты — огромный валун, напоминающий по форме церковный колокол... После незначительных раскопок мы, к своему несказанному удивлению, убедились в том, что перед нами верхняя часть каменной гигантской головы наподобие найденной в Трес-Сапотес...»

Повсюду среди джунглей встречались массивные каменные изваяния. Одни из них стояли вертикально, другие рухнули или были разбиты. Их поверхность покрывала рельефная резьба, изображавшая людей и животных или фантастические фигуры в образе получеловека-полуживотного. Пирамидальные постройки, когда-то гордо возвышавшиеся своими белоснежными гребнями над вершинами деревьев, теперь едва угадывались под густым покровом растений. Этот таинственный город в древности был, оче-

видно, крупным и важным центром, местом рождения высоких культурных достижений, совершенно неизвестных науке.

Но время торопило исследователей. Преодолев серьезные естественные препятствия, они сумели бегло осмотреть обнаруженные ими здания и монументы и постарались возможно точнее зарисовать и нанести на карту важнейшие из них. Этого было явно недостаточно для сколько-нибудь широких исторических выводов.

Вот почему, покидая город, Франц Блом вынужден был написать в своем дневнике: «Ла-Вента, бесспорно, весьма загадочный памятник, где необходимы значительные исследования, с тем чтобы наверняка узнать, к какому времени относится это городище».

Но не прошло и нескольких месяцев, как эта мысль, делающая честь любому серьезному ученому, была начисто забыта. Блом не смог устоять перед очарованием изящной архитектуры и скульптуры заброшенных городов древних майя. Отбросив все мучившие его сомнения, он заключает в своем обширном труде «Племена и храмы», вышедшем в 1926 г.: «В Ла-Венте мы нашли большое число крупных каменных изваяний и по меньшей мере одну высокую пирамиду. Некоторые черты этих изваяний напоминают скульптуру из области Тустлы, другие демонстрируют сильное влияние со стороны майя... Именно на этом основании мы склонны приписать руины Ла-Венты культуре майя».

Так по иронии судьбы самый яркий ольмекский памятник, давший впоследствии название этой древней цивилизации, неожиданно оказался в списке городов совершенно иной культуры — майя.

История знает немало примеров того, как пустяковое на первый взгляд событие круто меняло весь ход дальнейшего развития человеческого общества. Нечто подобное случилось и в ольмекологии, когда Блом и его друзья совершили не слишком утомительный поход к вершине потухшего вулкана Сан-Мартин, где, по слухам, с незапамятных

времен стояла статуя какого-то языческого божества. Слух подтвердился. На высоте 1211 метров, близ самой макушки горы, ученые нашли каменного идола. Идол сидел на корточках и держал в обеих руках какой-то длинный брусок. Тело его было наклонено вперед. Лицо сильно повреждено. Общая высота изваяния — 1,35 метра.

Лишь много лет спустя знатоки мексиканской археологии разберутся наконец в истинном значении всего случившегося и громко нарекут идола из Сан-Мартина «Розеттским камнем культуры ольмеков».

Рождение гипотезы

Между тем в частных коллекциях и музейных собраниях многих стран Европы и Америки в результате непрерывных грабительских раскопок появлялось все больше загадочных изделий из драгоценного нефрита. Спрос на них был велик. И грабители собирали в горах и джунглях Мексики обильную жатву, безжалостно уничтожая при этом бесценные сокровища древней культуры.

Причудливые статуэтки людей-ягуаров и ягуаров-людей, звероподобные маски богов, пухлые карлики, голые уродцы со странно удлиненными головами, огромные топоры-кельты с затейливыми резными узорами, изящные нефритовые украшения — все эти предметы несли на себе явный отпечаток глубокого внутреннего родства — несомненное доказательство общего происхождения. И тем не менее их долго не удавалось связать ни с одной из известных тогда доколумбовых цивилизаций Нового Света.

В 1929 г. Маршалл Савий, директор Музея американских индейцев в Нью-Йорке, обратил внимание на группу странных ритуальных топоров-кельтов. Все они были сделаны из прекрасно отполированного голубовато-зеленого нефрита, а их поверхность украшали резные узоры, маски людей и богов. Их общее сходство не вызывало никаких

сомнений. Но откуда, из какой части Мексики или Центральной Америки происходили эти замечательные предметы? Кто и когда их создал? С какой целью?

И здесь Савий вспомнил, что похожие по стилю изображения встречаются не только на нефритовых топорах, но и на головном уборе каменного идола с вершины вулкана Сан-Мартин. Сходство между ними даже в мельчайших деталях было настолько велико, что и непосвященному стало ясно: все упомянутые изделия — плоды усилий одного и того же народа.

Цепь доказательств сомкнулась. Тяжелый базальтовый монумент не перетащить на сотни километров. Следовательно, центр этого странного и во многом еще непонятного древнего искусства находился где-то в районе вулкана Сан-Мартин, т. е. в Веракрусе, на побережье Мексиканского залива.

Человека, которому суждено было сделать решающий шаг в том направлении, скорее угаданному, чем увиденному Савием, звали Джордж Клапп Вайян. Один из лучших выпускников Гарвардского университета, он мог рассчитывать на самую блестящую научную карьеру и буквально в считанные годы занять место преуспевающего профессора. Но случилось непредвиденное. Будучи первокурсником, Вайян раз и навсегда определил свои планы на будущее, отправившись в 1919 г. в Мексику вместе с археологической экспедицией. Археология стала для него второй жизнью. В долине Мехико вряд ли остался хоть один мало-мальски интересный памятник старины, где бы не побывал этот энергичный американец. Его общий вклад в мексиканскую археологию трудно переоценить, и ольмеки не стали исключением. Именно Вайяну обязаны мы рождением одной остроумной гипотезы.

В 1909 г. при строительстве плотины в Некаше (штат Пуэбла, Мексика) один американский инженер случайно нашел в разрушенной древней пирамиде нефритовую статуэтку сидящего ягуара. Интересный предмет привлек вни-

мание ученых и вскоре был куплен Музеем естественной истории в Нью-Йорке. Именно эта нефритовая фигурка позднее послужила Вайяну своего рода отправной точкой в его рассуждениях о загадках культуры ольмеков.

«Пластически, — писал он, — этот ягуар относится к группе скульптур, демонстрирующих одни и те же черты — оскаленная пасть, увенчанная выше плоским приплюснутым носом и раскосыми глазами. Часто голова у таких фигур имеет сзади выемку или зарубку. Большой нефритовый топор, выставленный в Мексиканском зале музея, тоже относится к данному типу изображений. Географически все эти нефритовые изделия концентрируются в Южном Веракрусе, Южной Пуэбле и на севере Оахаки. Столь же очевидную связь с названной группой предметов демонстрируют и так называемые “младенческие” скульптуры из Южной Мексики, сочетающие в себе черты ребенка и ягуара».

Сопоставив все известные факты, Вайян решил действовать методом исключения. Он хорошо знал, как выглядит материальная культура большинства древних народов, населявших когда-то Мексику. Ни один из них не имел ничего общего с создателями стиля изящных нефритовых статуэток. И тогда ученый вспомнил слова древней легенды об ольмеках — «жителях страны каучука»: область распространения нефритовых статуэток ребенка-ягуара полностью совпадала с предполагаемым местом обитания ольмеков — южным побережьем Мексиканского залива.

«Если мы ознакомимся с перечнем народов из полумифических преданий индейцев науа, — утверждал Вайян, — то путем исключения можно выяснить, кого из них следует связывать с только что выделенной по материальным критериям цивилизацией. Мы знаем стили искусства ацтеков, тольтеков и сапотексов, может быть, тотонаков и наверняка майя. В этих же преданиях часто упоминается один высококультурный народ — ольмеки, живший в древности в Глаш-кале, но оттесненный впоследствии в Веракрус и Табаско...

Ольмеки славились своими изделиями из нефрита и бирюзы и считались главными потребителями каучука во всей Центральной Америке. Географическое положение этого народа примерно совпадает с областью распространения нефритовых статуэток с ликами младенцев-ягуаров».

Так, в 1932 г. благодаря остроумной гипотезе еще один абсолютно неизвестный народ получил вполне реальные доказательства существования. Это был не только триумф ученого, но и триумф древней индейской легенды.

Главное — голова!

Итак, начало было положено. Правда, «воскрешение» ольмеков из небытия Вайян осуществил всего лишь на основе нескольких разрозненных вещей, опираясь главным образом на логику своих научных предположений. Для более глубокого изучения вновь открытой цивилизации этих находок, несмотря на их уникальность и мастерство, с каким их сделали, было явно недостаточно. Требовались систематические раскопки в самом сердце предполагаемой страны ольмеков.

Это всей душой воспринял и претворил в жизнь соотечественник Дж. Вайяна — археолог Мэтью Стирлинг. В 1918 г., будучи студентом Калифорнийского университета, он впервые увидел в какой-то книге изображение нефритовой маски в виде плачущего ребенка и с тех пор навсегда «заболел» загадочными изваяниями из Южной Мексики. После окончания университета молодой Стирлинг попадает в наиболее известное тогда научное учреждение страны — Смитсоновский институт в Вашингтоне. И хотя в силу разного рода причин Стирлингу пришлось работать главным образом в Северной Америке, юношеская мечта об ольмекских городах никогда не покидала его. С большим волнением прочитал он отчет Ф. Блома и О. Ла Фаржа о таинственных изваяниях из Ла-Венты. В 1932 г. Стирлингу попался

на глаза труд плантатора из Веракруса Альберта Вейерстола, который со знанием дела описывал несколько новых каменных скульптур из Ла-Венты и Вильяэрмосы. Но больше всего молодого ученого поразили заключительные слова статьи, где говорилось, что идолы Ла-Венты совершенно не похожи на майяские и гораздо старше их по возрасту. Ему стало ясно, что медлить больше нельзя. Там, в болотистых джунглях Веракруса и Табаско, ждут своего часа бесчисленные памятники погибшей цивилизации, которых никогда не касалась рука археолога. Но как убедить руководство заинтересованных учреждений и своих коллег-археологов, что отнюдь не малые денежные затраты сторицей окупятся научной значимостью будущих находок? Обычные методы здесь явно не годились, и Стирлинг решается на отчаянный шаг. В начале 1938 г. один, почти без денег и снаряжения, он отправился в Веракрус, чтобы осмотреть ту самую гигантскую каменную голову, которая была описана еще Мельгаром. «Я обнаружил предмет моих мечтаний, — вспоминает ученый, — на площади, окруженной четырьмя пирамидальными холмами. Из земли едва выглядывала одна лишь макушка огромного изваяния. Я отбросил землю с его лица и сделал несколько фотоснимков». Когда первое волнение от встречи с этим посланцем древности наконец прошло, Мэтью огляделся и замер от удивления. Гигантская голова стояла среди руин большого заброшенного города. Повсюду из лесных зарослей поднимались ввысь вершины искусственных холмов, скрывавших внутри себя остатки разрушенных дворцов и храмов. Они были ориентированы строго по сторонам света и группировались по три-четыре вокруг широких прямоугольных площадей. Сквозь густую зелень тут и там проглядывали контуры таинственных каменных изваяний. Да, сомнений быть не могло: первый ольмекский город лежал у ног усталого, но счастливого археолога. Теперь-то он сумеет убедить в своей правоте любого скептика и достанет необходимые для раскопок средства!

Город в джунглях

И вот поздней осенью 1938 г. экспедиция во главе с Мэтью Стерлингом приступила к изучению руин Трес-Сапотес. Поначалу все было загадочным и неясным. Десятки искусственных холмов-пирамид, бесчисленные каменные монументы, обломки глиняной посуды. И ни одного намека на то, кому же принадлежал этот заброшенный город.

Два долгих и утомительных полевых сезона (1939-го и 1940 гг.) было затрачено на раскопки в Трес-Сапотес. Длинные ленты траншей и четкие квадраты шурфов опоясали зеленую поверхность пирамидальных холмов. Находки исчислялись тысячами: изяшные поделки из голубоватого нефрита — любимого камня ольмеков, обломки керамики, глиняные статуэтки, многотонные каменные изваяния.

В ходе исследований выяснилось, что в Трес-Сапотес имеется не одна, а три гигантские головы из камня. Вопреки широко распространенным среди местных индейцев слухам эти каменные колоссы никогда не имели туловища. Древние скульпторы заботливо поставили их на специальные низкие платформы из каменных плит, у подножий которых располагались подземные тайники с дарами богомольцев. Все эти изваяния высечены из крупных глыб твердого черного базальта. Их высота колеблется от 1,5 до 3 метров, а вес — от 5 до 40 тонн. Широкие и выразительные лица гигантов с пухлыми вывернутыми губами и раскосыми глазами настолько реалистичны, что вряд ли приходится сомневаться — перед нами портреты каких-то исторических персонажей, а не лики заоблачных богов.

По мнению Мэтью Стерлинга, это изображения наиболее выдающихся ольмекских вождей и правителей, увековеченных в камне их современниками.

У основания одного из холмов археологам удалось обнаружить большую каменную плиту, поваленную наземь

и разбитую на два куска примерно равной величины. Вся земля вокруг нее была буквально усыпана тысячами острых осколков обсидиана, принесенных сюда в древности в качестве ритуального дара. Правда, рабочие-индейцы имели на этот счет свое особое мнение. Они считали, что осколки обсидиана — это «громовые стрелы», а сама стела разбита и повалена на землю от удара молнии. Из-за того, что монумент лежал резной поверхностью вверх, изображения на нем сильно пострадали от времени, хотя главные элементы вполне различимы. Центральную часть стелы занимает фигура человека. По обеим сторонам от него запечатлены две фигуры меньшего размера. Один из боковых персонажей держит в руке отрубленную человеческую голову. Над всеми этими фигурами как бы парит в воздухе какое-то небесное божество в виде громадной стилизованной маски. Найденная стела (стела «А») оказалась самой крупной из всех монументов Трес-Сапотес. Но новые находки вскоре затмили все, что было до этого.

«Находка века»

«Ранним утром 16 января 1939 г., — вспоминает Стирлинг, — я отправился в самую дальнюю часть археологической зоны, мили за две от нашего лагеря. Цель этой не слишком приятной прогулки состояла в том, чтобы осмотреть один плоский камень, о котором еще несколько дней назад сообщил один из наших рабочих. По описаниям камень очень напоминал стелу, и я надеялся найти на ее оборотной стороне какие-нибудь изображения. Стоял невыносимо жаркий день. Двенадцать рабочих и я затратили невероятное количество усилий, прежде чем с помощью деревянных шестов нам удалось перевернуть тяжелую плиту. Но, увы, к глубочайшему моему сожалению, обе ее стороны оказались абсолютно гладкими. Тогда я вспомнил, что какой-то индеец говорил мне еще об одном камне, валявшемся неподале-

ку, возле подножия самого высокого искусственного холма Трес-Сапотес. Камень был столь невзрачен на вид, что я, помнится, еще подумал, стоит ли вообще его раскапывать. Но расчистка показала, что он в действительности гораздо больше, чем я полагал, и что одну из его сторон покрывали какие-то резные рисунки, правда, сильно попорченные от времени... Тогда я, решив скорее закончить порядком надоевшую работу, попросил индейцев перевернуть обломок стелы и осмотреть его заднюю часть. Рабочие, стоя на коленях, стали очищать поверхность монумента от вязкой глины. И вдруг один из них крикнул мне по-испански: «Начальник! Здесь какие-то цифры!» И это действительно были цифры. Я не знаю, правда, каким образом догадались об этом мои неграмотные индейцы, но там поперек оборотной стороны нашего камня были высечены прекрасно сохранившиеся ряды черточек и точек — в строгом соответствии с законами майяского календаря. Передо мной лежал предмет, который все мы в душе мечтали найти, но из суеверных побуждений не осмеливались признаться об этом вслух».

Задыхаясь от нестерпимой жары, весь в липком поту, Стирлинг тут же принялся лихорадочно зарисовывать драгоценную надпись. А несколько часов спустя все участники экспедиции с нетерпением столпились вокруг стола в тесной палатке своего начальника. Последовали сложные вычисления — и вот уже полный текст надписи готов: «6 Эцнаб 1 Ио». По европейскому летосчислению эта дата соответствует 4 ноября 31 г. до н. э. Рисунок, высеченный на другой стороне стелы (получившей впоследствии название стела «С»), изображает ранний вариант ягуароподобного бога дождя. О такой сенсационной находке никто не смел и мечтать. На вновь открытой стеле имелась дата, записанная по системе майяского календаря, но на целых три столетия превосходящая по возрасту любой другой датированный монумент с территории майя. Отсюда следовал неизбежный вывод: гордые майя заимствовали свой пора-

зительно точный календарь у западных соседей — никому не известных доселе ольмеков.

Трес-Сапотес стал как бы пробным камнем всей ольмекской археологии. Это был первый ольмекский памятник, раскопанный профессиональными археологами. «Мы получили, — писал Стирлинг, — большую коллекцию обломков керамики и с ее помощью надеемся установить подробную хронологию древнего поселения, которое можно было бы тогда привязать к другим известным археологическим памятникам Центральной Америки. Это и явилось наиболее важным научным итогом экспедиции».

Ученый мир был взбудоражен. Результаты раскопок в Трес-Сапотес попали на благодатную почву. Появились новые смелые идеи о роли ольмеков в истории древней Америки. Но еще больше оставалось нерешенных вопросов. Тогда и возникла мысль созвать специальную конференцию для всестороннего рассмотрения ольмекской проблемы.

«Круглый стол» в Тустла-Гутьеррес

Конференция состоялась в июле 1941 г. в Тустла-Гутьеррес — столице мексиканского штата Чьяпас — и привлекла многих специалистов из разных стран. Буквально с первых же минут зал заседаний стал ареной ожесточенных дискуссий и споров, поскольку «горючего материала» основная тема давала в избытке. Все присутствующие разделились на два враждующих лагеря, между которыми шла непримиримая война. По иронии судьбы, их разделяли на этот раз не только чисто научные взгляды, но и национальная принадлежность: мексиканский темперамент столкнулся здесь с англосаксонским скептицизмом. На одном из первых заседаний американский археолог Филипп Дракер изложил итоги своих раскопок в Трес-Сапотес и одновременно представил общую схему развития ольмекской

культуры, приравняв ее хронологически к «Древнему царству» майя (300—900 гг. н. э.). Большинство североамериканских ученых оказали его взглядам единодушную поддержку. Надо сказать, что в то время многие исследователи доколумбовых культур Нового Света, особенно в США, целиком находились во власти одной заманчивой теории. Они были глубоко убеждены в том, что все самые выдающиеся достижения древней индейской цивилизации в Центральной Америке — заслуга только одного народа майя. И одержимые этой навязчивой идеей ученые-майянисты не скупались на пышные эпитеты для своих любимцев, называя их «греками Нового Света», народом-избранником, отмеченным печатью особой гениальности, нисколько не похожим на создателей других цивилизаций древности.

И вдруг, как внезапно налетевший ураган, в зале чинного академического собрания зазвучали страстные голоса двух мексиканцев. Их имена — Альфонсо Касо и Мигель Коваррубиас — были хорошо известны всем присутствующим. Первый навеки прославил себя открытием цивилизации сапотексов после многолетних раскопок в Монте-Альбане (Оахака). Второй по праву считался непревзойденным знатоком древнемексиканского искусства. Определив характерные черты и высокий уровень открытого в Трес-Сапотес художественного стиля, они со всей убежденностью заявили о том, что именно ольмеков следует считать древнейшим цивилизованным народом Мексики. Свои взгляды мексиканцы подкрепили весьма убедительными фактами. «Разве не на ольмекской территории найдены древнейшие предметы с календарными датами (статуэтка из Туслы — 162 г. н. э. и стела «С» из Трес-Сапотес — 31 г. до н. э.)? — говорили они. — А самый ранний храм майя в городе Вашактуне? Ведь он украшен типично ольмекскими скульптурами в виде масок бога-ягуара!»

«Помилуйте, — возражали их североамериканские оппоненты. — Вся культура ольмеков — это лишь искаженный и ухудшенный слепок с великой цивилизации майя. Оль-

меки просто заимствовали у своих высокоразвитых соседей систему календаря, но записали даты неверно, значительно преувеличив их древность. А может быть, ольмеки пользовались календарем 400-дневного цикла или вели отсчет времени не от той начальной даты, от которой это делали майя?» И поскольку подобные рассуждения исходили от двух крупнейших авторитетов в области центрально-американской археологии — Эрика Томпсона и Сильвануса Морли, — многие ученые встали на их сторону.

Характерна в этом отношении позиция самого Мэтью Стерлинга. Накануне конференции, находясь под впечатлением своих находок в Трес-Сапотес, он утверждал в одной из своих статей: «Культура ольмеков, которая во многих аспектах достигла высокого уровня, действительно является очень древней и вполне может быть основополагающей цивилизацией, давшей жизнь таким высоким культурам, как майяская, сапотекская, тольтекская и тотонакская».

Совпадение со взглядами мексиканцев — А. Касо и М. Коваррубиаса — здесь налицо. Но когда большинство его маститых соотечественников выступили против раннего возраста ольмекской культуры, Стерлинг заколебался. Выбор был нелегким. На одной стороне стояли мэтры американской археологии во всем величии своего многолетнего авторитета, увенчанные докторскими мантиями и профессорскими дипломами. На другой — горячий энтузиазм нескольких молодых мексиканских коллег. И хотя разум подсказывал Стерлингу, что у последних сейчас больше аргументов, чем было раньше, он не выдержал. В 1943 г. «отец ольмекской археологии» публично отрекся от своих прежних взглядов, провозгласив в одном из солидных научных изданий, что «культура ольмеков развивалась одновременно с культурой “Древнего царства” майя, но значительно отличалась от последней по многим важным чертам».

В завершение конференции, буквально «под занавес», на трибуну поднялся еще один мексиканец — историк

Хименес Морено. И здесь разразился скандал. «Помилуйте, — заявил докладчик, — о каких ольмеках может идти здесь речь. Термин «ольмекские» абсолютно неприемлем по отношению к археологическим памятникам типа Ла-Венты и Трес-Сапотес. Истинные ольмеки из древних хроник и преданий появились на исторической арене не ранее IX в. н. э., а люди, создавшие гигантские каменные изваяния в джунглях Веракруса и Табаско, жили за добрую тысячу лет до этого». Докладчик предложил назвать вновь открытую археологическую культуру по имени ее важнейшего центра — «культурой Ла-Венты». Но старый термин оказался живучим. Древних обитателей Ла-Венты и Трес-Сапотес по сей день называют ольмеками, хотя часто ставят это слово в кавычки.

Ла-Вента

Взоры многих ученых обратились к Ла-Венте. Именно она должна была дать ответ на самые жгучие вопросы истории ольмеков. Но болотистая местность и влажный тропический климат надежнее любых замков оберегали покинутый древний город: путь к нему был долог и тернист.

Что же представляет собой Ла-Вента в действительности? У самого побережья Мексиканского залива, среди необозримых мангровых болот штата Табаско, возвышается несколько песчаных островов, крупнейший из которых, Ла-Вента, имеет всего 12 километров в длину и 4 километра в поперечнике. Здесь, рядом с захолустной мексиканской деревушкой, по имени которой получил свое название весь остров, находятся руины древнего поселения ольмеков. Основное ядро его занимает небольшое возвышение в центральной части острова площадью всего лишь 180 на 800 метров. Самая высокая точка города — вершина тридцатитрехметровой «Большой пирамиды». К севе-

ру от нее находится так называемый «Ритуальный двор», или «Корраль», — ровная прямоугольная площадка, огражденная каменными колоннами, а чуть дальше странная на вид постройка — «Гробница из базальтовых столбов». Точно по центральной оси этих важнейших сооружений и находились все наиболее внушительные гробницы, алтари, стелы и тайники с ритуальными дарами. Прежние обитатели Ла-Венты хорошо знали законы геометрии. Все главные здания, стоявшие на вершинах высоких пирамидальных фундаментов, были ориентированы строго по сторонам света. Обилие жилых и храмовых ансамблей, вычурных скульптур, стел и алтарей, загадочные исполинские головы, высеченные из черного базальта, роскошное убранство найденных здесь гробниц говорили о том, что когда-то Ла-Вента была крупнейшим центром ольмеков, а возможно, и столицей всей страны.

«Большая пирамида» Ла-Венты

Особое внимание археологов привлекла центральная группа искусственных холмов-пирамид. Здесь, по сути дела, и велись основные раскопки 1940–1950-х гг. Крупнейшим сооружением этой группы, да и всего города в целом, была так называемая «Большая пирамида» высотой около 33 метров. С ее вершины открывался изумительный вид на окрестные леса, болота и реки. Пирамида построена из глины и облицована сверху слоем прочного, как цемент, известкового раствора. Долгое время об истинных размерах и форме этого гигантского сооружения можно было только гадать, так как контуры его скрывали густые заросли вечнозеленых джунглей. Прежде ученые считали, что пирамида имеет обычные для подобного рода построек очертания — четырехугольное основание и плоскую усеченную вершину. И только в 60-е гг. американец И. Хейзер

с удивлением обнаружил, что «Большая пирамида» — это своего рода конус с круглым в плане основанием, имеющим, в свою очередь, несколько полукруглых выступов — лепестков.

Причина столь странной фантазии строителей Ла-Венты оказалась вполне объяснимой. Точно так же выглядели конусы многих потухших вулканов в близлежащих горах Тустлы. По поверьям индейцев, именно внутри таких вулканических пиков жили боги огня и земных недр. Стоит ли удивляться, что и некоторые свои пирамидальные храмы в честь грозных божеств — повелителей стихий ольмеки строили по образу и подобию вулканов. Это требовало от общества немалых материальных затрат. По подсчетам того же Р.Хейзера, для сооружения «Большой пирамиды» Ла-Венты (ее объем 4700 тыс. куб. метров) потребовалось ни много ни мало, а 800 тыс. человеко-дней!

Лики богов и царей

Между тем работы в Ла-Венте приобретали с каждым днем все больший размах, и великолепные открытия и находки не заставили себя долго ждать. Особый интерес вызывали у исследователей многочисленные каменные скульптуры, обнаруженные у подножий древних пирамид или на площадях города. В ходе раскопок удалось найти еще пять гигантских каменных голов в шлемах, очень похожих на изваяния из Трес-Сапотес, но вместе с тем каждая со своими индивидуальными чертами и особенностями (внешний облик, форма шлема, орнамент). Большой восторг вызвала у археологов находка нескольких резных стел и алтарей из базальта, сплошь покрытых сложными скульптурными изображениями. Один из алтарей представляет собой огромную, гладко отполированную каменную глыбу. На фасаде алтаря, как бы вырастая из глубокой ниши, изображен ольмекский правитель или жрец в пышной одеж-

де и высокой конической шапке. Прямо перед собой он держит на вытянутых руках безжизненное тельце ребенка, лицу которого приданы черты грозного хищника — ягуара. На боковых гранях монумента изображено еще несколько странных персонажей в длинных плащах и высоких головных уборах. Каждый из них держит на руках плачущего младенца, в облике которого опять-таки удивительно сливаются черты ребенка и ягуара. Что означает вся эта загадочная сцена? Может быть, перед нами изображен верховный правитель Ла-Венты, его жены и наследники? Или же здесь запечатлен акт торжественного жертвоприношения младенцев в честь богов дождя и плодородия? Ясно лишь одно: образ ребенка с чертами ягуара — наиболее характерный мотив ольмекского искусства.

Много споров вызывала среди специалистов гигантская гранитная стела высотой около 4,5 метра и весом без малого 50 тонн. Ее украшает какая-то сложная и непонятная сцена. Друг против друга стоят два человека в вычурных головных уборах. Персонаж, изображенный справа, имеет ярко выраженный европеоидный тип — у него длинный орлиный нос и узкая, как бы приклеенная козлиная бородка. Многие археологи в шутку называют его «дядей Сэмом». Лицо другого персонажа — оппонента «дяди Сэма» — было намеренно повреждено еще в древности, хотя по некоторым уцелевшим деталям можно догадаться, что перед нами опять-таки изображен человек-ягуар. Необычность всего облика «дяди Сэма» зачастую давала пищу для самых смелых гипотез и суждений. Однажды его объявили представителем белой расы и на этом основании приписали некоторым правителям ольмеков чисто европейское (вернее, средиземноморское) происхождение. Ну как здесь не вспомнить о «голове эфиопа» из старых работ Мельгара и о мифических плаваниях африканцев в Америку! На мой взгляд, для таких выводов нет никаких оснований. Ольмеки, бесспорно, были американскими индейцами, а отнюдь не неграми или белокурами суперменами.

Неожиданный финал: физики и археологи

В 50-х гг. прошлого века пришла наконец пора сделать первые выводы о характере Ла-Венты и ольмекской культуры в целом.

«С этого священного, но очень маленького островка, расположенного восточнее реки Тонала, — утверждал Ф. Драйкер, — жрецы управляли всей округой. Сюда к ним стекалась дань из самых отдаленных и глухих деревушек. Здесь под руководством жрецов огромная армия рабочих, вдохновляемых канонами своей фанатичной религии, копала, строила и перетаскивала многотонные грузы». Таким образом, Ла-Вента предстает в его понимании как своеобразная «мексиканская Мекка», священная островная столица, населенная лишь небольшой группой жрецов и их слуг. Окрестные земледельцы полностью обеспечивали город всем необходимым, получая взамен при посредничестве служителей культа милость всемогущих богов. Расцвет Ла-Венты и тем самым расцвет всей ольмекской культуры приходится, по подсчетам Драйкера и Стирлинга, на I тыс. н. э. и совпадает с расцветом городов майя классического периода. Эта точка зрения и была господствующей в мезоамериканской археологии в середине прошлого века.

Сенсация разразилась в тот момент, когда ее никто не ждал. Повторные раскопки Драйкера в Ла-Венте в 1955–1957 гг. принесли совершенно неожиданные результаты. Образцы древесного угля из толщи культурного слоя в самом центре города, отправленные в лаборатории США для радиоуглеродного анализа, дали такую серию абсолютных дат, которая превзошла самые смелые ожидания. По мнению физиков, выходило, что время существования Ла-Венты падает на 800–400 гг. до н. э.!

Мексиканцы торжествовали. Их аргументы в пользу ольмекской культуры-родоначальницы были теперь надежно

подкреплены. С другой стороны, Филипп Дракер и многие его североамериканские коллеги публично признали свое поражение. Капитуляция была полной. Им пришлось отказаться от своей прежней хронологической схемы и принять даты, полученные физиками. Ольмекская цивилизация получила, таким образом, новое «свидетельство о рождении», главный пункт которого гласил: 800—400 гг. до н. э.

Ольмеки за пределами своих границ

Между тем жизнь предлагала ученым новые сюрпризы, касающиеся ольмекков. Так, на окраине современного города Мехико, в Тлатилько, были найдены сотни древних захоронений доклассического периода. Среди изделий, характерных для местной земледельческой культуры, отчетливо выделялись инородные влияния: нефритовые и глиняные статуэтки ольмекского типа в виде пухлых младенцев с вздернутой, как у рычащего ягуара, верхней губой. Менее определено, хотя и часто, проявлялось влияние ольмекков и в керамической посуде из могильника. Некоторые формы сосудов, особенно бутылей и чаш, и их орнаментация (резные узоры в виде лапы ягуара, птичьего крыла и змеи с перьями) отдаленно походили на изделия гончаров из Ла-Венты и Трес-Сапотес. Тот факт, что похожие на ольмекские предметы были представлены в столь раннем памятнике долины Мехико, красноречивее всяких слов доказывал глубокую древность культуры ольмекков. Для различных древностей Тлатилько у нас есть три радиоуглеродные даты, диапазон которых охватывает время с 1700 по 300 г. до н. э. Однако по большинству своих признаков могильник в Тлатилько отчетливо связывается со средним этапом доклассического периода, или с 1000—500 гг. до н. э.

Обильную пищу для размышлений давали и другие открытия археологов в Центральной Мексике. На восто-

ке крохотного штата Морелос взору исследователей предстает довольно необычная картина. Близ городка Каутла над окружающей равниной вздымаются, словно могучие богатыри в островерхих шлемах, три высоких скалистых холма с почти отвесными склонами из базальта. Плоская вершина центрального холма, Чалькацинго, усеяна огромными валунами и глыбами камня. Взобраться туда непросто. Но путник, решившийся на столь опасное восхождение, получит в итоге достойную награду. Там, вдали от современной жизни, застыли в вековом сне загадочные изваяния неведомых богов и героев. Они искусно вырезаны на поверхности самых больших валунов.

Первый рельеф изображает какого-то пышно одетого человека, который важно восседает на троне и сжимает в руках длинный предмет, напоминающий знаки власти правителей городов-государств майя. На голове у него высокая прическа и затейливая шапка с фигурами птиц и знаками в виде падающих вниз крупных капель дождя. Человек сидит в некоем подобии небольшой пещеры. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что это вовсе не пещера, а широко открытая пасть какого-то гигантского, стилизованного до неузнаваемости чудовища. Хорошо виден его яйцевидный глаз со зрачком из двух перекрещенных полос. Из пасти-пещеры вырываются наружу какие-то завитки, изображающие, возможно, клубы дыма. Над всей этой сценой как бы парят в воздухе три стилизованных знака — три грозные тучи, из которых падают вниз крупные капли дождя. Точно такие же каменные скульптуры встречаются лишь в стране ольмеков, на южном побережье Мексиканского залива.

На втором рельефе Чалькацинго показана уже целая скульптурная группа. Справа изображен бородатый обнаженный человек со связанными руками. Он сидит на земле, прислонившись спиной к идолу грозного божества ольмеков — человека-ягуара. Слева два ольмекских воина или жреца с длинными остроконечными палицами в руках

угрожающе подступают к беззащитному пленнику. Позади него стоит еще один персонаж с дубинкой, из которой пробиваются побеги какого-то растения — скорее всего маиса.

Но самый интересный из всех рельефов — пятый, хотя он, к сожалению, сохранился хуже других. Здесь древний скульптор изобразил огромную змею с клыкастой пастью. Она пожирает полумертвого человека, лежащего ничком на земле. Из затылка змеиной головы выглядывает короткое, похожее на птичье крыло. Однако для многих ученых и одной этой детали оказалось достаточно: они объявили, что ольмеки задолго до начала нашей эры поклонялись самому популярному божеству доиспанской Мексики — «пернатому Змею», или Кецалькоатлю.

Открытия в Чалькацинго взбудоражили ученый мир. Ведь многотонные валуны с рельефами — не изящная нефритовая вещица, которую можно положить в карман и унести куда угодно. Было совершенно очевидно, что рельефы сделаны прямо на месте, в Чалькацинго, и творцами их могли быть лишь сами ольмеки.

Аналогичные открытия были сделаны затем и в других местах — на Тихоокеанском побережье Мексики (Чьяпас), Гватемалы (Эль-Ситио), Сальвадора (Лас-Викториас) и Коста-Рики (полуостров Никойя). Но зачем пришли ольмеки в центральные области Мексики и в земли, лежащие к югу от их прародины, неизвестно. Смелых суждений и скороспелых гипотез на этот счет хоть отбавляй. Однако, к сожалению, фактов пока явно недостаточно.

Мигель Коваррубиас считал ольмеков завоевателями-чужеземцами, пришедшими в долину Мехико с территории Тихоокеанского побережья штата Герреро (Мексика). Они быстро подчинили себе местные примитивные племена, положили им тяжелой данью и образовали правящую касту аристократов и жрецов. В Тлатилько и других ранних поселениях, по мысли Коваррубиаса, четко видны две разнородные традиции культуры: пришлая, ольмекская (к ней относятся все наиболее изящные типы керамики, нефритовые вещи

и статуэтки «сыновей ягуара»), и местная простая культура ранних земледельцев с грубой кухонной посудой. Ольмеки и местные индейцы отличались друг от друга по своему физическому типу, костюму и украшениям: приземистые узкоглазые и плосконосые аборигены — вассалы, ходившие полуголыми, в одних набедренных повязках, и ольмеки — изящные, высокие аристократы с тонкими орлиными носами, в причудливых шляпах, длинных мантиях или плащах. Насадив среди варваров ростки своей высокой культуры, ольмеки проложили тем самым, по словам Коваррубиаса, путь всем последующим цивилизациям Мезоамерики.

Другие ученые объявили ольмеков «святыми проповедниками» и «миссионерами», которые со словами мира на устах и с зеленой ветвью в руке несли остальным людям учение о своем великом и милостивом боге — человеке-ягуаре. Они повсюду основывали свои школы и монастыри. И вскоре пышный культ нового, благосклонного к земледельцу божества получил всеобщее признание, а священные реликвии ольмеков в виде изящных амулетов и статуэток стали известны в самых отдаленных уголках Мексики и Центральной Америки.

Наконец, третьи ограничивались туманными ссылками на торговые и культурные связи, отмечая «явно ольмекские черты» в искусстве Монте-Альбана (Оахака), Теотихуакана и Каминальхуи (горная Гватемала), но не давая этому факту никаких конкретных объяснений.

В конце 60-х гг. новую идею в решение этой сложнейшей научной проблемы внес археолог из Йельского университета (США) Майкл Ко. Прежде всего он с фактами в руках опроверг религиозную, или миссионерскую, подоплеку ольмекской экспансии за пределы Веракруса и Табаско. Гордые персонажи базальтовых скульптур Ла-Венты и Трес-Сапотес не были ни богами, ни жрецами. Это увековеченные в камне образы могущественных правителей, полководцев и членов царских династий. Правда, и они не упустили случая подчеркнуть свою связь с богами или показать

божественные истоки своей власти. Но тем не менее реальная власть в стране ольмеков находилась в руках светских правителей, а не жрецов. В жизни ольмеков, как и других древних народов Мезоамерики, огромную роль играл зеленовато-голубой минерал нефрит. Он считался основным символом богатства. Его широко применяли в религиозных культурах. Им платили дань побежденные государства. Но мы знаем и другое: в джунглях Веракруса и Табаско не было ни одного месторождения этого камня. Между тем количество изделий из нефрита, найденных при раскопках ольмекских поселений, исчисляется десятками тонн! Откуда же брали жители страны ольмеков свой драгоценный минерал? Как показали геологические изыскания, залежи великолепного нефрита имеются в горах Герреро, в Оахаке и Морелосе — в Мексике, в горных районах Гватемалы и на полуострове Никойя в Коста-Рике, т. е. именно в тех местах, где сильнее всего чувствуется влияние ольмекской культуры. Отсюда Майкл Ко сделал вывод о прямой зависимости основных направлений ольмекской колонизации от наличия месторождений нефрита. По его мнению, ольмеки создали для этой цели особую организацию — могущественную касту купцов, которые вели торговые операции только с дальними землями и обладали большими привилегиями и правами. Охраняемые всем авторитетом пославшего их государства, они смело проникали в самые глухие области Мезоамерики. Гиблые тропические леса, непроходимые болота, вулканические пики, широкие и быстрые реки — все покорилось этим неистовым искателям драгоценного нефрита.

Обосновавшись на новом месте, торговцы-ольмеки терпеливо собирали ценные сведения о местных природных богатствах, климате, быте и нравах туземцев, их военной организации, численности и наиболее удобных дорогах. И когда наступал подходящий момент, они становились проводниками ольмекских армий, спешивших с побережья Атлантики для захвата новых нефритовых разработок и шахт. На перекрестке оживленных торговых путей и в стратегиче-

ски важных пунктах ольмеки строили свои крепости и сторожевые посты с сильными гарнизонами. Одна цепь таких поселений протянулась от Веракруса и Табаско, через перешеек Теуантепек, далеко к югу, по всему Тихоокеанскому побережью, вплоть до Коста-Рики. Другая шла на запад и юго-запад, в Оахаку, Пуэблу, Центральную Мексику, Морелос и Герреро. «В ходе этой экспансии, — подчеркивает М. Ко, — ольмеки приносили с собой нечто большее, нежели высокое искусство и изысканные товары. Они щедро сеяли на варварской ниве семена истинной цивилизации, до них никому здесь не известной... Там же, где их не было или их влияние ощущалось слишком слабо, цивилизованный образ жизни так никогда и не появился».

Это было весьма смелое заявление, но за ним последовали и не менее смелые дела. Профессор Майкл Ко решил отправиться в джунгли Веракруса и раскопать там крупнейший из центров ольмекской культуры — Сан-Лоренсо-Теночтитлан.

Сенсация в Сан-Лоренсо

В январе 1966 г. Йельский университет (США) выделил наконец необходимые средства, и экспедиция Майкла Ко отправилась к месту работ.

К тому времени чаша весов в споре о приоритете той или иной цивилизации явно склонялась в пользу ольмеков. Однако требовались более убедительные доказательства прямой связи ранних форм ольмекской керамики с каменными изваяниями Ла-Венты, Трес-Сапотес и других центров страны ольмеков. Именно этим и хотел заняться М. Ко.

Исследование древних пирамид и статуй в Сан-Лоренсо оказалось довольно трудной задачей. На территории города нужно было проложить тропинки, очистить от зарослей каменные скульптуры и, наконец, построить для экспедиции постоянный лагерь. Много времени и сил отнимало

составление подробнейшей карты всей обширной археологической зоны Сан-Лоренсо-Теночтитлана.

Одновременно начались широкие раскопки руин древнего города. Археологам сразу же несказанно повезло. Они обнаружили несколько очагов с большим количеством древесных угольков. Это великолепная возможность для получения абсолютной хронологии по радиоуглеродному методу. Все собранные образцы отправили в лабораторию Йельского университета.

Спустя некоторое время пришел долгожданный ответ. М. Ко понял, что стоит на пороге новой научной сенсации. Судя по внушительной серии радиоуглеродных дат и весьма архаичной на вид керамике, найденной в траншеях и шурфах, каменные ольмекские скульптуры, а вместе с ними и вся ольмекская культура в Сан-Лоренсо появились на свет приблизительно между 1200-м и 900 гг. до н. э., т. е. на несколько столетий раньше, чем в той же Ла-Венте.

Да, здесь было над чем поломать голову. У любого специалиста подобное сообщение вызвало бы массу недоуменных вопросов.

Секреты древнего города

По сравнению с другими (но более поздними) городами древней Мексики — Теотихуаканом, Монте-Альбаном или майяским городом Паленке — Сан-Лоренсо не очень велик. Он занимает скромную площадь — около 1,2 километра в длину и менее 1 километра в ширину. Но зато по своему внешнему облику Сан-Лоренсо, бесспорно, самый необычный из всех доколумбовых центров культуры в Новом Свете. Все его здания и сооружения, скрытые сейчас внутри земляных холмов, стояли на плоской вершине крутого и обрывистого плато, вздымавшегося над саванной на высоту почти 50 метров. Во время сезона дождей вся окружающая равнина заливалась водой, и только высокое плато Сан-Лоренсо,

словно несокрушимый утес, стояло в гордом одиночестве посреди разбушевавшейся стихии. Природа словно нарочно создала здесь надежное убежище для человека.

Так думал сначала Майкл Ко. Но когда на вершине плато были сделаны первые глубокие разрезы, а на стол начальника экспедиции легла точная карта руин Сан-Лоренсо, стало ясно, что по меньшей мере верхние 6–7 метров плато со всеми его отрогами и оврагами — искусственное сооружение, созданное руками человека. Сколько же труда нужно было затратить для того, чтобы передвинуть с места на место такую гигантскую гору земли, не имея при этом никаких специальных механизмов и приспособлений!

Археологи обнаружили на вершине этого искусственно-го плато свыше 200 холмов-пирамид. Центральная группа имеет четко выраженную планировку по линии север — юг и как две капли воды похожа на архитектурные сооружения в центре Ла-Венты: сравнительно высокая, конической формы пирамида из глины и два ряда длинных низких холмов окружают с трех сторон узкую прямоугольную площадь. По предположению ученых, большинство малых холмов-пирамид — это остатки жилых домов. И поскольку общее их число не превышает 200, можно, привлекая данные современной этнографии, вычислить, что постоянное население Сан-Лоренсо в эпоху его расцвета состояло из 1000–1200 человек.

В ходе раскопок внутри таких домов были найдены кухонные горшки из глины, очаги, базальтовые зернотерки и другие предметы хозяйственной утвари. Кроме земляных холмов, на поверхности плато то и дело встречались какие-то непонятные впадины и ямы различной формы и величины, которые у археологов получили название лагун, поскольку имели отношение к воде и водоснабжению древнего города. Все они были искусственного происхождения.

Выявилась интересная особенность. Когда ряд каменных статуй, найденных ранее или в ходе текущих раскопок, нанесли на карту, то они образовали правильные длинные

ряды, ориентированные по линии север — юг. При этом каждый монумент из Сан-Лоренсо был намеренно разбит или поврежден, затем уложен на специальную подстилку из красного гравия и засыпан сверху толстым слоем земли и хозяйственного мусора.

Первый водопровод Америки

В апреле 1967 г. рабочий-индеец привел археологов к тому месту, где, по его словам, весенние ливни вымыли на склоне ложины каменную трубу, из которой до сих пор льется вода. «Я спустился вместе с ним в заросший кустарником овраг, — вспоминает Майкл Ко, — и то, что там предстало перед моим взором, могло повергнуть в изумление любого исследователя прошлого. Водоотводная система, искусно построенная около 3 тыс. лет назад, успешно действовала до сих пор!» Ольмекские мастера ставили U-образные базальтовые камни вертикально, вплотную друг к другу, а затем закрывали их сверху тонкой пластиной наподобие крышки школьного пенала. Этот своеобразный каменный желоб был скрыт под толстым слоем насыпной земли, достигавшим местами 4,5 метра. Раскопки водоотводной системы в Сан-Лоренсо потребовали от всех участников экспедиции предельного напряжения сил. Когда основные работы были закончены, можно было с уверенностью сказать, что на плато Сан-Лоренсо некогда действовали одна главная и три вспомогательные линии акведуков общей протяженностью почти 2 километра. Все каменные «трубы» были уложены со слабым наклоном к западу и так или иначе связаны с наиболее крупными лагунами. Когда последние чересчур переполнялись в период дождей, лишняя вода самотеком выводилась с помощью акведуков за пределы плато. Это, бесспорно, самая древняя и самая сложная водосборная система, сооруженная когда-либо на территории Нового Света до прихода евро-

пейцев. Но для того, чтобы ее построить, ольмекам пришлось доставить в Сан-Лоренсо издалека, за несколько десятков километров, без малого 30 тонн базальта для производства U-образных блоков и крышек.

Сомнения остаются

Ольмеки создали, вне всякого сомнения, самую яркую цивилизацию доколумбовой Америки, оказав заметное влияние на происхождение ряда других высоких культур в Новом Свете.

«Я считаю также, — писал М. Ко, — что блестящая цивилизация Сан-Лоренсо пришла в упадок из-за внутренних потрясений: насильственного переворота или мятежа. После 900 г. до н. э., когда Сан-Лоренсо исчез под густым покровом джунглей, факел ольмекской культуры перешел в руки Ла-Венты — островной столицы, надежно спрятанной среди болот реки Тонала, в 55 милях к востоку от Сан-Лоренсо». В 600–300 гг. до н. э. на руинах бывшего великолепия вновь затеплилась жизнь: на плато Сан-Лоренсо появилась группа ольмекских колонистов, пришедших, возможно, из той же самой Ла-Венты. Во всяком случае, в архитектуре и керамике двух городов в этот период наблюдается поразительное сходство. Правда, есть и явные неувязки. Так, наиболее эффектные каменные скульптуры Сан-Лоренсо, которые М. Ко относит к 1200–900 гг. до н. э. (например, гигантские каменные «головы»), имеют свои точные копии в Ла-Венте, городе, существовавшем в 800–400 гг. до н. э.

Слов нет, раскопки в Сан-Лоренсо дали ответ на многие спорные вопросы ольмекской культуры. Но гораздо больше таких вопросов по-прежнему ждут своего решения.

Для собственно ольмекской культуры, существовавшей, согласно М. Ко, в 1200–400 гг. до н. э., характерны следующие черты: преобладание архитектурных сооружений из глины и земли, высокоразвитая техника резьбы по кам-

ню (особенно по базальту), круглорельефная скульптура, гигантские головы в шлемах, божество в виде человека-ягуара, изощренная техника обработки нефрита, глиняные полые статуэтки «младенцев» с поверхностью белого цвета, керамика архаических форм (шаровидные горшки без шейки, чаши для питья и т. д.) с характерными орнаментами.

Лавина аргументов в пользу поразительно раннего появления ольмекской цивилизации, казалось, смела на своем пути все барьеры, возведенные некогда строгой критикой. Но, странное дело, чем больше слов говорилось в защиту этой гипотезы, тем меньше доверия она внушала. Конечно, с некоторыми фактами спорить особо не приходилось. Ольмеки или, вернее, их предки действительно довольно рано обосновались на южном побережье Мексиканского залива. Если верить радиоуглеродным датам и находкам ранней керамики, это случилось примерно в 1300–1000 г. до н. э. Со временем они возвели в глубине девственных джунглей свои не слишком большие по размерам, но вполне благоустроенные города.

На мой взгляд, большинство исследователей совершают одну серьезную ошибку: они рассматривают ольмекскую культуру как нечто застывшее и неизменное. Для них воедино слились и первые робкие ростки искусства ранних земледельцев, и внушительные достижения эпохи цивилизации. Видимо, ольмеки должны были пройти долгий и сложный путь, прежде чем им удалось достичь высот цивилизованного образа жизни. Но как же отличить этот важный рубеж от предшествующих ступеней раннеземледельческой культуры? Археологи в своей повседневной практике определяют его обычно по двум признакам — наличию письменности и городов. О том, были у ольмеков настоящие города или только ритуальные центры, ученые спорят по сей день. Но зато с письменностью у ольмеков все было в порядке.

Древние образцы иероглифического письма найдены в стране ольмеков по меньшей мере дважды: стела «С» в Трес-Сапотес (31 г. до н. э.) и статуэтка из Тустлы (162 г.

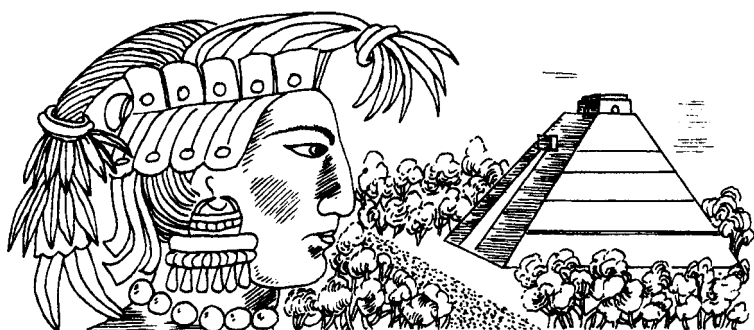
н. э.). Следовательно, один из двух важнейших признаков цивилизации, письменность, появился в стране ольмексов не позднее I в. до н. э.

Однако если мы обратимся к другим областям доколумбовой Мексики, то заметим, что и там первые признаки цивилизации появляются примерно в это же самое время. У майя из лесных районов Северной Гватемалы иероглифические надписи календарного характера известны с I в. до н. э. (стела № 2 из Чьяпа-де-Корсо, 36 г. до н. э.). А в ходе раскопок Монте-Альбана, укрепленной столицы индейцев-сапотек, расположенной в долине Оахака, археологи нашли еще более ранние образцы письма, похожие одновременно и на ольмекские, и на майяские. Точная их датировка не установлена, но это не позже VI–V вв. до н. э.

Таким образом, по крайней мере в двух важнейших центрах культуры доколумбовой Мезоамерики порог цивилизации (если исходить только из наличия письменности) был достигнут одновременно с ольмеками. «Поэтому не будем воображать, — подчеркивает археолог Т. Проскуракова (США), — что ранние ольмекские памятники были единственными центрами высокой культуры своего времени. Только на основании одной лишь исторической вероятности мы должны предполагать, что в тот период в Мексике существовали и другие племена, способные если и не создавать равные по совершенству произведения искусства, то по крайней мере строить скромные храмы, устанавливая каменные скульптуры и успешно соперничать с ольмеками на поле брани и в торговых делах».

Теотихуакан — обитель богов

Город из легенды

В 50 километрах к северо-востоку от города Мехико, там, где горные хребты несколько расступаются, образуя небольшую плодородную долину, находится Теотихуакан — столица одной из древнейших цивилизаций Центральной Мексики. Изучение этого города началось в XIX веке. Когда первые исследователи пришли к его немым развалинам, все для них было сплошной загадкой, и они могли с полным правом повторить слова своего современника — американца Джона Ллойда Стефенса, открывшего в 40–50-х гг. XIX в. затерянные в джунглях города древних майя: «Разрушенный город лежал перед нами, словно потерпевший крушение корабль: мачты потеряны, название стерлось, экипаж погиб, и никто не знает, откуда он шел, кому принадлежал, как долго длилось его путешествие, что послужило причиной его гибели». Теотихуакан погиб за много столетий до прихода европейцев в Америку, поэтому мы по сей день не знаем имен его правителей, философов, поэтов и художников, языка, на котором говорили его жители, и даже подлинного названия этого великого города. Слово

«Теотихуакан» имеет ацтекское происхождение и означает буквально «место, где живут боги», «обитель богов».

Но настолько велика была роль Теотихуакана в истории древней Мексики, столь сильным оказалось воздействие его культурных традиций на последующие поколения мексиканцев (тольтеков и ацтеков прежде всего), что смутные воспоминания о некогда блестящей столице сохранились у местных индейцев вплоть до начала европейского завоевания Америки. Мы узнаем о Теотихуакане из ацтекских легенд и преданий:

Когда была еще ночь,
Когда не было еще дневного света,
Собрались тогда боги в Теотихуакане.
И сказали они друг другу:
О боги!
Кто из вас возьмет на себя
Труд сделать так, чтобы
Был дневной свет?

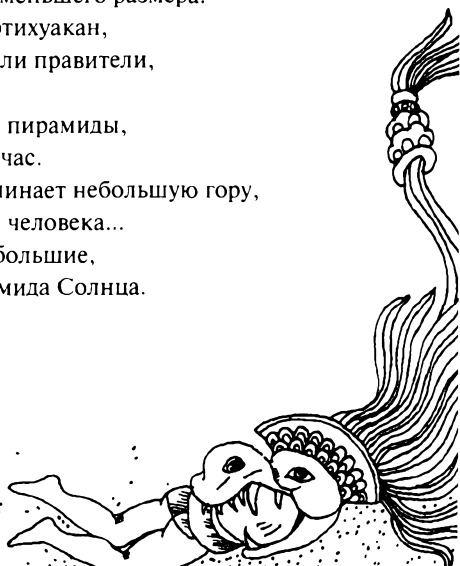
И заботливые боги создали луну и солнце. А затем, чтобы заставить их двигаться по небу и тем самым дать возможность людям спокойно жить на земле, они принесли себя в жертву, бросившись в огонь.

Особое почитание Теотихуакана сохранилось на протяжении многих веков. Существует старое предание о том, что Монтесума — грозный «император» ацтеков — не один раз совершал к руинам мертвого города утомительные паломничества для принесения жертв богам луны и солнца, обитавшим, по широко распространенному поверью, на вершинах крупнейших пирамид. Сооружение Теотихуакана ацтеки приписывали расе гигантов — мифических предков современных людей. Индейцам казалось, что такие грандиозные постройки могли воздвигнуть лишь существа, наделенные сверхъестественной силой. Извест-

ную пищу для подобных поверий давали довольно частые в долине Мехико находки огромных костей ископаемых животных ледниковой эпохи, которые принимались за человеческие.

Из других древних преданий можно заключить, что предки обитателей Теотихуакана пришли откуда-то с северо-востока, с побережья Мексиканского залива, где находилась таинственная страна Тамоанчан:

Тотчас же отправились они в путь,
 все до одного отправились они в путь:
 и мальчишки, и старики,
 и девчонки,
 и древние старухи.
 Очень медленно, очень осторожно двигались они,
 пока не собрались все вместе в Теотихуакане.
 Там установили они свои законы,
 там устроили они свое царство.
 И те, кого избрали сначала царями,
 были мудрецами,
 знатоками таинственных явлений,
 хранителями традиций.
 Затем появились там сановники.
 И весь народ построил святилища
 в честь богов солнца и луны,
 после этого было сделано
 много других святилищ меньшего размера.
 И место это назвали Теотихуакан,
 потому что, когда умирали правители,
 их здесь же и хоронили.
 Затем строили над ними пирамиды,
 которые стоят еще и сейчас.
 Каждая пирамида напоминает небольшую гору,
 только сделанную рукой человека...
 И среди них есть очень большие,
 Пирамида Луны и Пирамида Солнца.

Общее описание Теотихуакана

Легенды и предания ацтеков, пришедших в страну много веков спустя после гибели Теотихуакана, вряд ли могли составить сколько-нибудь прочную базу для воссоздания подлинной истории города. И только усилия археологов в течение последних десятилетий позволили нам перекинуть невидимый мост в ту эпоху, когда на туманном горизонте мексиканской истории рождалась первая местная цивилизация.

Если бы нам удалось с высоты птичьего полета посмотреть на Теотихуакан девятнадцать веков назад, то перед нами открылась бы изумительная картина. На дне обширной и плодородной долины, замкнутой со всех сторон громадами горных хребтов, — белые и желтые квадратики бесчисленных зданий. Они то сгруппированы вместе и образуют тесно застроенные улицы и кварталы, то, напротив, широко разбросаны по всей прилегающей местности. Точные границы древнего города до сих пор не установлены: по подсчетам некоторых ученых, его общая площадь достигала от 20 до 22 кв. километров. Одна центральная часть, включающая все наиболее значительные архитектурные сооружения, имеет 2,5 километра в длину и около 1 километра в ширину.

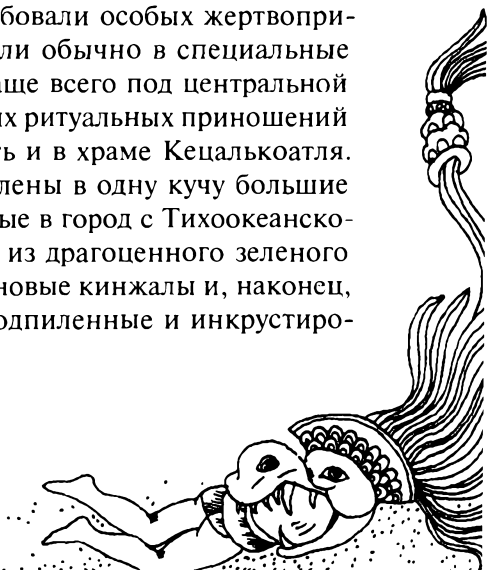
С севера на юг весь Теотихуакан пересекает длинная и широкая улица — Калье-де-Лос-Муэртос, или «Дорога Мертвых»*. На ее северном конце расположен гигантский массив Пирамиды Луны (высота — 42 метра), сложенный из сырцового кирпича и облицованный камнем. По своей конструкции и внешнему виду она — точная копия Пирамиды Солнца. Последняя представляет собой пятиярус-

* Все названия в Теотихуакане носят вторичный или условный характер. Они даны либо ацтеками, либо современными исследователями.

ное сооружение с плоской вершиной, на которой стоял когда-то небольшой храм. Высота этого колосса составляет почти 64,5 метра, длина сторон основания — 211, 207, 217 и 209 метров, общий объем — 993 тыс. куб. метров. Подсчитано, что для строительства пирамиды потребовался труд не менее 20 тыс. человек в течение 20–30 лет.

Южный конец «Дороги Мертвых» упирается в обширный комплекс построек, возведенных на одной гигантской низкой платформе и объединенных под общим названием «Сьюдадела» (*исп.* «цитадель»), хотя вряд ли этот изящный ансамбль святилищ и храмов имел в древности какое-либо оборонительное значение. Особенно выделяется среди них великолепный храм в честь бога Кецалькоатля — «пернатого змея», покровителя культуры и знаний, бога ветра и воздуха. Собственно говоря, само храмовое здание полностью разрушено, но зато прекрасно сохранилось его пирамидальное основание, состоящее из шести постепенно уменьшающихся каменных платформ, поставленных друг на друга. Фасад пирамиды богато украшен каменными скульптурами «пернатого змея» и бабочек (один из символов бога воды и дождя Тла-лока). При этом зубы всех змеиных голов расписаны белой краской, а глаза бабочек имеют зрачки из дисков обсидиана. Храм был сооружен около 200 г. н. э. и существовал, подвергаясь периодическим перестройкам, в течение нескольких столетий, вплоть до внезапной гибели Теотихуакана.

Согласно местным религиозным канонам, закладка и освящение нового храма требовали особых жертвоприношений и даров. Их помещали обычно в специальные ямы-тайники, устраиваемые чаще всего под центральной лестницей здания. Одно из таких ритуальных приношений археологам удалось обнаружить и в храме Кецалькоатля. На дне ямы-тайника были свалены в одну кучу большие морские раковины, доставленные в город с Тихоокеанского побережья, статуэтки богов из драгоценного зеленого нефрита, кремневые и обсидиановые кинжалы и, наконец, человеческие зубы, фигурно подпиленные и инкрустиро-

ванные кусочками полированного нефрита. Выяснилось, что зубы принадлежали не жителям Теотихуакана, а скорее всего их южным соседям — сапотекам или майя. Именно они уродовали зубы таким способом, следуя своей специфической моде. Не исключено, что теотихуаканцы, открывая новый храм, принесли в жертву своему великому богу пленников-чужеземцев.

Там же, на центральном проспекте, был обнаружен и исследован дворцовый ансамбль — так называемый «Дворец Кецальпапалотля» («Дворец Кецалья-Бабочки»). Его фасад украшен резными каменными колоннами квадратной формы с изображением птицы кецаль (похожей, впрочем, больше на сову) и бабочек. С одной стороны, дворец поражает своей пышностью: длинные анфилады жилых комнат, залов, складских и подсобных помещений, сгруппированных вокруг открытых двориков, стены, сложенные из адобов, снаружи и изнутри покрытые тонким слоем белой блестящей штукатурки, а часто и красочными фресковыми росписями. С другой стороны, низкие и плоские крыши, полутемные комнаты, отсутствие окон как-то мало отвечают нашим представлениям о жизни царей. Ясно, что дворцы первых мексиканских владык во многом уступали по своему убранству и архитектуре чертогам египетских фараонов и ассирийских царей. Но вместе с тем вряд ли в каком-либо другом древнем городе Старого Света, не считая, конечно, античных, можно встретить столь высокую степень благоустройства и продуманной заботы хозяев о месте своего обитания.

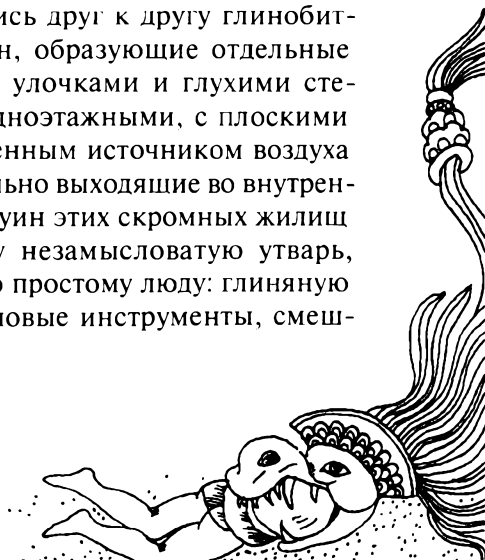
Правильная сеть улиц, пересекающихся под прямым углом с «Дорогой Мертвых», свидетельствует о том, что Теотихуакан застраивался по особому, тщательно продуманному плану. Мексиканский ученый Игнасио Маркина установил, что все постройки Теотихуакана ориентированы не по сторонам света, а по оси «Дороги Мертвых». Последняя же в свою очередь, отклоняется от севера примерно на 17° к западу. Точно так же ориентирована и Пира-

мида Солнца — самое древнее культовое сооружение города. Именно эта пирамида (в ее толще скрывалось более раннее здание пирамидального храма, а под ним — пещера с ныне высохшим источником) и явилась отправной точкой для последующего архитектурного строительства в зоне Теотихуакана. Любопытно, что такую же ориентировку имела и густая сеть каналов, окружавших когда-то город.

Улицы и площади этой великолепной столицы были вымощены твердым, как камень, известковым раствором. Под ними были проложены многочисленные каменные желоба и водостоки, отводившие дождевую воду в специальные бассейны или каналы. Примечательно, что мусор и всякого рода отбросы вывозились за пределы центральной части города на специальные свалки.

На широких открытых площадях перед храмами важнейших богов находились главные рынки города, куда стекались товары из самых отдаленных районов Мезоамерики. Высоко ценимые зеленые перья птицы кецаль из Гватемалы, бобы какао из Гондураса и Табаско, нефрит и раковины с берегов Атлантики и Тихого океана. Статуэтки-амулеты из таинственной страны ольмеков, затерявшейся в тропических лесах и болотах на побережье Мексиканского залива, обменивались здесь на изящные изделия теотихуаканских мастеров. Благодаря оживленной и выгодной торговле город быстро богател, рос и украшался новыми великолепными храмами и дворцами.

Вокруг центра тесно лепились друг к другу глинобитные жилища простых горожан, образующие отдельные городские кварталы с узкими улочками и глухими стенами домов. Все дома были одноэтажными, с плоскими крышами и без окон. Единственным источником воздуха и света служили двери, обязательно выходящие во внутренний открытый дворик. Среди руин этих скромных жилищ археологи находят обычно ту незамысловатую утварь, которая принадлежала когда-то простому люду: глиняную посуду, кремневые и обсидиановые инструменты, смеш-

ные статуэтки ботов, вылепленные из глины или отлитые в виде терракоты в специальных формах, а также могилы, так как мертвых хоронили тут же, под полами комнат или во двориках.

В настоящее время археологи установили, что в Теотихуакане процветали такие виды ремесла, как изготовление керамики, отливка терракоты и массовая выработка изделий из обсидиана — прежде всего ножевидных пластин с острым режущим краем. Всего в зоне города найдено сейчас свыше 400 ремесленных мастерских, 300 из которых так или иначе связаны с обработкой обсидиана.

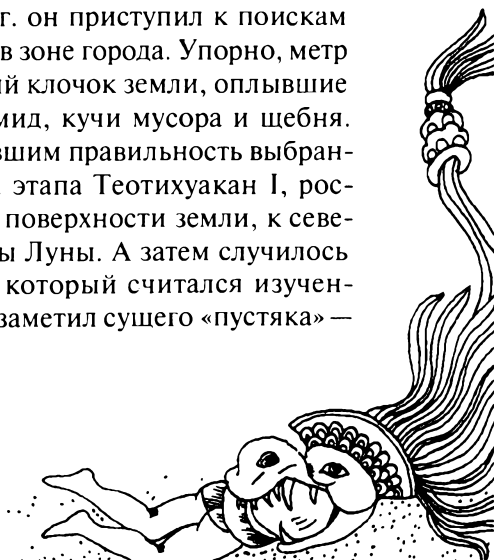
Происхождение теотихуаканской цивилизации

Много споров вызывает проблема происхождения цивилизации Теотихуакана и этническая принадлежность ее создателей. Прежде всего возникает вопрос: что считать рубежом, который отмечает рождение местной городской цивилизации? Долгое время таковым считался момент сооружения двух гигантских пирамид — Солнца и Луны. Ученые не допускали и мысли о том, что подобные колоссы могли построить племена доклассической эпохи с их довольно ограниченными техническими возможностями. Это мнение преобладало, несмотря на то, что внутри Пирамиды Солнца встречаются материалы исключительно позднего этапа доклассического периода (этап Теотихуакан I).

Мексиканец Э. Ногера в 1935 г. и уже упоминавшийся Дж. Вайян в 1938 г., отметив наличие некоторых западно-мексиканских элементов в культуре Теотихуакана I, утверждали, что теотихуаканская цивилизация родилась в результате слияния двух культурных традиций — местной и западно-мексиканской. М. Коваррубиас предполагал, что «великие традиции теотихуаканской культуры» были принесены в долину Мехико в конце этапа Теотихуакан I таинственной чу-

жеземной элитой, родина которой находилась где-то на востоке, на побережье Мексиканского залива. Подчинив себе более примитивные местные племена, пришельцы, по его мнению, стали во главе нового цивилизованного общества, сложившегося на основе слияния двух культурных потоков: местного и пришлого, чужеземного. Если же верить мексиканским ученым Х. Гарсии Пайону и Р. Пинье Чану, то истоки теотихуаканской культуры следует искать где-то на территории штата Веракрус, в области обитания индейцев-тотонаков. Во-первых, и в Теотихуакане, и в Веракрусе господствовал очень близкий по форме художественный стиль. Во-вторых, испанский монах Торкемада (XVI в.) отмечал в своих трудах, что, согласно древней легенде, предки тотонаков во время своих странствий побывали в Теотихуакане и построили там большие пирамиды. Известный шведский археолог Сигвальд Линне, много лет проводивший раскопки на территории города, доказывал, что в конце этапа Теотихуакан I местное население было полностью вытеснено из своей благодатной долины каким-то неведомым пришлым народом, который и создал через некоторое время блестящую культуру классической эпохи. Таким образом, большинство специалистов по теотихуаканской археологии, долго работавших в зоне города, сошлись на том, что местная цивилизация принесена либо с востока, либо с запада, либо с юга, но только не родилась в самом Теотихуакане.

Человеком, сказавшим новое слово, был американский археолог Рене Миллон. В 1957 г. он приступил к поискам материалов этапа Теотихуакан I в зоне города. Упорно, метр за метром, исследовал он каждый клочок земли, оплывшие холмы больших и малых пирамид, кучи мусора и щебня. Первым признаком, подтвердившим правильность выбранного пути, оказалась керамика этапа Теотихуакан I, россыпи которой лежали прямо на поверхности земли, к северу и северо-западу от Пирамиды Луны. А затем случилось нечто неожиданное. В городе, который считался изученным вдоль и поперек, никто не заметил сущего «пустыка» —

целого городского района Остойахуалько протяженностью свыше километра. Развалины жилых зданий и святилищ, груды черепков глиняной посуды, статуэтки и каменная утварь стали достойной наградой исследователю, рискнувшему удалиться далеко в сторону от пышного центра Теотихуакана, как магнит притягивавшего к себе большинство археологов. Вскоре было установлено, что подавляющая часть находок из Остойахуалько относится как раз к этапу Теотихуакан I. Больше того, посуда гончаров этого времени оказалась очень похожей на те изящные изделия, которые изготавливали позднее их цивилизованные потомки.

Прямую преемственность между поздним доклассическим этапом и эпохой цивилизации в Теотихуакане можно проследить и в некоторых стилях лепных глиняных статуэток. Теперь совершенно ясно и то, что возникновение культа многих популярных позднее у индейцев Мексики богов относится к очень глубокой древности. Рене Миллон нашел внутри Пирамиды Солнца остатки более ранней постройки, в развалинах которой лежал глиняный сосуд с маской Тлалока — бога воды и дождя, покровителя земледелия у всех древних мексиканцев вплоть до XVI в. Точно такая же глиняная маска Тлалока была обнаружена и в зоне Остойахуалько вместе с керамикой этапа Теотихуакан I.

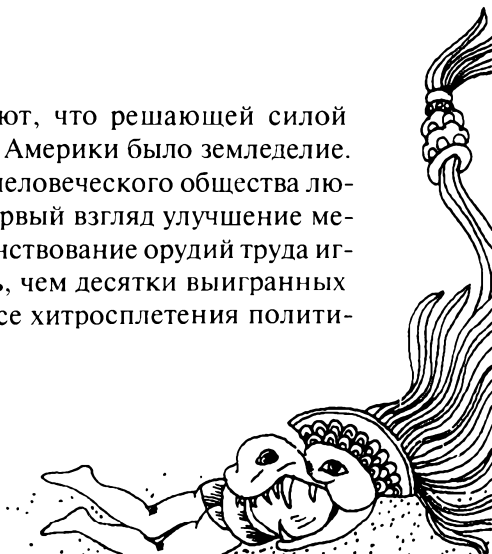
В конце доклассической эпохи с ее постоянными засухами и катастрофическими извержениями вулканов, землетрясениями и другими стихийными бедствиями в пантеоне местных богов резко возросло значение бога огня Уеуετεотля. Он изображался в виде старого горбатого человечка с большой курильницей-чашей на голове. Изваяния этого божества и в камне, и в глине встречаются на целом ряде доклассических памятников долины Мехико, в том числе и в Куикуилько. Сила и авторитет Уеуετεотля были настолько велики, что не только создатели теотихуаканской цивилизации, но и все последующие культурные народы Центральной Мексики, включая ацтеков, сохранили этот образ почти без всяких изменений вплоть до прихо-

да испанских завоевателей. Преимущество религиозных верований жителей долины Мехико доказывается и таким фактом. На стенах древнего святилища в Куикуилько приблизительно в конце I тыс. до н. э. неизвестный художник нарисовал красной краской фигуру, напоминающую «пернатого змея» — Кецалькоатля, божества, пользовавшегося большим почитанием и у жителей классического Теотихуакана, и у сменивших их тольтеков, и, наконец, у воинственных ацтеков. Некоторые ранние постройки на территории самого Теотихуакана демонстрируют по своей конструкции прямое сходство с позднейшими монументальными сооружениями, относящимися к эпохе цивилизации.

Число примеров, подтверждающих наш основной вывод, можно значительно умножить. Но и так ясно: для объяснения истоков блестящих достижений теотихуаканской цивилизации нет никакой нужды прибегать к помощи таинственных пришельцев извне, принесших якобы готовые плоды высокой культуры местным примитивным племенам. Цивилизация Теотихуакана, безусловно, родилась на месте, в долине Мехико и прилегающих к ней районах, возникнув на базе местной раннеземледельческой культуры доклассического периода. Вместе с тем было бы абсурдно целиком отрицать возможность культурных влияний на нее со стороны соседних народов, с которыми обитателей Центральной Мексики соединяли давние и прочные связи.

Гимн земледелию

Большинство ученых считают, что решающей силой в развитии культур древней Америки было земледелие. Для прогрессивного движения человеческого общества любое, даже незначительное на первый взгляд улучшение методов земледелия или усовершенствование орудий труда играло подчас более важную роль, чем десятки выигранных кровопролитных сражений и все хитросплетения полити-

ков. Изучение хозяйственных систем Теотихуакана даст нам возможность понять, каким образом древние земледельцы содержали город, население которого, по самым скромным подсчетам, составляло не менее 50—70 тыс. человек.

Сухие, выжженные солнцем плоскогорья и долины Центральной Мексики, несмотря на свои плодородные почвы, были не в состоянии прокормить человека без дополнительных источников влаги. Потрескавшаяся от зноя земля, над которой колючей стеной возвышались кактусы и агавы, казалось, стонала: «Воды! Воды!» Но бездонное голубое небо равнодушно глядело вниз. Его лазурную глубину большую часть года не бороздило ни одно облачко.

Конечно, так было не везде. В ряде мест естественных осадков хватало. Но в большинстве горных районов страны земледелие практически не могло существовать без искусственного орошения. И человек еще в глубокой древности бросил вызов природе. Как показали археологические раскопки, первые примитивные оросительные системы начали создаваться в Оахаке и Пуэбле в I тыс. до н. э. А когда в 1519 г. закованные в стальные доспехи конкистадоры вступили в долину Мехико, вся она была цветущим садом. Бесчисленные каналы, плотины, дамбы, да и «ацтекская Венеция» — островной город Теночтитлан, оправленный в изумрудную зелень садов и синеву каналов, — свидетельствовали об упорном труде многих поколений земледельцев, совершенно изменивших первоначальный облик этого края.

Но что было в долине Мехико раньше, до ацтеков, когда здесь появилась первая индейская цивилизация с центром в Теотихуакане?

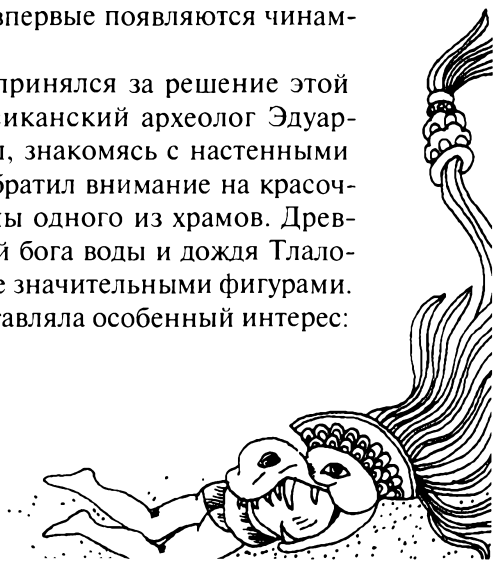
Жгучая потребность в воде для орошения полей при наличии соответствующих природных условий породила здесь совершенно новую систему интенсивного земледелия — чинампы. По какому-то недоразумению испанский монах Акоста назвал чинампы «плавучими садами», искренне уверовав в то, что эти миниатюрные огороды действительно плавали по глади громадного озера Тескоко и другим

связанным с ним пресноводным озером. Видимо, его ввели в заблуждение плоты из водяных растений, которые, кстати сказать, и в наши дни местные крестьяне пригоняют к чинампам и кладут поверх последних в качестве удобрений.

Что же представляют собой чинампы в действительности? Чинампа — это длинный и узкий участок земли («грядка»), окруженный с трех сторон водой. На него укладывается толстый слой травы и тростника, периодически поливаемых водой и дающих в результате прекрасный перегной. Кладется туда и плодородный ил, который поднимают со дна каналов. Склоны такой искусственной «грядки» засаживаются ивами или какими-нибудь стелющимися растениями с цепкими и разветвленными корнями, чтобы уберечь края чинампы от разрушения и оползней. В засушливое время года сельскохозяйственные культуры, выращиваемые на таких «огородах», поливают водой из окрестных каналов. Последние служат к тому же удобными путями сообщения для плоскодонных лодок-каное местных индейцев. Обычно каждая чинампа имеет около 90 метров в длину и от 4 до 9 метров в ширину. Ухоженные должным образом чинампы, несмотря на свои небольшие размеры, были способны давать по нескольку урожаев в год и сохраняли плодородие в течение столетий.

Возможно, именно высокая продуктивность этой уникальной системы земледелия позволяла обеспечить пищей население таких огромных городов доиспанской эпохи, как Теотихуакан. Но когда же впервые появляются чинампы в долине Мехико?

Со всем пылом молодости принялся за решение этой увлекательной проблемы мексиканский археолог Эдуардо Матос Моктесума. Однажды, знакомясь с настенными росписями Теотихуакана, он обратил внимание на красочную фреску, украшавшую стены одного из храмов. Древний художник изобразил на ней бога воды и дождя Тлалокка, окруженного другими, менее значительными фигурами. Одна из деталей росписи представляла особенный интерес:

на заднем плане отчетливо проступали длинные, узкие участки зеленого цвета, окаймленные голубым. Причем зеленые и голубые полосы чередовались между собой в строгом порядке. Что они означают? Может, просто декоративный орнамент? Но на многих зеленых участках изображены кукуруза, фасоль, тыква, магей — все те важнейшие растения, которые до сих пор составляют основу питания мексиканских крестьян. Сопоставив свои наблюдения со сведениями индейских и испанских хроник, Моктесума пришел к твердому убеждению: на фреске из Теотихуакана изображены чинампы.

А затем начались поиски материальных доказательств в пользу выдвинутой гипотезы. Были обследованы многие древние памятники и их окрестности. Вскоре выявилась интересная закономерность: в каждом древнем городе, обычно на одной из его окраин, имелись участки земли с повышенной влажностью почвы. питаемой подземными источниками, колодцами, родниками, ручьями и реками. Эти участки, так называемые «зеленые зоны», до сих пор резко выделяются на фоне окружающей, выжженной солнцем местности своей яркой и пышной растительностью. «Зеленые зоны» давали воду и для питья, и для искусственного орошения полей. Здесь находился основной фонд возделываемых земель, которые, как правило, никогда не застраивались. Так повелось, по-видимому, еще с глубокой древности. При раскопках в «зеленой зоне» Теотихуакана Моктесума нашел в шурфах черепки теотихуаканской классической керамики. Это означает, что интенсивное поливное земледелие возникло здесь в I тыс. н. э.

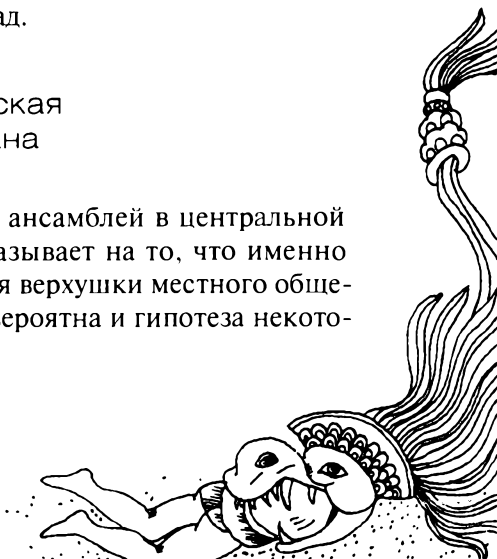
В южной части долины Мехико, на берегу пресноводного озера Шочимилько, раскинулся небольшой городок с тем же названием. Он до сих пор остается главным центром чинампового земледелия, хотя существует скорее благодаря многочисленным иностранным туристам, чем плодам своей щедрой земли. Бесчисленные каналы, прогулочные лодки, увитые гирляндами ярких цветов, оркестры народных мек-

сиканских певцов и музыкантов, лавчонки, торгующие сладостями и прохладительными напитками, — таков Шочимилько сегодня. Но было время, когда земледельческие ресурсы этого района вызывали к жизни цветущие многолюдные города, могучие империи, яркое и самобытное искусство.

Наблюдая за чисткой старых каналов в Шочимилько, мексиканский журналист Хосе Фариас Галиндо неоднократно замечал, что крестьяне поднимают со дна вместе с илом различные старинные предметы. Это навело его на мысль собрать коллекцию местных древностей. Вскоре в руках Галиндо оказалось множество обломков керамики, глиняных статуэток, изделий из камня. Известно, что в давние времена берега озера Шочимилько были сильно заболочены, поэтому человек мог обосноваться здесь лишь после строительства целой системы мелиоративных и оросительных каналов. Таким образом, появилась реальная возможность установить по находкам Галиндо примерный возраст каналов. За этот труд взялся американский археолог Майкл Ко. Как и следовало ожидать, больше всего в коллекции было ацтекских вещей — тарелки, чаши, кувшины, статуэтки богов. Встречались предметы, изготовленные тольтекскими мастерами в X—XII вв. Но, пожалуй, самыми интересными оказались глиняные статуэтки, сделанные в Теотихуакане в первые века нашей эры. Эти маленькие терракотовые фигурки, изображающие людей и богов, позволили доказать, что система чинамп появилась в долине Мехико около 2 тыс. лет назад.

Социально-политическая структура Теотихуакана

Обиле храмов и дворцовых ансамблей в центральной части города отчетливо указывает на то, что именно этот район был местом обитания верхушки местного общества — знати и жрецов. Весьма вероятна и гипотеза некото-

рых исследователей о локализации резиденции правителя города в «Сьюдаделе», учитывая и внешнее сходство этого комплекса с ацтекским дворцом — текпаном, и его центральное положение во всей системе городской планировки. А Джойс Маркус (США), ссылаясь на существование в «Сьюдаделе» двух абсолютно одинаковых и одновременно функционировавших дворцов, высказал предположение о двойственной системе верховного правления в городе, т. е. наличии сразу двух правителей или царей.

На фресках некоторых теотихуаканских дворцов мы видим не только богов и жрецов, но и персонажей в воинских доспехах, с оружием в руках. Здесь были найдены также терракотовые статуэтки воинов в шлемах наподобие головы орла, очень напоминающие изображения ацтекских дружинников-аристократов из военных рыцарских орденов «Ягуара» и «Орла». По аналогии с мотивами искусства из других областей доколумбовой Америки эти данные могут служить косвенным подтверждением наличия в Теотихуакане светской военной знати, которой и принадлежало большинство известных сейчас пышных дворцов в центральной части города.

Наличие привозных теотихуаканских вещей почти на всей территории классической Мезоамерики свидетельствует о существовании в городе многочисленной группы торговцев, видимо, профессиональных, поскольку дальние и часто весьма опасные торговые предприятия требовали специальной организации и навыков. В восточной и западной частях города удалось обнаружить постройки с преобладанием привозной керамики — майяской, тотонакской и сапотекской, на основании чего можно предполагать, что здесь жили какие-то иноземцы — торговцы, послы или паломники.

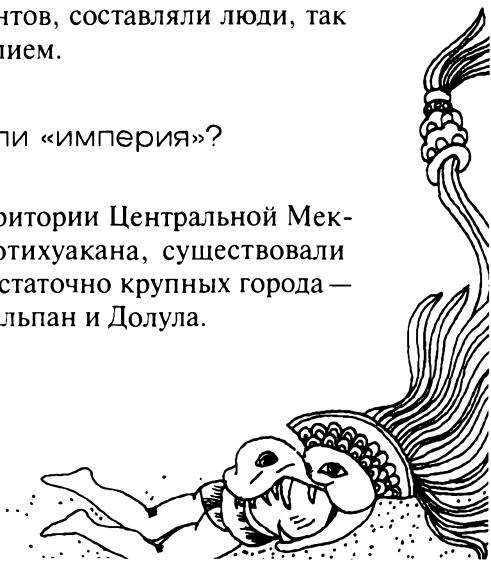
К аристократическому центру примыкали тесно застроенные кварталы рядового населения Теотихуакана — ремесленников, земледельцев, рыбаков, охотников. О развитии различных видов ремесла в городе рассказывают археологические находки. Значительная концентрация осколков

обсидиана и готовых изделий из него, отмеченная в некоторых пунктах города, может служить подтверждением наличия ремесленных мастерских для обработки этого камня. Такие группы ремесленников, как гончары и мастера по обработке обсидиана (и других видов камня), видимо, жили группами в особых кварталах, наподобие ацтекских профессиональных «гильдий».

Одним из основных видов ремесла в Теотихуакане было, по всей вероятности, производство керамики. Всю массу керамических изделий можно условно разделить на две группы: керамику бытовую и керамику парадно-ритуального назначения. Первая, по крайней мере частично, могла изготавливаться домашним способом, вторую производили специалисты — профессиональные ремесленники. О массовом производстве керамики в эпоху расцвета Теотихуакана свидетельствуют остатки больших печей для обжига гончарных изделий, а также обилие терракотовых статуэток стандартных типов, отлитых в специальных формах. Кроме того, в глиняных формах отливались и отдельные детали самой посуды: ножки, налепные украшения. Необычайная сложность и тонкость полихромных росписей на парадной посуде служат дополнительным доводом того, что их мог сделать только профессиональный мастер. Поражают своей красотой и изяществом изделия резчиков по камню и раковинам, мастеров, изготовлявших украшения из перьев. Однако основную массу рядового населения Теотихуакана, до 75 процентов, составляли люди, так или иначе связанные с земледелием.

Город-государство или «империя»?

К середине I тыс. н. э. на территории Центральной Мексики, помимо самого Теотихуакана, существовали по крайней мере еще четыре достаточно крупных города — Портесуэло, Амантла, Кальпулальпан и Долула.

Правители Теотихуакана проводили в I тыс. н. э. активную внешнюю политику и сумели разными способами распространить свое влияние на большую часть Мезоамерики. Об этом имеется сейчас много данных. Теотихуаканская керамика и терракотовые фигурки встречаются от юга-запада США до границ Сальвадора. Бесспорно влияние классической теотихуаканской культуры на население побережья Мексиканского залива (тотонаки) и долины Оахака (сапотеки). Однако наиболее сложными и загадочными были взаимоотношения теотихуаканцев с жителями городов майя в Южной Мексике и Гватемале. С одной стороны, типично майяские изделия (керамика, нефритовые украшения с разным орнаментом) обнаружены на территории самого Теотихуакана. С другой — во многих городах майя встречаются теотихуаканские глиняные вазы, изделия из зеленого и серого центральномексиканского обсидиана, изображения теотихуаканских божеств. Более того, в Тикале и Копане представлены образцы архитектуры и монументальной скульптуры теотихуаканского стиля (бог воды и дождя Тлалок запечатлен на некоторых майяских стелах). Как объяснить это?

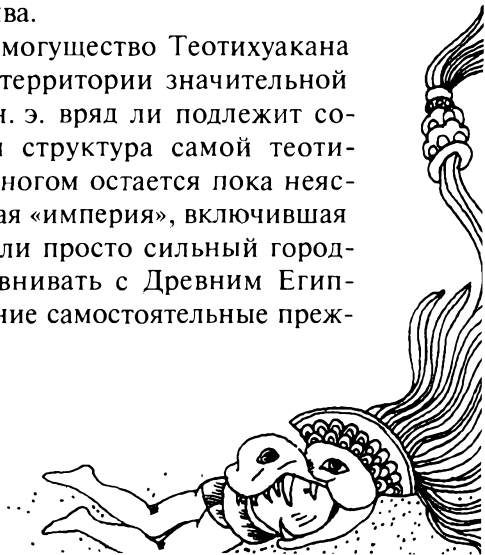
На мой взгляд, ключ к решению этой проблемы дают находки в Каминальуйю — важнейшем центре культуры горных майя (находится на окраине столицы современной Гватемалы). В результате раскопок удалось выявить присутствие в местной культуре сильных теотихуаканских элементов. Речь идет не об отдельных чертах или предметах, а о целом комплексе черт и массе привозных вещей. В III–VI вв. н. э. в Каминальуйю возводятся монументальные храмовые постройки из адобов в чисто теотихуаканском стиле и получают широкое распространение центральномексиканские мотивы искусства, религиозные верования, керамика, статуэтки. Степень влияния Теотихуакана на этот майяский город, удаленный от него на сотни километров, столь велика, что вряд ли можно говорить только о торговых или культурных контактах двух

центров. Видимо, здесь имело место вторжение теотихуаканцев и установление их господства над местным майяским населением.

Известно, например, что ацтекские профессиональные торговцы-почтека часто служили передовым отрядом правителей Теночтитлана в ходе их военной экспансии против соседних народов. Не исключено, что и в данном случае мирные торговые контакты Теотихуакана с югом (перешеек Теуантепек, Гватемала) сменились прямой агрессией воинственных мексиканских индейцев, стремившихся захватить ключевые пункты вдоль торгового пути из долины Мехико на Тихоокеанское побережье Гватемалы. Из Каминальуйю — одного из таких ключевых пунктов — можно было вести и дальнейшие завоевательные походы, и выгодные торговые операции с другими городами майя. Скорее всего именно отсюда проникали теотихуаканские товары и влияния в города майя.

Что же касается некоторых теотихуаканских черт в монументальной скульптуре и архитектуре Тикаля, то их появление можно объяснить наличием в этом крупном столичном городе квартала теотихуаканских торговцев, живших по своему укладу и молившихся своим богам. О том, что такого рода случаи не были чем-то из ряда вон выходящим, говорят примеры более позднего времени: наличие квартала торговцев майя в Нито на Атлантическом побережье Гондураса и квартала ацтекских купцов в Шикаланго на южном побережье Мексиканского залива.

Таким образом, влияние и могущество Теотихуакана и созданной им культуры на территории значительной части Мезоамерики в I тыс. н. э. вряд ли подлежит сомнению. Однако внутренняя структура самой теотихуаканской цивилизации во многом остается пока неясной. Что это — гигантская единая «империя», включившая всю Центральную Мексику, или просто сильный город-государство («ном», если сравнивать с Древним Египтом), подчинивший себе соседние самостоятельные преж-

де территории и сделавший их своими вассалами (выплата дани, предоставление вспомогательных войск, носильщиков)?

Много интересных сведений по этой проблеме дают исторические документы кануна испанского завоевания, относящиеся к той территории, где некогда доминировал Теотихуакан.

Накануне завоевания долина Теотихуакана оказалась составной частью крупного государства Акольхуакана, столицей которого был город Тескоко. Тескоко вместе с Тлакопаном (Такубой) и ацтекским Теночтитланом еще в XV в. образовал знаменитую «Тройственную лигу», подчинившую себе большую часть Центральной Мексики. Тлатоани Тескоко был и верховным правителем всего Акольхуакана. Ему помогал в делах управления совет из 14 членов — так называемых «великих», являвшихся правителями зависимых от Тескоко 14 городов-государств, которые и составляли территорию «царства». Каждое из этих полуавтономных карликовых государств состояло из центрального городского поселения (столицы) и ряда зависимых от него земледельческих поселков и деревушек.

Что касается непосредственно долины Теотихуакана, то там к моменту испанского завоевания находилось четыре города-государства с обычной для такого рода территориально-политических объединений внутренней структурой — столица и зависимые от нее сельские поселения. Эти четыре центральных города держали под своей эгидой 88 зависимых селений, 55 из которых находились непосредственно в долине Теотихуакана. В 1580 г. все население этой долины составляло, по данным налоговых списков колониальной испанской администрации, около 26 тыс. человек. Если учесть, что по сравнению с 1519 г. оно сократилось минимум в два-три раза, то к моменту завоевания общее число жителей долины доходило, вероятно, до 50–80 тыс., что примерно совпадает с расчетами численности населения для классического Теотихуакана.

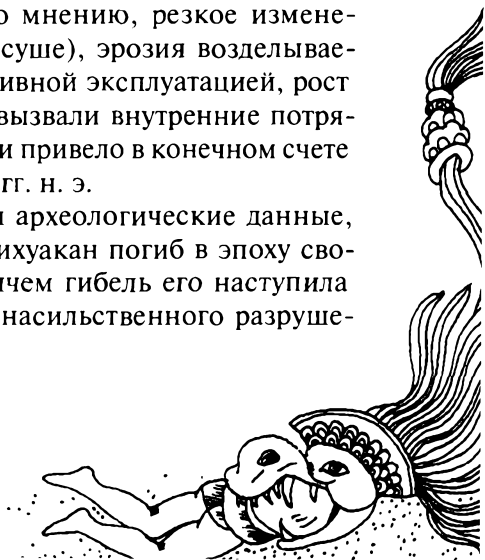
Закат великой цивилизации

Обычно для того, чтобы объяснить драматический конец одной из наиболее могущественных и высокоразвитых цивилизаций Мезоамерики, выдвигают две гипотезы: военное вторжение извне и внутренние социальные потрясения. Гипотеза о чужеземном нашествии имеет более раннее происхождение. Один из самых последовательных ее защитников — мексиканец Мигель Коваррубиас — утверждал, что главной причиной гибели Теотихуакана послужило нашествие варварских племен Северной Мексики.

Однако в последние годы получила распространение вторая гипотеза. Основные ее положения можно найти в работах Дж. Вайяна (США), который называет жителей классического Теотихуакана тольтеками: «Иштлилшочитл (индейский историк конца XVI в. — В. Г.) рассказывает, что падение Теотихуакана было вызвано религиозными распрями, восстаниями и недородом. Если первоначально город развивался постепенно, то позднейшая перестройка его была, по всей вероятности, произведена одновременно. Теотихуакан был перестроен наспех... Для строительства в таких крупных масштабах неизбежно требовалось большое напряжение сил народа, что легко могло повести к восстанию».

Более детально обосновывает эту версию мексиканский археолог Р. Пинья Чан. По его мнению, резкое изменение климата (он стал гораздо суше), эрозия возделываемых земель в связи с их интенсивной эксплуатацией, рост населения и социальный гнет вызвали внутренние потрясения, восстания и мятежи, что и привело в конечном счете к гибели города около 700—800 гг. н. э.

В настоящее время имеются археологические данные, которые доказывают, что Теотихуакан погиб в эпоху своего наивысшего расцвета. Причем гибель его наступила довольно быстро в результате насильственного разруше-

ния. Мексиканские ученые в ходе раскопок 1962—1963 гг. установили, что все поздние постройки города несут на себе следы грандиозного пожара и разрушений по всей городской территории. При этом были ограблены все гробницы и тайники с ритуальными дарами, разбиты и обезображены скульптуры. Произошло это, по-видимому, в конце VII в. н. э.

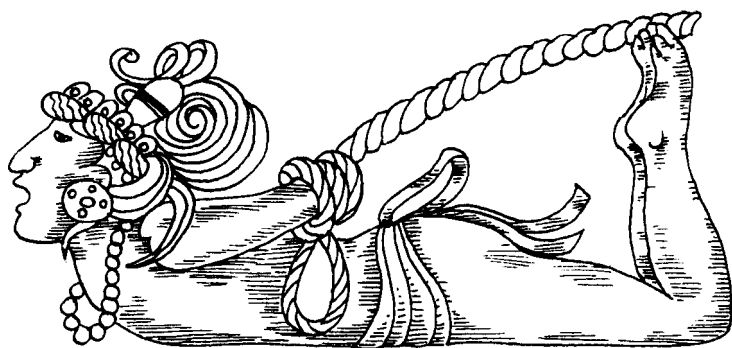
Но какова бы ни была точная дата гибели города, можно с уверенностью сказать, что гибель эта была насильственной и быстрой. Остается понять, кто же уничтожил одну из величайших столиц доколумбовой Мезоамерики? Может быть, восставшие низы теотихуаканского общества — земледельцы и ремесленники? Вряд ли это правдоподобно. По словам сторонников этой гипотезы, восстания вызвали экономические трудности, гнет правящей верхушки и общий упадок местной культуры. Но ведь гибель Теотихуакана произошла как раз в момент его наивысшего расцвета! Поэтому более вероятным выглядит мнение тех ученых, которые считают, что город был разрушен вторгшимися извне чужеземными племенами. Скорее всего это были пришельцы с севера. Следует напомнить, что Теотихуакан в классический период (I тыс. н. э.) был самой северной областью зоны мезоамериканских цивилизаций. Он непосредственно граничил с пестрым и беспокойным миром варварских племен, среди которых были и оседлые земледельцы, не достигшие ступени государственности, и бродячие племена с охотничье-собираТЕЛЬСКИМ хозяйством. Теотихуакан, подобно древним земледельческим цивилизациям Средней Азии, Индии и Китая, постоянно ощущал давление этих варваров на свои северные границы. Один из успешных неприятельских походов внутрь страны мог закончиться разрушением этого крупнейшего культурного центра Мезоамерики.

Аналогичная картина наблюдалась и несколько столетий спустя. Разыгравшаяся тогда драма до мельчайших деталей напоминает последние дни Теотихуакана. Речь идет о толь-

теках, создавших в Центральной Мексике вторую крупную цивилизацию после теотихуаканской. В XII в. их вытеснили с исконной территории пришедшие с севера варварские племена, и после этого долина Мехико на много лет стала широкими воротами, через которые в глубь Мезоамерики беспрерывно вливались волны воинственных варварских племен. Уцелевшие земледельцы с древними культурными традициями постепенно смешались с полудикими кочевниками — чичимеками. Этот причудливый сплав разных культурных черт и этнических групп и послужил той основой, на которой возникло впоследствии могущественное ацтекское государство.

По мнению авторитетных исследователей, после гибели Теотихуакана его культура продолжала какое-то время существовать и развиваться в Аскапоцалько, Чолуле и других более мелких городах Центральной Мексики. Однако крах столь мощного оплота индейской цивилизации не мог не повлечь за собой более серьезных последствий. Именно после VII в. н. э. начинается период кризиса и упадка всех других важнейших цивилизаций Мезоамерики классической эпохи: тотонаков, сапотеков и майя.

История изучения городов майя

Первым цивилизованным народом Америки, с которым столкнулись испанцы в ходе завоевания земель Западного полушария, были майя. На каменистом берегу мыса Каточ (полуостров Юкатан) в 1517 г. произошла проба сил двух враждующих миров, отделенных друг от друга необозримыми просторами океана. Закованные в стальные доспехи конкистадоры во всеоружии европейской военной техники и тактики тех лет сошлись в кровавой схватке с многочисленными и храбрыми отрядами индейцев майя, живших, по сути дела, в каменном веке. Металлическим латам, коннице и артиллерии испанцев майя смогли противопоставить лишь хлопчатобумажные панцири, подбитые ватой, копья и стрелы с каменными наконечниками, дубинки. Исход этой жестокой борьбы был предрешен историей. Но майя в течение многих лет яростно отстаивали свою независимость от посягательств чужеземных завоевателей. Даже в 1540 г., т.е. двадцать лет спустя после гибели могущественной державы ацте-

ков, большая часть Юкатана все еще находилась в руках индейцев.

Новый Свет интересовал конкистадоров прежде всего как неисчерпаемая сокровищница, которую можно было грабить, не задумываясь о будущем. Золото — главная движущая сила далеких заокеанских походов европейцев. И поскольку на территории майя золота оказалось совсем мало, а сила сопротивления индейцев была необычайно велика, испанцы бросились в Центральную Мексику, стремясь заполучить сказочные богатства царей Теночтитлана, накопленные ими в результате бесчисленных завоевательных кампаний и войн предыдущих столетий. Когда первый европеец ступил на мексиканскую землю, царство ацтеков находилось в зените славы, в то время как десятки независимых городов-государств майя переживали явный упадок: непрерывные междоусобные войны, неурожаи, эпидемии опустошали некогда цветущие провинции Юкатана. Стоит ли после этого удивляться, что испанские летописцы и историки основное внимание уделили не майя, а ацтекам. Кроме фундаментального труда епископа Диего де Ланды (1566 г.) и отдельных сообщений более поздних авторов, у нас практически нет письменных источников, посвященных древним майя. Да и эти немногочисленные свидетельства очевидцев касаются наиболее поздних этапов развития майяской культуры. Города классического периода (I тыс. н. э.) превратились в руины и были поглощены джунглями задолго до прихода конкистадоров. К XVI в. о них забыли даже ближайшие потомки людей, некогда живших там. А затем по владениям майя прокатился всеокрушающий вал конкисты со всеми ее насилиями и ужасами. Именно испанское завоевание, равно как и фанатичная инквизиция, почти полностью уничтожили тысячелетние традиции высокой древней культуры, конечный этап развития которой могли видеть на Юкатане участники первых испанских экспедиций Кордовы, Грихальвы, Кортеса и Монтехо.

С этих времен среди руин майяских городов побывали конкистадоры, священники, королевские чиновники, этнографы, археологи, путешественники и искатели приключений — и каждый из них на всю жизнь уносил с собой неизгладимое впечатление о самобытной и яркой культуре одного из самых развитых народов доиспанской Мезоамерики.

В 1576 г. королевский чиновник Диего Гарсиа де Паласио во время своего путешествия в город Гватемалу обнаружил на берегу реки Копан величественные руины какого-то древнего города. «Я со всем тщанием, — пишет он, — пытался выяснить у местных индейцев, нет ли в их древних преданиях сведений о людях, живших когда-то в этом городе. Но у них не оказалось книг с описанием их древней истории... Правда, они сообщили мне, что в древние времена сюда пришел с Юкатана великий правитель, который построил все эти здания, но затем, бросив все, вернулся в родные края». Подробный отчет о своей находке Гарсиа де Паласио направил императору Филиппу II. Но и монарх, и высшая администрация пропустили это сообщение мимо ушей.

В конце XVIII в. в глубине джунглей Чьяпаса (Мексика) был найден еще один древний город майя — Паленке, покинутый жителями в конце I тыс. н. э. Собственно говоря, нашли его индейцы. Они и сообщили о причудливых белокаменных зданиях, затерявшихся в лесу, местному священнику. А от последнего о руинах узнали чиновники испанской администрации.

В 1773 г. Паленке посетил капитан Антонио дель Рио, который впервые более или менее полно обследовал центральную часть гигантского города и описал его архитектурные памятники. В 1822 г. отчет А. дель Рио был переведен на английский язык и издан в Англии. Но занимательное повествование испанского офицера не вызвало заметного резонанса в научных кругах Европы, хотя именно оно вдохновило позднее американца Джона Ллойда Стефенса на поиски забытых городов майя.

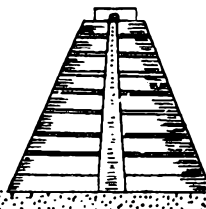
В 1839 г. он отправился в глубину тропических лесов Гондураса, где, по туманным сообщениям некоего сеньора Галиндо, находились руины Копана (открытого испанцами в 1576 г.). Преодолев на своем пути многочисленные трудности, Стефенс побывал не только в Копане, но и в Паленке, Ушмале и многих других городах древних майя. Этот энергичный и талантливый исследователь изложил позднее результаты своих работ в увлекательной и яркой книге, а поразительно точные рисунки английского художника Ф. Казервуда — постоянного спутника Стефенса во всех его странствиях — придали ей документальную достоверность. Учитывая огромный эффект, который произвели на ученых Европы и США находки Стефенса, можно с полным правом утверждать, что именно он пробил первую брешь в стене забвения доколумбовой истории Мезоамерики.

В конце XIX в. на территории майя начались первые археологические раскопки, которые дали специалистам массу материала, бесстрастно и объективно отражающего картину прошлого. С тех пор научные учреждения Мексики, США и отдельных стран Европы продолжают вести систематические исследования наиболее важных памятников культуры майя: Копана, Киригуа, Вашактуна, Тикаля, Паленке, Пьедрас-Неграс, Чичен-Ицы, Майяпана и многих других. Ученые приступили к широкому чтению иероглифических надписей и текстов майя на камне, кости, раковинах, керамике, в настенных росписях. В этой области большие заслуги принадлежат известному исследователю Ю. В. Кнорозову, впервые предложившему в 50-х гг. способ дешифровки майяской письменности и успешно прочитавшему все сохранившиеся рукописи майя XII—XV вв.

Учитывая тот факт, что индейцы майя создали точный солнечный календарь, настоящую иероглифическую письменность и необычайно высокое по уровню искусство (архитектура, скульптура, живопись), их часто называют «греками» Нового Света.

Культура-загадка

Среди бесчисленного сонма больших и малых археологических культур Нового Света в доколумбову эпоху звездой первой величины является цивилизация древних майя — культура-загадка, культура-феномен, полная парадоксов и противоречий. Известно, что все великие цивилизации древности возникли и развивались в условиях засушливого и теплого климата, в долинах крупных рек, чьи ежегодные разливы повышали плодородие почвы и создавали наиболее благоприятные условия для земледелия. Так было в Месопотамии, Египте, Индии и Китае. И только индейцы майя, словно бросая вызов капризной судьбе, на века обосновались в негостеприимных джунглях Южной Мексики и Северной Гватемалы, выстроив там свои белокаменные города. За пятнадцать столетий до открытий Колумба майя изобрели точный солнечный календарь и сложнейшую иероглифическую письменность. Они использовали в математике понятие нуля раньше индусов и арабов, уверенно предсказывали солнечные и лунные затмения, а пути движения планеты Венера вычислили с ошибкой 14 секунд в год. Майя достигли поразительного совершенства в архитектуре, скульптуре, живописи и в производстве керамики. Но вместе с тем их орудия труда оставались крайне примитивными и изготовлялись только из дерева, кости и камня.

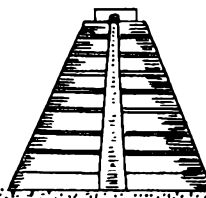
Происхождение майя окутано пеленой таинственности. Мы знаем лишь, что появление развитой культуры у этого народа относится к началу нашей эры. Около 3 тыс. лет назад отдельные племена индейцев — предки майя — начали свое продвижение из горных районов в глубину лесной равнинной зоны на юге Мексики и севере Гватемалы. Это была не слишком благоприятная для жизни территория. Даже сегодня природа здесь дика и своенравна. На пути человека плотной стеной встают лесные деревья-исполины — кедр, махогониевое дерево, сапот, пальмы, опутанные лиа-

нами и прикрытые снизу колючим кустарником. Ядовитые змеи, скорпионы, москиты и летучие мыши представлены здесь в избытке. Неистовые тропические ливни в мгновение ока смывают и уносят прочь тонкий слой плодородной почвы, а дождевую воду тут же впитывает без остатка пористый известняк.

В этих трудных условиях первые поселенцы майя строили в джунглях скромные хижины из дерева и глины с высокими крышами из пальмовых листьев. Они вырубали лес грубыми каменными топорами и выжигали его, расчищая в зарослях небольшие участки для посевов маиса, фасоли и тыквы. Их технический потенциал был крайне невелик. И тем не менее ближайшие потомки первых колонистов возвели в джунглях каменные города и добились поразительных успехов в самых разных областях науки и искусства.

Под защитой грозных богов и могущественных царей майя строили изящные храмы, гигантские дороги-дамбы, ступенчатые пирамиды и дворцы. Росли и расширялись старые селения и города. Возникали новые. И так продолжалось почти десять веков, пока в IX—X вв. н. э. на цветущие земли майя не обрушилась внезапная катастрофа. Всякое архитектурное строительство прекратилось. Жрецы не возводили больше громоздких каменных стел с ликами правителей и богов и вычурными иероглифическими знаками. Один за другим приходили в запустение великолепные майяские города. Жители покидали их, оставляя на милость жадных тропических джунглей.

На опустевшие безмолвные площади, в дверные проемы зданий вскоре ворвалась буйная лесная зелень. Лианы и корни деревьев расшатывали фундаменты и перекрытия массивных каменных построек, а кустарники заполняли любую свободную пядь пространства. Считанные десятилетия спустя города древних майя скрылись от людских глаз. К моменту появления у берегов Нового Света первых европейцев цивилизация майя классического периода (I—IX вв.) — наивысшее достижение в истории доколумбо-

вой Америки — представляла собой лишь смутное воспоминание, туманную легенду в памяти ее далеких потомков — индейцев.

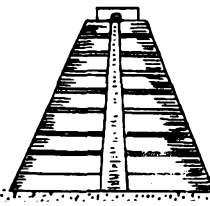
После X в. развитие культуры майя, правда, значительно измененной влиянием со стороны чужеземных завоевателей — тольтеков, продолжалось на полуострове Юкатан (Мексика) и в горной Гватемале. Но «золотой век» майяской цивилизации остался позади. Страна переживала явный упадок. Бесперывные войны, эпидемии, засухи и неурожаи опустошали некогда цветущие области Юкатана. Испанцы застали здесь в XVI в. свыше полутора десятков небольших, постоянно враждующих между собой государств, каждое из которых имело свою династию правителей. Разрозненные и слабые перед лицом нового могучего противника, они были обречены на гибель. После двадцати лет ожесточенного сопротивления города юкатанских майя попали под власть испанского короля.

Загадки, загадки, одна сложнее другой. Они сопровождают нас на протяжении всего знакомства с культурой древних майя. Ирония судьбы состоит в том, что эта величайшая цивилизация древности, о которой написаны горы книг и статей, до сих пор известна нам очень мало. Мы почти не знаем имен правителей, военачальников и жрецов майяских городов. Не прочитаны до конца иероглифы, высеченные на многочисленных стелах и алтарях. Ученые не могут пока удовлетворительно ответить даже на такие важнейшие вопросы, как происхождение цивилизации майя, особенности ее социально-экономической структуры, характер политического устройства и, наконец, причины драматической гибели местных городов в конце I тыс. н. э. Однако яркий свет познания упорно пробивается сквозь сумрачные тени столетий. Ученые используют сейчас разнообразные методы для воссоздания прошлого майя. Значительную долю всей информации дают археологи, раскапывающие руины древних городов и селений с их скульптурами, надписями, храмами и дворцами. Исто-

рики упорно выискивают нужные сведения в архивах и библиотеках среди немногих дошедших до нас письменных свидетельств о майя: здесь и повествования самих индейцев, записанные на их родном языке, но буквами латинского алфавита, вскоре после конкисты (эпос майя-киче «Пополь-Вух», книги юкатанских индейцев «Чилам Балам» и др.), свидетельства первых конкистадоров и монахов, вторгшихся в XVI в. с мечом и крестом на земли майя (Кортес, Берналь Диас дель Кастильо, Диего де Ланда). Наконец, заслуживают пристального изучения и сами индейцы. Некоторые из них, обосновавшиеся в наиболее глухих и труднодоступных уголках страны, во многом сохраняют старый уклад жизни. Они говорят на родном языке, верят в языческих богов, пользуются древним земледельческим календарем — словом, буквально во всем следуют проторенными путями своих далеких предков. Традиции старой культуры у современного индейского населения Мезоамерики тщательно изучаются этнографами. Эти всесторонние исследования позволяют нам уже сейчас частично дать ответ на многие загадки погибшей цивилизации майя.

У истоков великой цивилизации

К приходу европейских завоевателей майя занимали обширную территорию, в пределах которой исследователи выделяют обычно три культурно-географические области. Северная область охватывает весь полуостров Юкатан — плоскую известняковую равнину с кустарниковой растительностью, кое-где пересеченную цепями невысоких каменистых холмов. Бедные и тонкие почвы полуострова не слишком благоприятны для земледелия. К тому же здесь нет рек, ручьев и озер. Единственным источником воды, если не считать дождей, служат карстовые колодцы — сеноты. Южная область включает в себя горные районы и Тихоокеанское побережье Южной Мексики и Гватемалы.

Основу Центральной области составляет обширная территория департамента Петен (север Гватемалы) и прилегающих к нему с запада мексиканских штатов Чьяпас, Табаско и Кампече, с востока — районов нынешнего Белиза с сетью рек, текущих в Карибское море, с юга — западного района Гондураса с реками Мотагуа и Чамелекон. По своим природным условиям Центральная область — это холмистая известняковая низменность, лежащая на высоте 30–200 метров над уровнем моря. Большая ее часть покрыта влажными тропическими лесами, которые чередуются с травянистыми саваннами, болотистыми низинами и озерами. Плодородная почва встречается здесь чаще, чем на Юкатане, и имеет большую толщину. Климат теплый, тропический. Год делится на два сезона: сухой (с конца января до конца мая) и сезон дождей (с конца мая по январь). Всего выпадает от 1000 до 3000 мм осадков в год. В сухой сезон дождевой воды не хватает ни для земледелия, ни для бытовых нужд местного населения — приходится прибегать к строительству искусственных водоемов и резервуаров. Именно равнинные лесные территории в Центральной и Северной областях и стали колыбелью майяской цивилизации классического периода.

В старинном эпическом трактате «Пополь-Вух», написанном на языке майя, есть рассказ о сотворении мира. В нем говорится, что руками великих богов были созданы твердая земля, солнце, луна. Боги населили землю различными животными, растениями и птицами, а затем из кукурузного теста сделали первых людей — предков майя. Это одно из немногих во всей доиспанской литературе Америки упоминание о происхождении индейцев. Однако ни древние легенды, ни археологические находки пока не могут помочь нам пробиться сквозь покровы неизвестности, которыми окутаны истоки майяской цивилизации.

Если мы обратимся к древнейшим памятникам майя, то увидим, что на большей части равнинной лесной зоны (Центральная и Северная области) первые осязаемые следы

пребывания человека появляются не ранее конца II тыс. до н. э. В горных же районах майя (штат Чьяпас в Мексике, Гватемала, часть Гондураса) имеются археологические находки, относящиеся к периоду первоначального заселения Нового Света, — XII—X тыс. до н. э.

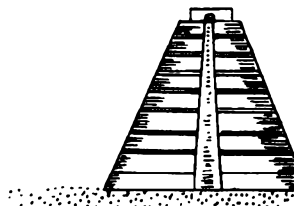
Когда же в горах впервые появились предки майя? В этой связи большой интерес представляют результаты археологических исследований в гроте Санта-Марта (горный Чьяпас). Наиболее ранние предметы оттуда относятся, по данным радиоуглеродного анализа, к VI—IV тыс. до н. э., т. е. ко времени господства охотничье-собираательского хозяйства.

Находки из последующих слоев (включая и керамику) позволяют предполагать, что человек обитал здесь и позднее, в эпоху появления земледелия (около 1500 г. до н. э.). При изучении глиняной посуды из грота Санта-Марта выявилось ее поразительное сходство с керамикой из нижних слоев большого древнего поселения Чьяпа-де-Корсо (1400—1000 гг. до н. э.), которое находилось неподалеку от Санта-Марты.

В Чьяпа-де-Корсо длинная цепь последовательно сменявших друг друга этапов развития местной земледельческой культуры доходит до середины I тыс. н. э. В этот период Чьяпас уже населяли какие-то племена, говорившие на языке майя. Сопоставление материалов двух упомянутых археологических поселений позволяет предполагать, что предки майя обосновались в горах Чьяпаса за несколько тысяч лет до нашей эры.

А по лингвистическим данным, предки майя обитали в Чьяпасе и горной Гватемале не позднее середины III тыс. до н. э. На рубеже III и II тыс. до н. э. в истории местных племен наступила новая важная эпоха — доклассическая, время господства раннеземледельческих культур с маисовым земледелием, развитой гончарной традицией и культом глиняных женских статуэток.

В конце II тыс. до н. э. майя из горных и предгорных районов приступили, видимо, к широкой колонизации слабо

заселенных лесных равнин Северной Гватемалы и Юкатана (Северная и Центральная области майя). Самые ранние земледельческие памятники на этой территории относятся к рубежу II—I тыс. до н. э. Одновременность их появления на столь обширной территории и вполне развитый облик культуры, не имеющей местных корней, указывают на пришлый характер населения. О том, что это действительно были предки майя, красноречиво говорят глиняные статуэтки, изображающие людей, из самых нижних напластований майяских селений и городов. Они имеют характерные крючковидные носы и искусственно деформированную лобную часть черепа, т. е. именно те черты, которые были ярко выражены во внешнем облике майя вплоть до завоевания их страны испанцами в XVI в.

Доклассические памятники ранних земледельцев в лесной зоне изучены еще недостаточно, и поэтому однозначного ответа на вопрос о путях колонизации равнинных областей майя пока нет.

Этнические и языковые определения относительно древних племен и народов всегда содержат в себе значительный элемент неопределенности. Но существует твердая уверенность в культурной преемственности первых поселенцев майя в равнинной лесной зоне с более поздними обитателями городов классического периода.

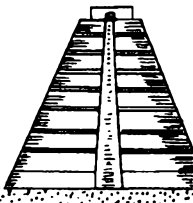
Древнейшая керамика из разных центров Северной и Южной областей майя, хотя и имеет ряд общих черт, отличается все же известным своеобразием. Это, видимо, говорит о том, что заселение Центральной и Северной областей майя осуществлялось из разных мест горной зоны. Один из таких исходных районов — горный Чьяпас (Мексика) — находится к северо-западу от Центральной области. Другие — горы Гватемалы, запад Сальвадора — лежат южнее и юго-восточнее.

Во всяком случае, мы можем сейчас констатировать, что к середине I тыс. до н. э. основная часть Центральной и Северной областей была прочно освоена земледельческими

общинами майя, пришедшими сюда из различных мест горной зоны. Не подлежит сомнению и тот факт, что горные майя несколько опережали тогда в своем культурном развитии собратьев из равнинной лесной зоны. Многие важнейшие черты классической цивилизации майя — иероглифическая письменность, каменные скульптурные стелы и алтари, нефритовые украшения и мозаичные маски, погребения вождей в пирамидах храмов — проявляются раньше именно у горных майя.

Относительно недавно в горах Сальвадора археологи обнаружили и частично раскопали крупный центр древних майя Чальчуапу с рядами каменных храмов, стоящих на вершинах ступенчатых пирамид, с широкими мощеными площадями и множеством каменных скульптур. Этот предшественник будущих многолюдных городов вполне сформировался уже к концу I тыс. до н. э. В Чальчуапе возводились резные стелы и алтари с иероглифическими надписями и календарными датами по эре майя. Но вскоре быстро растущий город гибнет, став жертвой катастрофического извержения близлежащего вулкана, засыпавшего все окрестности толстым слоем пемзы и пепла.

В центральной части горной Гватемалы, на окраине столицы этой латиноамериканской страны, до сих пор уцелели отдельные земляные холмы пирамидальной формы — остатки некогда крупного поселения майя, получившего у археологов название Каминальбуйю (что означает на языке майя «Холм мертвых»). Оно возникло, вероятно, во II тыс. до н. э., но наивысшего расцвета достигло в последние столетия до нашей эры. В этот период в Каминальбуйю получила широкое развитие традиция возведения каменных стел с изображениями правителей и богов и с иероглифическими календарными надписями. Стела I, например, изображает босоногого персонажа в пышном ритуальном костюме и две горящие курильницы по бокам от него. На стеле II высечен человек в длинном плаще с маской божества

на лице. В левой руке он держит подобие ритуального топорика и «фигурный» предмет из кремня. Но самой интересной находкой считается стела «Х», высеченная из черного базальта и разбитая еще в древности. На стеле изображен ягуар с чертами человека. Там же помещены и колонки иероглифов — древнейший из известных сейчас иероглифических текстов майя. «Я почти уверен, — говорит известный археолог Эдвин Шук из США, — что иероглифика майя впервые появилась в Каминальхую или в близлежащих районах Тихоокеанского побережья Гватемалы, а сам Каминальхую был вполне сложившимся городским центром уже в 300 г. до н. э.»

Остается выяснить, какова была дальнейшая судьба раннеземледельческой культуры, возникшей в начале I тыс. до н. э. в лесах Южной Мексики и Северной Гватемалы. Имеет ли она какое-нибудь отношение к блестящим достижениям майя, характерным для эпохи цивилизации?

Многие исследователи признают факт возникновения майяской цивилизации на основе местной доклассической культуры. Но как только дело доходит до анализа конкретного материала, начинают недоумевать по поводу качественного отличия классических памятников майя от более скромной культуры предшествующего времени. Между тем преемственность между ними прослеживается довольно четко, причем в ключевых областях материальной культуры. Выделяется ряд характерных признаков — монументальная каменная архитектура со ступенчатым (ложным) сводом, культ резных каменных стел со скульптурными изображениями и надписями, иероглифическая письменность и календарь, царские гробницы с заупокойными храмами над ними, планировка основных архитектурных комплексов вокруг прямоугольных дворов и площадей, ориентированных по сторонам света, «акрополи» — цитадели. И буквально все названные черты майяской цивилизации уходят своими корнями в культуру предшествующего доклассического периода.

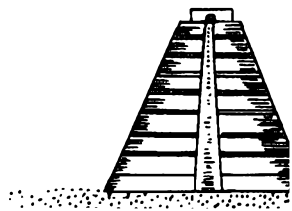
Становой хребет государства

Большинство исследователей справедливо считают, что решающей экономической силой в происхождении и развитии цивилизации маяя явилось интенсивное высокопродуктивное земледелие, и прежде всего земледелие ирригационное. Однако и сейчас есть немало людей, утверждающих, будто маяя испокон веков использовали самую примитивную подсечно-огневую систему земледелия, которая требовала больших массивов свободной земли и частой смены выжигаемых участков. Но такое земледелие, по всем подсчетам, не могло обеспечить пищей сколько-нибудь значительное население. Как же в таком случае появились у маяя многолюдные каменные города? Почему эти города существовали непрерывно на одном и том же месте на протяжении сотен, а то и тысяч лет?

Общепризнанно, что тот вид экстенсивного земледелия — система мильпа*, — который обнаружили у индейцев Юкатана в XVI в. испанские конкистадоры, был широко распространен на всей территории маяя, начиная по меньшей мере с конца II тыс. до н. э. Во всяком случае, все виды дошедших до нас этноисторических источников рисуют именно такую картину. Большое значение маисового подсечно-огневого земледелия в жизни маяя нашло свое отражение и в их религиозных представлениях, мифологии, искусстве.

В уцелевших иероглифических рукописях XII—XV вв. тексты религиозно-календарного содержания сопровож-

* Мильпа (*ацтекс.*) — букв. «маисовое поле». Термин употребляется для обозначения особой системы тропического земледелия в Мексике и Центральной Америке. Суть его состоит в расчистке от зарослей участка джунглей, выжигании его и посадке семян маиса (кукурузы), фасоли, тыквы в удобренную золой почву в начале сезона дождей.

даются многочисленными цветными рисунками, с исключительной достоверностью отражающими основные моменты земледельческого цикла: вырубку и выжигание участков в лесу, сев и т. д. Причем действующими лицами во всех этих актах являются божества — покровители земледелия. Наиболее часто в рукописях фигурирует персонаж с «глазом бога», длинным крючковатым носом и кривыми клыками, торчащими изо рта. Он изображается на фоне дождя, с топором, горящим факелом и палкой-копалкой, т. е. с орудиями подсечно-огневого земледелия. Это — бог ветра и дождя Кашиш. В рукописях часто встречаются изображения основных земледельческих орудий майя — палки-копалки, топора, факелы. В древности покровитель земледельцев носил имя Чак, что в переводе с майяского — «топор». В данном случае топор — не оружие, а главное орудие земледельца. Согласно списку тринадцати небесных богов древних майя I тыс. н. э. Чак был владыкой шестого неба. Иероглиф лицевого варианта цифры 6 представляет собой «портрет» этого божества с горбатым коротким носом и оскаленными верхними резцами. Наиболее характерный его отличительный признак — стилизованный знак топора, вписанный в глаз. В условиях господства мильповой системы земледелия топор стал главным орудием земледельцев майя и важнейшим атрибутом их бога-покровителя.

Среди разнообразных произведений искусства майя I тыс. н. э. можно также отметить немало мотивов, связанных с подсечно-огневым земледелием. Сложное мотыгообразное орудие представлено на одном из каменных рельефов городища Тикаль. Правитель (или жрец), облаченный в пышный костюм с изображением лягушки на груди (земноводные у американских индейцев всегда ассоциируются с водой, дождем, плодородием), левой рукой опирается на мотыгу или усовершенствованную палку-копалку, а правую поднял ладонью вверх, как бы взывая к богам.

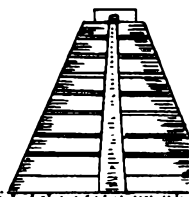
В другой группе каменных скульптур (стелах из Тикаля, Пьедрас-Неграс и других древних городищ) запечатле-

ны сцены ритуального сева, совершаемого, по-видимому, лично правителем города-государства. Так, на одной из стел в Пьедрас-Неграс правитель, облаченный в головной убор из листьев маиса, стоя на коленях на платформе или троне, бросает горсть зерен, взятых, видимо, из длинной узкой сумки, которую он держит в левой руке. Внизу изображено божество земли. Вся сцена обрамлена с боков длинными стеблями маиса. Общий аграрно-культовый характер этого изображения не вызывает сомнений. Довольно значительную группу в искусстве древних майя составляют изображения божеств — покровителей земледелия (боги маиса, какао и др.).

И все же, несмотря на приведенные исторические свидетельства, многие вопросы, касающиеся системы мильпового земледелия майя, оставались до недавнего времени неясными. Прежде всего требовалось определить реальную продуктивность такой системы.

До 60–70-х гг. прошлого века считалось, что майя в I тыс. н. э. практиковали подсечно-огневое земледелие того же самого типа, что и их потомки в XVI в. и даже в наши дни. Это означает, что мильповое земледелие было главным занятием рядового члена общины. Однако результаты последних археолого-ботанических исследований заставляют усомниться в правильности подобных представлений.

Возделывание маиса до мильповой системе — это явно экстенсивная форма земледелия. Она чаще всего используется там, где обстоятельства затрудняют применение более интенсивных методов, или там, где сравнительно невелика численность населения и много свободной земли. Чаще всего мильповое земледелие представлено в лесных равнинных областях тропической зоны. Если исходить из потребностей и состава пищи современных индейцев майя, то средняя семья нуждается примерно в 1200–1400 килограммов зерна маиса в год. Видимо, такие же потребности были у майя и в момент испанского завоевания в XVI в. Мексиканский этнограф Б. Васкес установил, что совре-

менные майя, сохранившие подсечно-огневое земледелие, получают сейчас на полуострове Юкатан урожай маиса в среднем по 7 центнеров с гектара. Чтобы прокормиться, семья, состоящая обычно из пяти человек, должна засеять около 3 гектаров. Суточный расход маиса составляет здесь 4 килограмма на семью; таким образом, на ее обеспечение уходит в год 1460 килограммов, а 640 килограммов остается. Чтобы полностью обработать поле в 3 гектара и собрать урожай, требуется около 150 восьмичасовых рабочих дней. Следовательно, у индейца оставалось для других дел больше половины года.

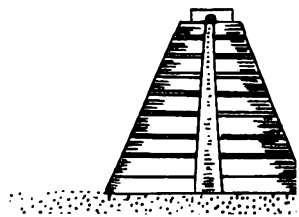
Однако подсечно-огневое земледелие накладывало на жизнь майяских общин и свои ограничения. После трех лет непрерывного возделывания поле должно находиться под паром не менее 4–8 лет. Следовательно, на каждый обрабатываемый участок приходилось в 4–8 раз больше земли, находящейся под паром. Любое сокращение периода восстановления плодородия почвы ведет к потере урожайности. А это строго лимитирует численность населения. При его количественном росте требуются новые массивы земель. По подсчетам специалистов, мильповое земледелие могло обеспечить пищей максимум 76 человек на 1 кв. километр. Но если учесть обилие древних руин классического периода в лесных зарослях Южной Мексики и Северной Гватемалы, где через каждые 15–20 километров встречаются остатки крупного городского центра с каменными дворцами и храмами, то общие возможности мильпового земледелия по обеспечению столь значительного населения (а по самым скромным подсчетам, оно превышало 2 млн человек) представляются явно недостаточными. Здесь, видимо, возможны два объяснения: либо в I тыс. н. э. у майя имелись какие-то иные, более интенсивные, чем система мильпа, виды земледелия, либо сама эта система носила несколько иной, более продуктивный характер. Как показали недавние агроботанические и археологические исследования, древнее население низменных лесных

областей майя применяло и улучшенный вариант подсечно-огневого земледелия, и более интенсивные способы ведения земледельческого хозяйства.

Сравнительно высокая продуктивность подсечно-огневого земледелия майя объясняется целым рядом причин. Безусловно, во многом это связано с созданием к началу I тыс. н. э. стройного агрокалендаря, регламентирующего сроки и очередность всех сельскохозяйственных работ. Создателями и хранителями его были жрецы, которые облакали свои предписания в весьма строгую форму. Из старых документов и хроник известно, как тщательно жрецы устанавливали день выжигания растительности на участках. Это и понятно. Если бы их расчеты оказались ошибочными, был бы сорван важнейший этап полевых работ. Ведь выжигание производилось в самом конце сухого сезона, поэтому затяжка сроков могла стать роковой: льющие здесь 5–6 месяцев подряд ливневые дожди помешали бы сжиганию деревьев и кустарников.

Астрономические расчеты майя отличались поразительной точностью. Исследуя руины древнего города Копан в Гондурасе, археологи обнаружили две каменные стелы, расположенные друг против друга на вершинах холмов, которые замыкали с запада и востока долину Копана. Стелы разделяют по прямой около семи километров. Если смотреть от восточной стелы, можно установить, что солнце заходит за западную стелу всего два раза в году: 12 апреля и 7 сентября. Первая дата приходится на конец сухого сезона. Поэтому ученые предполагают, что 12 апреля определяло начало выжигания растительности на полях вокруг Копана. Когда вечером 12 апреля солнце заходило точно за стелу на западе, по всей долине рассылались гонцы, извещавшие земледельцев о том, что боги приказали утром начать выжигание полей.

Земледельцы майя путем длительных опытов сумели вывести высокоурожайные сорта основных сельскохозяйственных растений — маиса, бобовых, тыквы, а ручная тех-

ника обработки небольшого лесного участка и сочетание на одном поле посевов нескольких культур (например, маиса и фасоли) позволяли долгое время сохранять его плодородие и не требовали частой смены участков.

Объем урожая, как показывает практика современных индейцев горной Гватемалы, районов Петена, Кампече, Юкатана, Белиза и других территорий, резко возрастает, если мильповое земледелие в лесах сочетается с возделыванием садов, огородов и приусадебных участков. Они удобряются хозяйственными отбросами и растительным перегноем, а возделываются более интенсивно (ручная, «рядковая» культура), нежели лесные мильпы. Это позволяет снимать по два урожая в год практически без какого-либо перерыва из-за истощения почвы. Урожайность на участках в два раза выше, чем на мильпе. Сочетание мильпы с огородами и плодовыми садами вокруг жилищ требует возделываемой земли в несколько раз меньше, чем при наличии одной мильпы, а плотность населения может быть при этом вдвое большей. Видимо, аналогичная практика имела место и в доиспанский период. Во всяком случае, наличие четко выделенных каменными стенами приусадебных участков отмечено в Майяпане (XIII–XV вв. н. э.), на севере полуострова Юкатан.

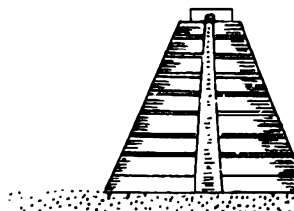
Еще более очевиден факт широкого использования древними майя различных древесных плодовых растений, произраставших как вокруг жилищ, так и на мильпах. Об этом свидетельствует обилие деревьев рамона — хлебного дерева — вокруг руин классического и постклассического времени на Юкатане и в Петене. Этому дереву в пищевом балансе майя принадлежало важное место: плоды рамона, будучи перемолотыми, дают неплохую муку для выпечки лепешек тортильяс. Особо велика его роль в сухое время года, до созревания урожая маиса. Не требуя больших затрат труда, рамоновые деревья дают с одного гектара одну тонну плодов, что заметно превосходит урожай маиса с той же площади. Широко были распространены у майя

и другие плодовые деревья — папайя, авокадо, сапот, саподилья, анона, гуайо.

Испанские хроники единодушно утверждают, что в питании индейцев большую роль играли корнеплоды. У майя к моменту прихода испанцев были распространены четыре вида корнеплодов: батат, или сладкий картофель, ямс, маниок и маланга. Все названные растения до сих пор выращиваются индейцами. Они были введены в культуру задолго до открытия Америки европейцами. Названия, по крайней мере двух из них — маниока и батата, появились у майя, по лингвистическим данным, еще до начала нашей эры. Следует отметить, что по урожайности корнеплоды значительно превосходят маис.

Не приходится сбрасывать со счетов и другие виды добывания пищи: сбор диких плодов и растений, охота, рыболовство, всесторонняя эксплуатация морских, речных и озерных пищевых ресурсов, разведение индеек и собак, пчеловодство. Каждый из этих способов, в зависимости от конкретных природных условий, играл большую или меньшую роль, но суть вопроса в том и состоит, что всегда надо иметь в виду комплексный и разносторонний характер хозяйственной деятельности древних майя, направленной на максимально полное использование местных природных ресурсов.

Но особенности экономики майя на этом не кончаются. Установлено, что в I тыс. н. э. помимо мильпового земледелия майя знали и другие, более интенсивные формы. На юге Юкатана и на территории Белиза на склонах высоких холмов найдены земледельческие каменные террасы с особой системой увлажнения почвы. В бассейне реки Канделария (штат Кампече, Мексика) археологи с помощью аэрофотосъемки обнаружили в пойме отчетливые следы каналов и так называемых приподнятых полей — искусственных длинных и узких земляных платформ. Подобные земледельческие системы, очень напоминающие знаменитые «плавучие сады» ацтеков, способны были давать огром-

ные урожаи по несколько раз в год и обладали практически неистощимым плодородием.

Приподнятые поля расположены обычно на более высоких и сухих безлесных участках речной долины на некотором удалении от главного русла. Согласно полученным данным, общая площадь таких полей по реке Канделария составляет 1,5–2 кв. километра. Ежегодно они затопляются водой во время паводков, так что из воды выступает только их верхняя часть. В местности Эль-Тигре на одном из таких приподнятых полей были заложены шурфы. В ходе раскопок обнаружены два больших куска твердого дерева, датированных при помощи радиоуглеродного метода 229 г. н. э. Аналогичные поля были найдены на севере Белиза, в долине реки Ондо. Их возраст, если верить радиоуглеродным анализам, еще более почтенный — II тыс. до н. э.

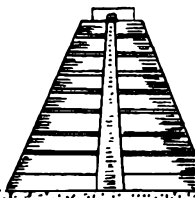
Департамент Петен на севере Гватемалы, где в I тыс. н. э. находилось большинство самых значительных городов майя, почти лишен крупных рек, и описанные выше системы интенсивного земледелия там вроде бы невозможны. Правда, свыше 21 процента территории Петена составляют болота, временные озерца и водоемы, пересыхающие в сухое время года. Может быть, древние майя как-то использовали и эти «бросовые» земли?

Ответ на этот вопрос дало сообщение о новом открытии, сделанном в самом центре Петена. Специалисты космической лаборатории с помощью радарной системы, разработанной для изучения Венеры, при опробовании новой аппаратуры на Земле обнаружили в Северной Гватемале под густым пологом тропической зелени остатки разветвленной системы каких-то каналов. Как показали археологические исследования в этих районах, майя прорывали на болотах множество параллельных каналов, а выкопанную землю бросали в промежуток между ними — так возникали ровные островки земли — те же приподнятые поля. Этот способ обеспечивал растения достаточным количеством влаги, а ее излишек выводился за пределы участка.

Перед нами, таким образом, не столько ирригация, сколько мелиорация. Построенные майя во влажных джунглях Петена каналы одновременно аккумулировали и подводили в искусственно сделанные резервуары дождевую воду, служили важным источником пищи (рыба, водоплавающая птица, пресноводные моллюски), были удобным путем сообщения и доставки на лодках тяжелых грузов. Остатки каналов и приподнятых полей найдены также в болотах Тикаля, Накума и к юго-западу от руин древнего города Эль-Мирадор.

В мексиканском штате Кампече среди руин древней Эцны с помощью аэрофотосъемки обнаружена и исследована еще одна интенсивная система водосборных каналов и резервуаров для воды. В естественных условиях вода встречается в Кампече на поверхности лишь в сезон дождей. В этот период здесь выпадает свыше 1000 мм осадков. Но чтобы выжить на раскаленной известняковой равнине в сухое время года, уже первые поселенцы этого района должны были мобилизовать все имевшиеся местные ресурсы воды. Для этого майя прежде всего углубили и расширили естественные сезонные водоемы, чтобы выпавшая в период дождей вода сохранялась там круглый год. Затем они построили сеть водосборных каналов и искусственных резервуаров. В них жители Эцны конца I тыс. н. э. могли запастись до 2 млн кубических метров воды. Самый длинный канал города имел протяженность свыше 12 километров, ширину до 50 метров и глубину от 1,5 до 2 метров. Канал соединял центр Эцны с ее окраинами. Всего для строительства этой сложной сети каналов и резервуаров жителям города потребовалось вынуть приблизительно 1,75 млн куб. метров грунта. Для сравнения можно сказать, что примерно такой же объем работ был затрачен для возведения гигантских Пирамид Солнца и Луны в древнем Теотихуакане на рубеже нашей эры.

Итак, улучшенная разными способами мильпа (симбиоз разных растений и деревьев на одном участке, многообразо-

вый последовательный сев различных сельскохозяйственных культур на одном поле в течение одного года, селекция растений, ручная обработка полей, удобрения, четкий агрокалендарь и т. д.) в сочетании с приусадебными участками и садами могла обеспечить в среднем не 76, а 200 и более человек на 1 кв. километр. Террасы и приподнятые поля (независимо от того, выращивался на них один маис или одновременно и другие культуры), включив в сельскохозяйственный оборот массивы ранее не использовавшихся земель, окончательно решили пищевую проблему — они обеспечивали в среднем уже свыше 700 человек на 1 кв. километр площади. Все это во многом объясняет нам загадку «экономического чуда» одной из наиболее блестящих цивилизаций доколумбовой Америки.

Классический период: шесть веков прогресса

Археологические раскопки позволяют изучить материальную культуру исчезнувшего народа. Но они почти ничего не дают для познания его духовных достижений — философии, астрономии, истории, математики. Сведения этого рода можно получить только при анализе иероглифических надписей древних майя и культурных традиций их современных потомков. Однако подобные «прорывы» в прошлое пока довольно редки. К тому же современная культура индейцев испытала на себе многовековое влияние христианства.

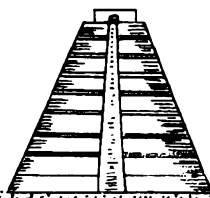
Философия греков и римлян — целостное мировоззрение наиболее ярких умов того времени — дошла до нас почти полностью, оказав глубокое воздействие на развитие европейской цивилизации. Точно так же обстоит дело и со многими направлениями восточной философии. В то же время у майя, которые ни в чем не уступают, а во многих отношениях и превосходят эти народы по высоте своих дости-

жений, сохранилось ничтожно мало сведений о духовной культуре. Археологи могут истолковать то, что запечатлено на камне. Но как быть с теми видами искусства, которые воплощались в легко разрушающихся материалах и которые подчас отражали более высокую степень развития? Что хотели выразить майя посредством музыки и танцев? Какие идеалы были отражены в их литературе и фольклоре в те далекие времена, когда чужие влияния еще не начали разрушать древние традиции? Сохранившиеся до наших дней эпические произведения майя, такие как «Пополь-Вух», «Анналы Какчикелей», «Родословная владык Тотоникапана», служат ярким доказательством литературных способностей этого индейского народа. Собрав все виды доступной современной науке информации, можно попытаться воссоздать общую картину жизни майя в городах классического периода.

В обществе майя никогда не было прочного единства. Между правящей верхушкой и простым людом существовали непреодолимые барьеры, созданные кастовой ограниченностью. Земледельцев ждала трудная жизнь: изнурительная работа на полях и бесконечные поборы аристократов и жрецов. В то же время правящие слои наслаждались всеми благами, создаваемыми трудом низов. Благодаря особой системе наследования жрецы и сановники передавали свои должности по наследству ближайшим родственникам по мужской линии.

Испанский епископ Ланда (XVI в.) дает в своей книге следующее описание индейских жрецов Юкатана: «Они обучали сыновей других жрецов и младших сыновей знатных лиц, которых им отдавали еще детьми, если замечали у них склонность к этой профессии. А его [великого жреца] должность получали по наследству сыновья или ближайшие родственники».

Великий жрец имел разнообразные обязанности. Обратимся опять к Ланде: «Он [великий жрец] был очень уважаем знатью... Кроме приношений, ему давали подарки

сановники, а все жрецы платили ему подать. У него был ключ к их знаниям, и именно этими делами он больше всего занимался: он давал советы знатным лицам и отвечал на их вопросы... Он назначал жрецов в селения, когда в этом была нужда, испытывая их в науках и церемониях, и поручал им дела по должности, обязывая их быть хорошим примером для народа, снабжал их книгами и отправлял на места. И эти жрецы занимались службой в храмах и обучением своим наукам, а также сочинением религиозных книг. Они давали своим ученикам знания о следующих вещах: летосчислении, празднествах и церемониях, управлении таинствами, о несчастных днях и циклах, способах их предсказания, пророчествах, памятных событиях, лекарствах от различных болезней, памятниках старины, о том, как читать и писать их иероглифы и рисунки, которыми они объясняли значение своих письмен».

У великих жрецов существовали особые помощники — чиланы, или предсказатели. В их обязанности входило прямое общение с богами, истолкование знамений и таинственных примет. Другие жрецы — наконы и чаки — принимали участие в ритуальных обрядах и жертвоприношениях.

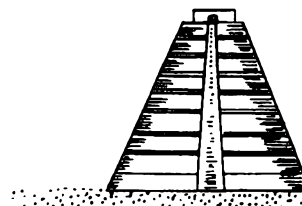
Во главе каждого города-государства (административно-религиозный центр и примыкающая к нему сельскохозяйственная округа) стоял светский верховный правитель — халач виник, что означает на языке майя «настоящий человек». Ему помогала в государственных делах группа сановников — батабов, обязанности которых примерно соответствовали обязанностям местной администрации в наши дни. Батабы обладали исполнительной и судебной властью. Кроме того, в их распоряжении находился небольшой отряд воинов. Ниже батаба стояли советники и мелкие должностные лица селений. Их обязанности заключались в беспрекословном исполнении приказов высших сановников. Вся эта огромная сеть городов-государств вряд ли объединялась когда-либо в рамках единого царства. Каждый круп-

ный город сохранял, по-видимому, свою самостоятельность и управлялся собственной знатью и жрецами.

Археологические находки (если учесть, что исследуются главным образом центральные участки городов) мало что рассказывают о жизни простого человека из низов. Его роль в обществе или условия существования совершенно не отражены в изобразительном искусстве и в иероглифических надписях майя. Жилища бедного люда — хрупкие хижины с оштукатуренными стенами и крышами из тростника — редко сохраняются до наших дней не в пример монументальным каменным зданиям храмов и дворцов. Правда, опытный археолог легко распознает остатки древних земледельческих поселений, которые, как правило, находятся в непосредственной близости от полей, по кучам мусора и едва заметным очертаниям прежних домов.

Точно в таких же домах живут и современные потомки майя — прямоугольный каркас из жердей, обмазанных глиной или слоем штукатурки. Иногда стены жилища делали из камня, а крышу — из плотно уложенных снопов тростника. Раскопки этих поселений воссоздают картину простого быта земледельцев. Там встречаются обломки глиняной посуды (в большинстве своем это горшки для варки и хранения пищи), зернотерки, каменные топоры, кремневые или обсидиановые ножи, скребки, шилья и глиняные статуэтки богов.

Ланда рассказывает, что дома знати строили окрестные земледельцы за свой собственный счет. Они же вели полевые работы на землях сановников и вождей, давали им в виде подарков рыбу и дичь. Достаточно сказать, что на содержание правящей верхушки уходило свыше половины урожая каждого земледельца. Кроме того, с крестьян взимали налоги солью, душистой смолой, украшениями, одеждой, дичью, фруктами и медом. Земля находилась в собственности общины. Ни один человек не мог единолично распоряжаться ею. Хотя наблюдения епископа Ланды относятся к периоду после испанского завоевания,

жизнь юкатанских майя в это время вряд ли могла сильно измениться по сравнению с древностью. Некоторые факты, содержащиеся в книге Ланды, подтверждаются археологическими находками, а многие обряды, упоминаемые им, все еще существуют у индейцев майя.

Рассказ Ланды дополняют другие авторы XVI–XVII вв. Сопоставляя их наблюдения со сведениями более ранних источников, ученым удалось частично воссоздать древние обычаи и традиции майя. Рождение ребенка считалось у майя одним из самых радостных событий, проявлением благосклонности богов, особенно богини Луны — Ишчель. Жрецы давали младенцу детское имя. Они же составляли для каждого ребенка особый гороскоп. Позднее к детскому имени добавлялись родовые имена обоих родителей и прозвище, которым ребенка называли близкие. День рождения отмечался по ритуальному 260-дневному лунному календарю («Цолькин»). По этому же календарю предсказывалось, какое божество будет покровительствовать или вредить ребенку на протяжении всей его жизни.

Майя были добрыми и сдержанными людьми. Ланда часто отмечает их великодушие и готовность подчинить свои личные интересы интересам общества. Детей воспитывали в духе строгого послушания старшим и жрецам. Косоглазие считалось у майя одним из главных признаков красоты. Для этого к волосам ребенка прикреплялся каучуковый шарик или небольшая бусина, свисавшие между глаз. К головке младенца плотно прибинтовывали спереди деревянную дощечку, с тем чтобы сделать череп более плоским и удлинить линию лба. Это также считалось у майя признаком красоты и высокого общественного положения. И мужчины, и женщины подпиливали свои зубы, придавая им остроконечную форму. Сановники и жрецы часто инкрустировали свои зубы бирюзой, нефритом или раковинами. Мужчины носили простые набедренные повязки из хлопчатобумажной ткани и сандалии из сыромятной кожи. Женщины надевали широкие мантии и покрывали

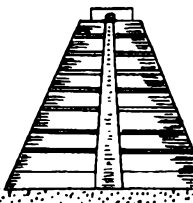
головы платками. Скромная одежда земледельцев не идет, конечно, ни в какое сравнение с пышными одеяниями аристократов и жрецов, которые ходили в длинных белых плащах с яркой вышивкой по краю и имели вычурные головные уборы из перьев тропических птиц. Правители часто носили «жилеты» и «юбочки» из шкуры ягуара.

Планировка типичного селения майя, известная нам по описаниям того же Ланды, доказывает, что местонахождение жилища всецело зависело от социального статуса его обитателей: «В центре селения находились храмы с красивыми площадями. Вокруг них стояли дома сановников, жрецов и наиболее богатых и знатных лиц. А на окраинах города ютились хижины людей из низших классов. Колодцы, которых было немного, тоже находились около домов знати».

В то время как женщины занимались домашними делами — готовили пищу, ткали и ухаживали за детьми, — мужчины трудились на полях. Каждое утро, до восхода солнца, они отправлялись на свои мильпы. В эти прохладные утренние часы, до того как яркое тропическое солнце достигнет зенита, легче работалось. Начиная с полудня, его палящие лучи становились благотворными лишь для солнцелюбивой кукурузы. Тогда земледельцы располагались обычно на отдых под сенью ближайших деревьев. Они растворяли в полой тыкке с водой комок кукурузного теста и пили этот питательный напиток.

У земледельцев редко оставалось свободное время. После уборки урожая все мужчины должны были в принудительном порядке трудиться по заданиям властей — сановников и жрецов. Они выполняли нескончаемые работы по добыче камня, строительству новых храмов и дворцов, прокладыванию через джунгли дорог и дамб. А жрецы требовали все новых и новых сооружений.

Каждое божество многократно повторялось в скульптуре. Каждый новый религиозный культ получал свое святилище, где обслуживающие его жрецы могли бы совершать торжественные обряды и заниматься своими науками.

Когда кто-нибудь заболел, вызывали колдуна или знахаря. Они могли дать лекарство из смеси трав, и это часто приводило к исцелению. Кроме того, колдуны и знахари произносили заклинания, чтобы изгнать злых духов, считавшихся причиной болезни. Если болезнь оказывалась неизлечимой, знахарь должен был предсказать, сколько осталось жить больному и каковы его перспективы в загробной жизни. Мертвых сжигали или хоронили под полами домов, которые остальные члены семьи иногда покидали, а иногда нет. Тело покойного закутывали в кусок ткани, наполняли его рот размолотой кукурузой и помещали туда кусочек полированного зеленого камня, чаще нефрита. В могилу клали глиняных идолов и различные дары — пищу, воду и личные вещи покойного, которыми он часто пользовался при жизни. В день похорон майя смотрели на мертвеца с малодушным страхом. Ланда рассказывает: «Нужно было видеть их тоску и плач по своим умершим и общее горе, которое это им причиняло. Они оплакивали их днем в молчании, а ночью с громкими и горестными воплями, так что слушать их было очень грустно. Они ходили в глубокой печали много дней. Они соблюдали воздержание и пост по умершему, особенно муж или жена, и говорили, что его унес дьявол, поскольку они думали, что все беды, и особенно смерть, происходят от него».

Страшные и глубокие тайны окружали майяского земледельца, внушая ему суеверный ужас перед неизвестностью. Движение небесных светил, восход солнца, раскаты грома, ветер, рождение ребенка и сама смерть — все это считалось проявлением силы богов и сменялось одно другим, подобно отражению в огромном зеркале, доказывая бренность человеческого существования. Охваченный страхом крестьянин шел сквозь заросли джунглей к сверкающим гребням священных храмов. Именно там искал он поддержку у людей, знания которых позволяли им глубже проникать в сферу неведомого. Для получения такой поддержки любая цена не казалась ему слишком высокой.

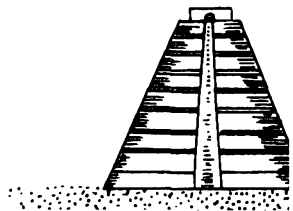
Закат великой цивилизации маяя

К концу VIII в. н. э. маяя достигли наивысшей ступени интеллектуального и эстетического развития. Они беспрерывно строили изящные храмы, гигантские дороги-дамбы, пирамиды и дворцы. В течение многих столетий росли и расширялись старые селения и города, возникали новые, пока в IX в. на цветущие земли маяя не обрушилась какая-то таинственная катастрофа.

Всякое архитектурное строительство в городах прекратилось. Скульпторы не возводили больше под присмотром жрецов громоздкие каменные стелы с ликами царей и пространными иероглифическими надписями. Один за другим пришли в запустение маяяские центры. Считанные десятилетия спустя города древних маяя попросту исчезли, надежно спрятанные в цепких объятиях вечнозеленых центральноамериканских джунглей.

Еще со времен Джона Л. Стефенса — первооткрывателя древностей маяя в 40-х гг. XIX в. — исследователи ломали голову, пытаясь объяснить причины катастрофы, в ходе которой огромная географическая область, населенная одним из наиболее энергичных и высокоразвитых народов доколумбовой Мезоамерики, пришла в полное запустение, а ее города за неполное столетие превратились в руины. К сожалению, материалов, относящихся к концу классического (I—X вв.) и началу постклассического (X—XVI вв.) периодов, т. е. ко времени кризиса маяяской цивилизации, сохранилось не так много, и они имеют противоречивый характер. Это и породило, на наш взгляд, пестроту взглядов и мнений в научных кругах. Прежде всего необходимо было еще раз тщательно проверить все реальные проявления кризиса, отразившиеся в археологических находках, и точно определить хронологические рамки этого драматического события.

По первым, весьма поверхностным наблюдениям выходило, что к концу IX — началу X в. на большей части низмен-

ных лесных областей майя (мексиканские штаты Табаско, Чьяпас, Кампече, а также Юкатан, Кинтана-Роо, Северная Гватемала, Белиз, северо-западный район Гондураса) жизнь в городах прекращается или же сводится к минимуму.

Однако, как показали дальнейшие события, эта оценка была верна лишь наполовину. В конце I тыс. в жизни общества древних майя действительно наблюдался какой-то кризис. Внешне он выражался в том, что в городах не велось крупного строительства и не возводились стелы с календарными датами по эре майя. Был ли этот кризис быстрым и внезапным?

В некоторых случаях, как отмечает американский историк Э. Томпсон, эти строительные работы были прекращены столь внезапно, что платформы, созданные для того, чтобы служить фундаментом для каких-то зданий, остались пустыми, а в Вашактуне стены самого позднего храма оказались недостроенными. В Тикале два последних этапа в развитии местной культуры назывались Имиш и Эснаб. Первый из них длился с 700 до 830 г., а второй — с 830 до 900 г. В течение этапа Имиш наблюдался наивысший расцвет города. Именно тогда были построены пять из шести великих тикальских храмов, несколько пирамид-близнецов и десятки дворцовых ансамблей. Максимальных размеров достигло и население. Раскопки показали, что в это время функционировало до 90 процентов всех известных в городе жилищ. По подсчетам специалистов, в VIII в. Тикаль с округой имел около 50 тыс. жителей (из них не менее одной пятой находились в самом городе).

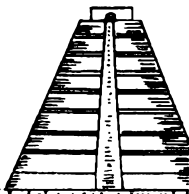
Этап Эснаб следует непосредственно за Имиш. Но как разителен контраст между ними! В начале Эснаба прекратилось всякое строительство и резко сократилось местное население. Из нескольких сотен жилищ, вскрытых раскопками, ни в одном не оказалось керамики Эснаб. Она обнаружена лишь внутри дворцовых зданий. Но люди жили

там уже не как цари — в изобилии и роскоши, а под угрозой падения обветшалой крыши и штукатурки. Это были не завоеватели, не пришельцы. Это были всего лишь жалкие потомки прежних майя. Да и их осталось совсем немного: по подсчетам археологов, население Тикаля во время Эснаба составляло не более 10 процентов от населения 800 г. Но, возможно, население Имиш вовсе не погибло? Не исключено, что оно в силу каких-то неизвестных нам причин покинуло свои города и ушло в окрестные селения земледельцев.

Однако тщательные археологические исследования, проведенные в деревнях и селах, некогда окружавших Тикаль, показали, что положение там было аналогичным. И если в бывшей столице какие-то немногочисленные группы людей еще ютились среди каменных громад обветшалых дворцов, то в деревнях не жил уже никто. А через 100—150 лет после возведения стелы с календарной датой 868 г. последний индеец покинул Тикаль. Примерно такая же картина наблюдалась в IX в. и в других майяских городах — Вашактуне, Паленке, Пьедрас-Неграс, Копане.

Таким образом, вряд ли приходится сомневаться в том, что индейцы майя в низменной лесной зоне пережили в конце I тыс. подлинное бедствие. Их классическая цивилизация на юге Мексики и севере Гватемалы погибла и больше не возродилась.

По одной из гипотез, самой неправдоподобной, все города майя были разрушены одновременно сильным землетрясением. Эта гипотеза основана на том, что многие архитектурные сооружения позднеклассического времени представляют сейчас сплошную груду развалин, словно разбитые одним ударом исполинской силы. Кроме того, горные районы Чьяпаса и Гватемалы, где жили некоторые группы майя, известны своей бурной вулканической деятельностью. Но дело в том, что Петен и Юкатан, где находились крупнейшие центры классической цивилизации майя, лежат вне активной сейсмической зоны.

Существует также предположение, что причиной гибели культуры майя в IX в. могло быть катастрофическое уменьшение количества дождевых осадков и вызванные этим водный голод и засуха. Однако последние геохимические и биологические изыскания в джунглях Петена показали, что незначительное сокращение ежегодных осадков, действительно наблюдавшееся к концу классического периода, никак не могло отразиться на развитии цивилизации майя, а тем более вызвать ее крах. Версия о повальных эпидемиях малярии и желтой лихорадки тоже оказалась несостоятельной, поскольку обе болезни не были известны в Америке до прихода европейцев.

Одной из наиболее распространенных до последнего времени была гипотеза американского археолога С. Морли, который объяснял упадок классических городов крахом системы подсечно-огневого земледелия, поскольку оно оказалось не в силах обеспечить потребности быстро растущего населения городов. В своей фундаментальной монографии «Древние майя» Морли пишет: «Непрерывное уничтожение леса для использования расчищенной площади под посевы маиса постепенно превратило девственные джунгли в искусственную саванну, покрытую высокой травой. Когда этот процесс закончился и вековой тропический лес был почти целиком сведен и заменен искусственно созданными лугами, то земледелие в том виде, как оно до сих пор практиковалось у древних майя, пришло в упадок, ибо у них не было никаких земледельческих орудий — мотыг, кирок, борон, заступов, лопат и плугов. Именно это экономическое банкротство и послужило главной причиной гибели “Древнего царства” майя».

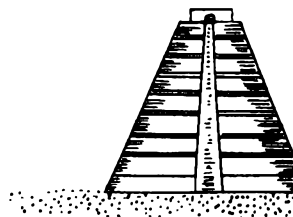
Эта версия долгое время пользовалась всеобщим признанием среди специалистов. И только исследования последних лет заставили пересмотреть основные положения гипотезы Морли. Прежде всего был поднят вопрос: действительно ли майя исчерпали резервы невозделанных земель? Археолог А. В. Киддер (США) установил, что почва

долины реки Мотагуа (Гватемала) ежегодно обновляется во время паводков, и, следовательно, плодородие этих земель не может иссякнуть. То же самое происходит в долинах других крупных рек (например, Усумасинта, Белиз, Улуа) в низменных лесных областях майя. Некоторые исследователи отметили, что в Петене пустующие поля немедленно зарастают вторичным лесом, а не травами. По Морли, истощение земель должно было произойти сначала в более древних центрах. Однако, к примеру, такой город, как Тикаль, который, судя по стелам с календарными датами, существовал не менее шести веков, приходит в упадок позже (после 869 г.), чем более молодые центры в бассейне реки Усумасинты.

Значительной популярностью пользовалась также социальная гипотеза Э. Томпсона (США), согласно которой упадок классических центров культуры майя связан с внутренними социальными конфликтами и потрясениями.

Отправной точкой для рассуждений Томпсона послужил один на первый взгляд малопримечательный факт: в ходе раскопок древнего города Пьедрас-Неграс археологи с удивлением обнаружили, что почти все найденные там каменные скульптуры, изображающие правителей, намеренно повержены или разбиты. Такое же явление было отмечено и в Тикале. Но кто мог покуситься на эти священные и почитаемые реликвии? Томпсон отвергает версию о нашествии чужеземцев и приписывает эти акты вандализма внутреннему врагу — рядовому земледельцу, восставшему против гнета аристократов и жрецов.

Крупные социальные потрясения — неизбежные спутники любого классового общества — действительно могли послужить причиной (или одной из причин) гибели некоторых городов-государств в конце I тыс. Но подобных городов-государств было тогда у майя только в низменной лесной зоне не менее двух-трех десятков, и вряд ли все они почти одновременно подверглись захвату и опустошению со стороны восставших низов. Кроме того,

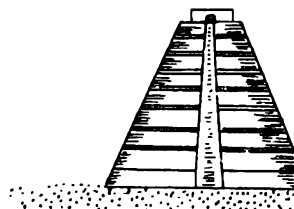
выяснилось, что и в Тикале, и в других городах майя классического периода стелы и алтари с изображениями правителей и богов подвергались разрушению и порче не только в VIII—X вв., а на протяжении всего существования цивилизации. Это был какой-то важный государственный ритуал или обряд: по прошествии определенного цикла времени (может быть, двадцатилетия — катуна) монумент портили или разбивали, совершая как бы его ритуальное «убийство». Но суть в том, что и после данного акта он продолжал оставаться объектом почитания со стороны горожан: ему приносили жертвы и дары, в его честь возжигали благовония.

Когда гипотезы об экологических и внутренних причинах кризиса общества майя в конце I тыс. обнаружили свою несостоятельность, ученые вновь вернулись к гипотезе о нашествии на земли майя различных центрально-мексиканских племен: либо теотихуаканцев (VI—VIII вв.), либо тольтеков, вторгшихся на Юкатан, согласно смутным сообщениям хроник, в конце X в. Но и здесь остается много неясного. Теотихуаканское нашествие могло произойти (учитывая время гибели самого этого центра) не позднее конца VII — начала VIII в. Тольтеки появились на Юкатане, как уже говорилось, лишь в конце X в. Спрашивается, кто же сокрушил тогда важнейшие города майя в Петене, пришедшие в запустение как раз между концом VIII и началом X в.?

В 60-х гг. XX в. при раскопках древнего города Алтар-де-Сакрифисьос, расположенного у слияния рек Салинас и Пасьон, в департаменте Петен (Северная Гватемала), археологи обнаружили интересную картину. В конце IX в. общий облик местной майяской культуры резко нарушился. На смену исчезнувшим классическим традициям пришел совершенно иной культурный комплекс, не имеющий местных корней. Материалы этого чужеродного комплекса, получившего название Химба, состоят только из изящной керамики с оранжевой гладкой поверхностью и терракото-

вых статуэток, напоминающих по облику некоторые центрально-мексиканские глиняные фигуры. Физический тип, одежда, украшения и оружие (копье-металки и пучки дротиков) содержат мотивы, совершенно отличные от мотивов классической культуры майя. Обилие упомянутых чужеземных и отсутствие местных материалов в верхних слоях городища свидетельствуют о полной смене культуры, а может быть, и населения в Алтар-де-Сакрифисьос где-то около 868–909 гг. (хронологические рамки комплекса Химба).

В 120 километрах к востоку от Алтар-де-Сакрифисьос находятся руины еще одного крупного города майя классического периода — Сейбаля. По данным археологов, этот город существовал с 800 г. до середины X в., причем последний этап его жизни — Байяль Бока — длился (судя по календарным датам на стелах) с 830 по 950 г. Именно в это время в Сейбале появилось много новых черт и влияний, чуждых классической культуре майя. Во-первых, наблюдается массовый наплыв уже знакомой нам изящной оранжевой и серой керамики, а также терракотовых статуэток центрально-мексиканского облика. Во-вторых, целая группа каменных стел с календарными датами от 850 до 890 г. содержит скульптурные изображения, совершенно не похожие на классическое искусство майя и близкие по стилю искусству Центральной Мексики и побережья Мексиканского залива: странные фигуры людей с длинными, до пояса, космами волос и украшениями-трубочками в носу. Наконец, было обнаружено весьма необычное для архитектуры майя круглое в плане здание храма. В то же время круглые постройки довольно часто встречаются на тольтекских памятниках Юкатана. Этот набор чужеземных черт в культуре города дополняет плоская каменная голова — так называемая «ача» (*исп.* «топор»). Подобные изделия характерны для культуры населения Южного Веракруса и Западного Табаско в конце I — начале II тыс.

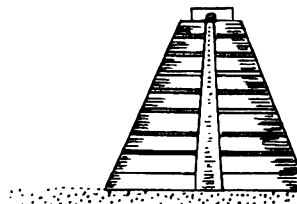
Таким образом, полученные в ходе раскопок данные свидетельствуют о том, что в IX в. Сейбаль был, по-видимому, захвачен какой-то группой чужеземцев, связанных по своей культуре с побережьем Мексиканского залива (Табаско, Веракрус, Кампече) и с Центральной Мексикой. Однако в отличие от Алтар-де-Сакрифисьюс события в Сейбале развивались по другому сценарию: завоеватели обосновались в городе на довольно длительный срок, частично слившись при этом с местным населением (майя), в результате чего возникла своеобразная смешанная культура. Об этом свидетельствуют, например, поздние стелы, изображающие персонажей в центрально-мексиканских костюмах, но имеющие календарные даты по эре майя. Правда, фатального исхода не удалось избежать и здесь: к середине X в. Сейбаль превратился в пустыню.

В Паленке, расположенном далеко на западе территории майя, в начале IX в. также произошел быстрый упадок местной культуры. И здесь при раскопках неоднократно встречались оранжевая тонкая керамика, резные каменные предметы, получившие у специалистов условные названия ярма и топоров. Аналогичные находки есть и в ряде других городов майя низменной лесной зоны: в Йашчилане, Тикале, Копане. Как известно, эти изделия служат одним из наиболее характерных признаков цивилизации тотонаков (столица Эль-Тахин) и других племен, живших на территории мексиканских штатов Веракрус и Табаско. Типологический и химический анализ оранжевой керамики из всех майяских городов показал полную ее идентичность с изделиями гончаров, живших на побережье Мексиканского залива, в Табаско и Кампече, где и находился, видимо, основной центр ее производства. Таким образом, мы знаем теперь время чужеземного нашествия на земли майя (начало IX — середина X в.) и тот район, откуда двинулись в поход завоеватели (прибрежные территории мексиканских штатов Веракрус, Табаско и Кампе-

че). Остается решить, какой народ или государство сокрушили одну из наиболее ярких цивилизаций доколумбовой Америки.

Мексиканский ученый В. Х. Морено предложил в связи с этим весьма правдоподобную гипотезу. Он напомнил, что, по сообщениям древних летописей, примерно в конце VIII в. так называемые «исторические ольмеки»* захватили большой город Чолулу (штат Пуэбла, Мексика), где после гибели Теотихуакана (в VII в.) обосновалось значительное теотихуаканское население и продолжали развиваться традиции прежней центрально-мексиканской культуры. Спасаясь от «ольмеков», жители Чолулы вынуждены были бежать на побережье Мексиканского залива, где они и осели на некоторое время в южной части штатов Веракрус и Табаско. Здесь они подверглись, по всей вероятности, сильному влиянию со стороны культуры тотонаков, главный центр которой Эль-Тахин находился в Центральном Веракрусе. В итоге всех этих событий прямые наследники теотихуаканских традиций, усвоив ряд черт других культур и частично слившись с ними, превратились в народ пипиль, упоминаемый в старых индейских преданиях. Теснимые своими врагами-«ольмеками», пипиль двинулись на юго-восток, в области майя. Это и есть та самая волна завоевателей, которая принесла в различные города майя оранжевую керамику, каменные ярма и топоры. Вторжение пипиль на территорию майя происходило с 800 по 950 г. по двум основным направлениям: вдоль реки Усумасинты и ее притоков на юго-восток (Паленке, Сейбаль, Алтар-де-Сакрифисьос) и по побережью Мексиканского залива к городам Юкатана. Некоторые исследователи связывают носителей оранжевой керамики с жившими в XVI в. на территории Табаско и Кампече группами «мексиканизированных» (т. е. подвергшихся заметному влия-

* «Исторические ольмеки» жили в VIII–XII вв. и не имели ничего общего с ольмеками, населявшими Ла-Венту.

нию со стороны культур Центральной Мексики) майя-путун*.

Однако даже эта весьма вероятная гипотеза о нашествии воинственных племен «северян» на земли майя в 800—950 гг. не до конца согласуется с известными фактами. Если на северо-западе территории майя, например в Сейбале, Паленке и Алтар-де-Сакрифисьос, последние дни этих городов действительно совпадают с широким распространением инородной оранжевой керамики, то дальше к югу, в центре Петена, такая керамика появляется лишь после упадка столиц майя и представлена довольно немногочисленными образцами. Это позволило предположить, что оранжевая изящная посуда с побережья Мексиканского залива появилась в период упадка майяских городов в самом конце I тыс.

Итак, все попытки объяснить катастрофу, постигшую классическую цивилизацию майя, лишь ссылкой на какую-то одну, хотя и важную, причину потерпели неудачу. И когда в 1970 г. в Санта-Фе, штат Нью-Мексико (США), была созвана специальная конференция для рассмотрения проблемы гибели городов майя в IX—X вв., ее участники были единодушны в одном: такое сложное и многоплановое явление, как катастрофа целой цивилизации, можно объяснить только комплексно — на основе серии взаимосвязанных причин. Одну из таких попыток предпринял на конференции археолог П. Т. Калберт: «Я полагаю, что крах майя — это типичный случай отклонения культуры от нормы, когда она развивается слиш-

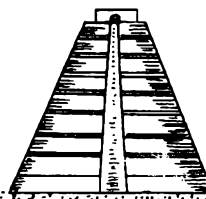
* Индейцы майя, хотя и принадлежали все к одной большой родственной языковой группе — макро-майя или майя-киче, распались на целый ряд племенных групп, имевших свои диалекты майяского языка: чоль, покомам, чорти, юкатеки и др. Среди них были и майя-чонталь (другое название майя-путун), обитавшие на северо-западе территории майя (современный мексиканский штат Кампече).

ком быстро и использует свои ресурсы слишком беззаботно по отношению к окружающей природной среде. Майя истощили свои ресурсы не только в отношении возможностей их земледелия, но и в смысле организационных возможностей, способности распределять товары и эффективно использовать рабочую силу. Циклы роста ускорились, а экономическая база оказалась настолько подорванной, что упадок и кризис никто уже не смог остановить».

Нетрудно заметить, что перед нами, хотя и в более усложненной форме, вновь предстала старая экологическая гипотеза Морли, связывающая гибель классических городов на юге равнинной лесной зоны с истощением природных ресурсов и крахом местного земледелия.

Ясно, что подобные объяснения могли удовлетворить далеко не всех исследователей. Так, больше внимания стало уделяться в ходе раскопок материалам, относящимся к концу классического и началу постклассического периода. Усилилась тенденция к конкретному рассмотрению событий и фактов не только в главных центрах классической цивилизации майя, но и в сопредельных областях. И тогда выявилась поразительно разнообразная, мозаичная картина: крах великой цивилизации не был ни полным, ни одновременным. В то время как один город в равнинной лесной зоне приходил в запустение, его близлежащий сосед вступал в пору своего расцвета. На севере, на полуострове Юкатан, вообще в IX в. в большинстве городов не было никакого упадка. Скорее, наоборот, они переживали свою лучшую и наиболее блестящую пору. Даже в тех юкатанских городах, которые переживали упадок, оставалось значительное население, продолжавшее жить повседневными делами и заботами. Храмы не строились, стелы не возводились, а жизнь продолжалась.

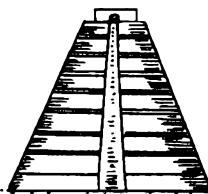
Но вернемся в южную низменную лесную область, где находились главные города классической эпохи. Раскопки в районе Петена (в Топоште, Маканче, Йашха и др.) и Белиза (Ламанай, Нохмуль) заставили многих исследователей

дователей пересмотреть традиционные взгляды на ход исторических событий в регионе на стыке классического и постклассического периодов. А. Чейс и П. Райе (США) говорят о наличии довольно многочисленного населения майя в районе озера Петен-Ица и вокруг него в IX–XII вв., т. е. в эпоху кризиса и краха прежней цивилизации. Они же доказывают преемственность в керамике между создателями постклассической культуры Петена и их классическими предшественниками. В Белизе большой город Ламанай благополучно прошел через все «темные» века истории майя, сохраняя и непрерывно развивая свою культуру от начала I тыс. и до испанского завоевания. До конца X в. существовал в Белизе и еще один город майя — Сан-Хосе. Там даже продолжали вести в это время какие-то крупные строительные работы. Если добавить сюда такие города, как Нохмуль и Кольха с памятниками IX, X, XI и последующих веков, то картина развития событий на восточной окраине низменной лесной зоны майя получается совершенно иная, чем в центре. Города Белиза, хотя и не все, сумели более или менее благополучно миновать последствия кризиса и дожили до XII–XIII вв., а некоторые и до европейского завоевания. То же самое происходило на Юкатане. Учитывая эти факты, некоторые исследователи вообще стали отрицать сам факт краха классической цивилизации майя и обезлюдения обширных территорий на юге Мексики и севере Гватемалы (Петен). На мой взгляд, это — ошибка. Необходимость тщательно изучения конкретных фактов в разных городах и в разных районах обширной территории майя отнюдь не может заслонить собой совершенно очевидного вывода: в ряде областей низменной лесной зоны (бассейн реки Усумасинты, Петен и др.) в IX–X вв. наблюдается прекращение монументального строительства и установки стел с календарными датами: налицо явное уменьшение населения в селах и городах. Это и есть внешние проявления кризиса культуры майя.

Хотя пока не удалось достичь общего согласия по поводу причины или причин упадка цивилизации майя, есть одна мысль, с которой согласны все. Это идея о том, что конец классического периода был временем радикальных политических и социальных перемен во всей Мезоамерике. Старые могущественные центры I тыс. в Оахаке (Монте-Альбан), Центральной Мексике (Теотихуакан) и других местах были ниспровергнуты. На туманном горизонте мезоамериканской истории появились новые влиятельные государства типа тольтекской «империи». Возросла роль войны и милитаризма в жизни общества. Были пересмотрены прежние политические союзы и забыты старые торговые пути. И какое бы конкретное воплощение ни получали отдельные исторические события, случавшиеся в той или иной части Мезоамерики, классическая цивилизация майя не могла остаться в стороне от этого всеобщего хаоса и анархии.

На вопрос, как объяснить упадок многих майяских городов в конце I тыс., окончательного ответа, который мог бы удовлетворить буквально всех, пока нет. Можно привести в заключение лишь одну, весьма вероятную версию тех далеких событий. Видимо, гибель некоторых центров классической цивилизации майя была вызвана целым комплексом причин. Причем первоначальным толчком, приведшим в движение остальные разрушительные силы, было все-таки нашествие чужеземцев (даже если считать ими «мексиканизированных» майя-чонталей). Вражеское вторжение повлекло за собой новые потрясения — развал экономики, голод, болезни, народные волнения, кризис прежней системы управления и прежних религиозных представлений. Выше отмечалось, что основу экономического процветания майя в I тыс. составляло в низменной лесной зоне интенсивное земледелие в виде разветвленной системы оросительных, дренажных и водосборных каналов, «приподнятых полей» и террас. Их сооружение и поддержание в порядке требовали колоссальных усилий общества.

Они были предметом особой заботы со стороны центральной власти — правителя с его мощным бюрократическим аппаратом. И как только вторжение вражеских армий уничтожило или подорвало эту центральную власть, пришли в полное запустение и многие некогда цветущие земледельческие районы майя. Резко сократившееся в результате войн население было уже не в состоянии содержать в трудных условиях тропиков столь сложную и разветвленную систему. И она погибла, а вместе с ней погибли и многие центры майяской классической цивилизации.

История человечества знает немало примеров подобного рода. Когда в XIII в. орды кочевников вторглись в цветущие земледельческие оазисы Средней Азии, большая часть местной оросительной сети была разрушена или заброшена, и целые районы некогда благодатных земель на века превратились в мертвую пустыню.

Ацтеки — «римляне» Нового Света

От Астлана
до «Тройственной лиги»

События, предшествовавшие рождению ацтекского государства в долине Мехико, поразительно напоминают те «смутные века» мезоамериканской истории, которые последовали вслед за гибелью Теотихуакана. В X в. на руинах теотихуаканской цивилизации в Центральной Мексике возникла могущественная держава тольтеков со столицей в Туле-Толлане (современный мексиканский штат Идальго). В XII в. в силу внутренних неурядиц и натиска северных варваров-чичимеков тольтекское государство гибнет, а долина Мехико долгие десятилетия подвергается нашествию варварских племен. Уцелевшие группы тольтеков постепенно смешались с кочевниками-чичимеками. Этот причудливый сплав разных этнических общин и разных культурных традиций и послужил той основой, на которой сформировалась позднее огромная ацтекская «империя».

Однако следует помнить, что под термином «чичимеки» объединялись различные группы пришельцев: здесь были

не только дикие кочевники, жившие в пещерах и шалашах, одевавшиеся в звериные шкуры и добывавшие себе пищу с помощью охоты и собирательства (собственно чичимеки), но и полусоседлые и оседлые земледельцы с определенным уровнем культуры. Среди них находились и ацтеки.

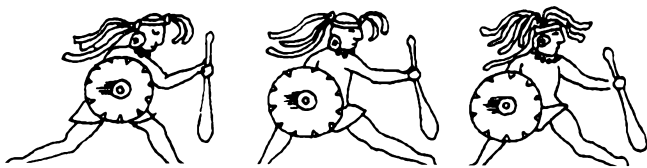
После падения Тулы-Толлана в XII в. беженцы из столицы тольтеков обосновались в южной части долины Мехико в городах Кольхуакан и Шико, которые превратились в последние островки древней цивилизации среди беспокойного мира воинственных варваров-чичимеков. Особенно важным культурным центром был Кольхуакан, правители которого претендовали на прямую преемственность от царских династий тольтеков. Название «Кульхуа», или «Кольхуа», происходит от слова языка науа «колли» — дед, предок. Перевод этого названия означает буквально «Место (селение) тех, кто имеет дедов (предков)». Среди первых волн чичимеков, пришедших в долину Мехико, особой известностью пользовалось племя, возглавляемое вождем Шолотлем. Оно в 1244 г. обосновалось в районе Тенайюки. Племя отоми осело около 1250 г. в Шальтокане. А воинственные тепанеки захватили в 1230 г. древний город Аскапоцалько, основанный еще во времена расцвета Теотихуакана (I тыс. н. э.), и сделали его столицей своего быстро растущего государства. Все они, кроме отоми, говорили на языке науа, являющемся до сих пор главным индейским языком в Центральной Мексике. Со временем, смешавшись с потомками тольтеков и восприняв многие достижения их высокой цивилизации, пришельцы образовали в долине Мехико ряд небольших городов-государств, которые постоянно воевали друг с другом из-за спорных земель и боролись за гегемонию в регионе.

В этой напряженной политической ситуации в середине XIII в. в долине появляется еще одна группа варваров с севера — ацтеки. Это слово происходит от названия легендарной прародины ацтеков Астлана («Место цапель» или «Место журавлей»), откуда они начали свои долгие

странствия. Точное местонахождение Астлана неизвестно и до сих пор служит предметом горячих споров. Одни ученые помещают его на юго-западе США, другие всего лишь в 100 километрах к северу от города Мехико. Однако большинство исследователей предпочитают искать Астлан где-то к северо-западу от долины Мехико, вплоть до современного мексиканского штата Найярит. Собственно говоря, термин «ацтеки» (точнее, «астеки») — сравнительно недавнего происхождения. Сами ацтеки называли себя мешиками: от слова «мечтли» — луна или, как считает испанский летописец Саагун, от слов «метл» — магей, кактус и «ситли» — заяц.

Историю ацтеков можно разделить на три основных этапа: 1) этап странствий, который закончился основанием Теночтитлана в 1325 г. (или 1345 г.); 2) этап упрочения и накопления сил ацтеками, находящимися еще под контролем соседних государств (примерно 1325/1345—1428 гг.); 3) этап независимости, экспансии и завоеваний, когда ацтеки вместе с союзниками подчинили себе большую часть Мексики (1428—1519 гг.).

О первом этапе мы почти не имеем твердо установленных фактов, поскольку главным источником информации для нас служат мифы и предания, часто противоречивые по содержанию и записанные много веков спустя после происшедших событий. Во всяком случае, известно, что ацтеки отправились в путь со своей прародины в районе озера Астлан в начале XII в. Странствия их продолжались в общей сложности около 200 лет. Хотя сами они причисляли себя не без гордости к группе воинственных чичимеков, по уровню своей культуры ацтеки были скорее цивилизованным народом. Уже в начале своего похода они, как отмечают источники, знали земледелие и методы ирригации, умели строить каменные здания (в том числе храмы и святилища), носили одежду, сшитую из ткани (ткань изготовляли из волокон кактуса), были знакомы с ритуальной игрой в мяч и священным 52-летним календарем. Таким

образом, перед нами скорее окраинный вариант мезоамериканской культурной традиции, нежели охотничье-собирательские кочевые группы диких жителей пещер — чичимеков. Переселение ацтеков официально проходило под руководством их племенного божества — бога войны Уицилопочтли. Его статую несли на плечах четыре должностных лица или вождя. Они же растолковывали соплеменникам указания и пророчества божества. И хотя во многих современных работах этих людей называют жрецами, а форму правления, существовавшую тогда у ацтеков, — теократией, мне представляется, что это не совсем верно. По-видимому, вожди были главами четырех подразделений племени ацтеков и выполняли, помимо гражданских и военных, ряд религиозных функций.

Из Астлана, судя по преданиям, ацтеки прибыли в другое легендарное место — Чикомосток («Семь Пещер»), через которое прошли ранее и другие группы северных варваров: шочимильки, чальки, кульхуа, тепанеки. Затем пришельцы обосновались на какое-то время в районе Тулы-Толлана. Не исключено, что они вместе с другими группами чичимеков приняли непосредственное участие в захвате и разрушении столицы тольтеков в XII в.

Постоянные тяготы странствий закалили ацтеков, а кровавый культ их верховного бога Уицилопочтли — олицетворения милитаризма и войны, требовавшего постоянных жертвоприношений в виде человеческих сердец, — превратил ацтеков в свирепых и бесстрашных воинов. Появление новых многочисленных переселенцев в сравнительно небольшой долине Мехико не вызвало особых восторгов у ранее обосновавшихся там групп смешанного тольтекско-чичимекского происхождения. Они с полным основанием опасались за целостность своих владений, ожидая экспансионистских поползновений со стороны воинственного и полуварварского племени. Пустых земель в долине больше не осталось, и получить там «место под солнцем» можно было лишь в жестокой борьбе с конкурентами. Положе-

ние усугублялось и тем, что у пришельцев, как у каждого бродячего племени, было мало женщин, и поэтому ацтеки стали совершать частые набеги на своих соседей для добычания невест.

Однако ацтеки не могли пока сравниться по своей военной мощи с главными городами-государствами долины Мехико — Аскапоцалько и Кульхуаканом. Поэтому с 1250 по 1298 г. они попали в зависимость и стали вассалами тепанеков. Затем свирепых ацтекских воинов переманили к себе на службу правители Кульхуакана. Ацтеки не раз отличались в битвах с соперниками своего нового господина, и в 1323 г. их удостоили высокой чести: правитель Кульхуакана отдал вождю ацтеков в жены свою дочь-принцессу из тольтекского царского дома. Но по наущению ацтекских жрецов бедную девушку тут же принесли в жертву богам. Возмущенный жестокостью и неблагодарностью наемников правитель Кульхуакана силой изгнал их из своих владений.

Ацтеки вынуждены были бежать в болота и тростниковые заросли на западную окраину мелководного озера Тескоко. Согласно легенде, Уицилопочтли повелел им заложить город в том месте, где они увидят орла, сидящего на кактусе и держащего в клюве змею. Ацтекские вожди незамедлительно отыскали такое место на двух низких болотистых островках, где в 1325 г. (или 1345 г.) и было основано первое постоянное селение ацтеков — Теночтитлан. Название это происходит от имени ацтекского вождя Теноча (Теночтитлан в переводе с языка науа означает «Место плодов кактуса»). В старых индейских преданиях говорится по этому поводу следующее:

В год 2 — «дом» (1325 г. — *В. Г.*)
прибыли мешки
в гушу тростниковых зарослей,
в гушу камышей,
пришли большими трудами
заработать себе землю.

В этот упомянутый год 2 — «дом»
пришли они в Теночтитлан,
туда, где рос на камнях кактус-нопаль,
на вершине которого восседал орел
и поедал змею.

Но помимо «божественной воли» у ацтеков были и более веские практические причины для выбора места своей будущей столицы: обилие птицы и рыбы в этой части озера, идеальные условия для чинампового земледелия и, наконец, удобство транспортных перевозок на лодках через каналы, озеро Тескоко и цепь связанных с ним других озер (напомним, что в доколумбовой Мезоамерике не было вьючных и тягловых животных и колесного транспорта). Однако самое главное — Теночтитлан стал городом-убежищем, городом-крепостью, надежно защищенным самой природой от любых врагов. Правда, были и проблемы — отсутствие многих важных материалов — дерева, камня, металла, хорошей питьевой воды.

В конце концов, когда ацтеки построили целую сеть чинамп, провели каналы и осушили болота, два островка заметно выросли в своих размерах и слились в одно целое. К середине XIV в. там вполне отчетливо просматривались контуры двух городов-государств: на севере отделившаяся от ацтеков часть племени — тлателольки основали город Тлателолько, а на юге постепенно набирал силы город теночков — Теночтитлан. Это были тесно связанные территориально, а также культурным и этническим родством политико-административные единицы, представлявшие собой практически два города-государства. Однако в 1473 г. Тлателолько был силой захвачен его более могущественным соседом и включен в состав ацтекской столицы. Тот факт, что оба города возникли и развивались как две самостоятельные политические единицы, недвусмысленно проявляется в дублировании внутренней структуры и планировки Теночтитлана и Тлателолько: наличие двух «свя-

щенных участков» с главными храмами и дворцами правителей (текпан), двух центральных рынков и т. д. Таким образом, у истоков будущей ацтекской «империи» стоит простой «ном» — город-государство, почти лишенный сельской округи.

Рождение империи

Уступая на первых порах по силе своим ближайшим соседям в долине Мехико, ацтеки искусно использовали в собственных целях их постоянную вражду и соперничество. Они всегда стремились попасть на службу или стать союзником наиболее могущественного в данный момент партнера. В этом отношении решающим для ацтеков был 1367 г., когда они вновь стали наемниками быстро растущего тепанекского царства (Аскапоцалько), во главе которого стоял талантливый правитель Тесосомок. Один за другим склоняли головы перед могущественными тепанеками «номы» долины Мехико, а воины Теночтитлана везли в островную столицу свою растущую долю добычи. И вот настал момент, когда ацтеки сочли удобным повернуть оружие против вчерашнего сюзерена — Аскапоцалько. С помощью армий Тескоко и Уэшоцинко в 1428 г. они наголову разгромили войска тепанеков и разрушили их блестящую столицу. Тепанекский город Тлакопан (Такуба), занявший в конфликте нейтральную позицию, вскоре также стал ближайшим союзником ацтеков. Третьим участником складывающегося военно-политического союза («Тройственной Лиги») был город Тескоко, которым правил поэт и философ Несахуалькойотль.

В течение последней четверти XV и в начале XVI в. этот могучий триумвират, используя свои объединенные силы, сумел завоевать и обложить данью почти всю Центральную Мексику и прилегающие к ней области: от Дуранго и Колимы на северо-западе до Чьяпаса и Табаско на юго-востоке.

В начале XVI в. свыше 38 отдельных областей и государств вынуждены были платить «Тройственной Лиге» большую дань, хотя они и сохраняли при этом известную самостоятельность в вопросах внутреннего управления.

Постепенно роль Теночтитлана и его правителей внутри «Лиги» возрастала. К моменту конкисты тлатоани ацтеков фактически диктовал свою волю вчерашним партнерам по союзу. Испанское завоевание прервало процесс дальнейшего становления и развития ацтекского государства, так и не успевшего выработать механизм полного включения всех зависимых от него территорий в рамки единой империи. На мой взгляд, ацтеки делали первые шаги в этом направлении, так и не лишив внутренней самостоятельности и собственной структуры все захваченные области.

Для поддержания системы подчинения других, иногда и чуждых этнически, областей или провинций в ряде важнейших стратегических пунктов были установлены ацтекские гарнизоны, а за своевременным сбором дани следили специальные чиновники — кальпишке.

Хозяйственная основа ацтекского общества в XVI в.

Экономика Теночтитлана основывалась на двух «китах»: продукции интенсивного земледелия (чинампы), ремесел и торговли, с одной стороны, и военной добыче и регулярной дани с подчиненных областей — с другой. В наиболее яркой форме двойственный характер экономики ацтеков в XVI в. воплощался в главном храме их столицы, который и реально, и символически олицетворял собой могущество всего ацтекского государства. И не случайно на вершине его высокой пирамиды стояли два святилища: Тлалока — бога воды и дождя, считавшегося покровителем местного земледелия, и Уицилопочтли — бога войны, обеспечивающего успешное подчинение соседних племен

и народов и выкачивание из них соответствующей дани. Таким образом, по выражению мексиканского археолога Эдуардо Матоса Моктесумы, «мы видим здесь прямую связь между экономическим базисом (земледелие, торговля, война. — *В. Г.*) и надстройкой (религиозные и политические институты ацтеков. — *В. Г.*)».

Однако война и получение дани с побежденных областей стали играть существенную роль лишь на последних этапах истории ацтеков, по мере роста их могущества и расширения экспансии. Земледелие же играло важную роль в жизни ацтекского общества всегда.

Долина Мехико была одной из наиболее интенсивно эксплуатируемых земледельческих зон доколумбовой Мезоамерики. В соответствующих экологических зонах долины использовались почти все известные индейцам системы земледелия. Подсечно-огневая система употреблялась на верхних склонах окружающих долину гор. На низких высотах и дне долины применялись различные ирригационные системы (паводкового типа и с помощью оросительных каналов). Наконец, по берегам мелководных озер широко использовались знаменитые чинампы. К моменту прихода испанских завоевателей только в Чалько (южная часть долины Мехико) имелось около 10 тыс. гектаров чинамп. На них выращивались различные сельскохозяйственные культуры — маис, бобы, томаты, перец, корнеплоды. В некоторых местах с чинамповых участков собирали до семи урожаев в год (Шочимилько). По подсчетам известного мексиканского исследователя Педро Армильеса, 10 тыс. гектаров чинамповых земель в Чалько могли обеспечить пищей около 100 тыс. человек в год. Археолог У. Сандерс из США предлагает еще более высокую цифру: 10 тыс. гектаров чинамп способны прокормить до 180 тыс. человек в год. Как бы то ни было, продуктивность этой системы земледелия была одной из самых высоких в древнем мире: один гектар земли обеспечивал питанием от 10 до 18 человек в год. Самые благоприятные районы для чинампового

земледелия находились на юге озерной системы, в Чалько (больше тепла, пресная вода, мелководье, больше осадков).

Озеро Тескоко, где построен Теночтитлан, было в те годы более глубоким, соленым и беспокойным. Но на западе его, там, где располагалась «ацтекская Венеция», условия для возведения чинамп в целом оказались неплохими — болота, мелководье и достаточно пресная вода. Правда, в озеро периодически прорывались и массы соленой воды. Для ограждения района чинамп от остального озера вблизи столицы была построена специальная дамба.

Что касается размеров ежегодно получаемой ацтеками дани, то в целом в Теночтитлан привозилось до 18 тыс. тонн пищевых продуктов в год. Этого было достаточно для того, чтобы прокормить все население ацтекской столицы в течение одного или двух лет (в зависимости от количества жителей Теночтитлана — 200 тыс., 300 тыс. и т. д.).

Царская власть и система управления

В ацтекском государстве функционировала сложная политическая система. Каждый автономный город-государство (а их в Центральной Мексике к началу XVI в. было свыше 50) управлялся тлатоани, который командовал войсками, был верховным судьей и руководил важнейшими религиозными обрядами. Правители считали себя земными двойниками небесных богов и утверждали, что их право на власть освящено богами.

У ацтеков царская власть обычно передавалась от брата к брату, прежде чем ее получал старший сын старшего брата. Во всяком случае, прямая линия наследования могла быть прервана, если наследника не выбирали на трон. Поэтому до выборов будущий тлатоани должен был показать свою доблесть на полях сражений. Он также был обязан уметь хорошо говорить — недаром его титул, тлатоани, означа-

ет «оратор». Но помимо качеств воина и дипломата царю необходимо было глубоко разбираться в вопросах религии, как и подобало «земному представителю божества».

Верховного правителя выбирали у ацтеков специальные выборщики. Круг их был ограничен, и все они принадлежали к слою высшей аристократии государства. Они же назначали и четырех ближайших советников царя. Хотя это действительно были выборы, все избираемые кандидаты происходили из одной и той же семьи: тлатоани и четыре его помощника являлись близкими родственниками. Именно из рядов этой четверки выбирался следующий монарх.

Вся полнота административной, политической, религиозной и военной власти находилась в руках ацтекского правителя. «Вступление на трон, — пишет английский историк Хэммонд Иннес, — сопровождалось у ацтеков сложными обрядами в главном храме Теночтитлана. Царь первым из присутствующих пронзал свои уши, руки и ноги острой костяной проколкой, затем, обливаясь кровью, брал два пучка вырванных у себя же с головы волос и, смочив их кровью, бросал в огонь у алтаря. Взобравшись на вершину ступенчатой пирамиды — теокалли, он входил в святилище бога Уицилопочтли, целовал пол у ног статуи божества, опять протыкал свое тело и разбрызгивал кровь с помощью пучков волос по всему помещению. В конце ритуала тлатоани зажигал огонь в четырех курильницах, стоявших по четырем углам храма. Лишь после этих утомительных процедур царь Тескоко короновал претендента на трон, возложив ему на голову митраобразную шапку с великолепными украшениями из птичьих перьев, золота и драгоценных камней».

В центре ацтекской столицы, у пересечения двух основных улиц, находился священный квартал, окруженный стенами четырехугольник, внутри которого стояли храмы важнейших ацтекских богов, жилища жрецов и слуг. Дворец правителя — текпан — располагался поблизости от этого

квартала, но не имел с ним прямой связи. В текпане, помимо личных покоев тлатоани и его многочисленных жен, находились правительственные учреждения (суды, военный и государственный совет), казармы, арсенал, помещения для слуг, ремесленников и приезжих, зернохранилище, кладовые для поступающей дани. Таким образом, текпан был центром политико-административной жизни всего государства.

Опорой царя и внутри страны, и вне ее была армия. Военное дело у ацтеков достигло высокого уровня. У них имелась постоянная армия из профессиональных солдат, общинное ополчение и рыцарские военные ордена — «Орден Орла» и «Орден Ягуара», исправно готовившие для государства храбрый и опытный офицерский корпус. Кроме того, все вассальные города и области в случае необходимости должны были предоставлять правителям Теночтитлана определенное количество воинов. Войска состояли из насчитывавших по 8 тыс. воинов специальных подразделений — легионов или полков. Они делились на более мелкие единицы — числом около двадцати. Каждое подразделение имело свое знамя или штандарт, украшенные яркими птичьими перьями.

С детских лет ацтеки проходили серьезную физическую и специальную подготовку, превращаясь с годами в храбрых и выносливых воинов. Однако на поле боя главная их забота состояла не в том, чтобы убить врага и разгромить его, а захватить как можно больше пленников для принесения их в жертву богам Теночтитлана. От этого, т. е. от своевременного удовлетворения небесных сил, зависело, по мнению каждого ацтека, само существование мира.

Законодательная система также была достаточно эффективной. Каждый город или крупное селение имели своего главного судью, назначаемого лично тлатоани. Под началом судьи находился суд из трех человек. В районах и областях государства существовали суды, выбранные самим населением. А на уровне сельской общины ответственность

за соблюдение порядка нес местный мелкий чиновник с полицейскими функциями. Взятничество в бюрократических кругах наказывалось смертью. Такая же суровая кара грозила и за другие серьезные преступления: воровство, изменение границ земельных участков, пьянство, измену.

Город Теночтитлан

Первоначальный центр города, заложенного ацтеками в 1325 г. (или в 1345 г.), находился на сравнительно твердой почве скалистого острова Чапультепек (в переводе с языка науа — «Холм Кузнечиков»), лежащего среди болот в западной части озера Тескоко. Вокруг Теночтитлана над водной поверхностью поднимались другие островки и острова. Естественно, за два столетия непрерывных строительных работ ацтеки неузнаваемо изменили всю прилегающую местность: проложили правильную сеть каналов, осушили болота, построили тысячи гектаров «плавающих садов» — чинамп. Поразительную эволюцию претерпел и сам Теночтитлан. Возникнув как жалкое селение из кучки тростниковых хижин, столица ацтеков к XV в. оделась в камень, привезенный с побережья озера.

По преданию, город начался с закладки храма бога Уицилопочтли. Практически это была та же небольшая тростниковая хижина на низкой глинобитной платформе, так как дерева и камня на острове не было. И тогда, желая возвеличить своего верховного бога, ацтеки наловили рыбы, лягушек, змей, птиц и выменяли на все это у соседей нужные им строительные материалы. Таким образом, с глубокой древности мексиканский город олицетворялся прежде всего храмом. Недаром ацтекский иероглиф «падение города» представлял собой изображение храма с разрушенной и горящей крышей.

По сообщениям испанских и индейских источников, в начале XVI в. столица ацтеков делилась на четыре района

или четыре больших квартала, образованных двумя пересекающимися под прямым углом длинными улицами, ориентированными по сторонам света. Названия этих районов — Куэпопан, Мойотлан, Астакалько и Теопан. На месте пересечения проспектов, в самом центре города, находился священный участок с главным храмом и дворцом тлатони. В каждом из четырех больших кварталов имелся свой храмовый комплекс в честь квартального бога-покровителя. Тесосомок* упоминает также, что в каждом квартале находилось специальное здание, в котором обитал глава данного квартала. Это здание могло стоять рядом с храмовым квартальным ансамблем на главной площади квартала, образуя тем самым его ритуально-административное ядро, которое в малых масштабах копировало центральную часть ацтекской столицы. Большие кварталы делились на меньшие, называемые в некоторых источниках «улицы».

Вопрос о размерах территории Теночтитлана и численности его населения в момент конкисты всегда вызывал острые споры среди ученых. Дело в том, что основной наш источник — свидетельства испанских и индейских авторов XVI в. — имеет крайне противоречивый и запутанный характер. Одни хронисты называют цифру в 60 тыс. домов, или 60 тыс. «мужей», т. е. глав семей. Это дает в среднем до 300 тыс. человек (если считать, что в одном доме проживала малая семья из 5 человек). Другие говорят либо о 60 тыс., либо о 120 тыс. жителей. Некоторые же современные исследователи доходят в своих оценках населения ацтекской столицы даже до 500 тыс. человек. Таким образом, сами исторические источники, без каких-либо дополнительных данных, вряд ли смогут служить надежной основой для демографических расчетов.

В этой связи значительный интерес представляет «План из магея» — документ начала колониального периода

* Эрнандо Альварардо Тесосомок — автор «Мексиканской хроники» (1598 г.), внук Монтекумы II Шокойоцина.

(XVI в.), где изображен на бумаге из волокон магея цветными красками один район старого Теночтитлана. План разбит на квадраты, разделенные голубыми линиями каналов. В каждом квадрате нарисован индейский дом и несколько характерных полосок (чинамп), прилегающих к нему с одной из сторон. Каждый домовый участок (квадрат) имел в среднем около 500 кв. метров. Всего на плане показано примерно 400 таких домовладений. Таким образом, средняя плотность застройки в этом районе Теночтитлана примерно 20 домов на 1 гектар. Некоторые современные исследователи предполагают, что показанная на «Плане из магея» часть города составляет около $1/31$ всей территории Теночтитлана. Следовательно, общая площадь ацтекской столицы будет в этом случае $(400 \text{ домов} \times 500 \text{ м}^2 = 20 \text{ га} = \frac{1}{31} \text{ Теночтитлана})$ 620 гектаров, или 6,2 кв. километра. Сюда не входят, естественно, ритуально-административный центр, дороги, каналы, площади. В целом такая оценка близка расчетам тех ученых, которые отводят для Теночтитлана кануна конкисты площадь в 7,5 кв. километра. Однако, судя по самым последним работам, территория города была значительно больше и доходила, вероятно, до 12 километров. Если исходить из такой величины и условно считать, что характер застройки в ацтекской столице был (за исключением ритуально-административного центра) примерно одинаков с районом, изображенным на «Плане из магея», то мы получим (за вычетом территории, занятой храмами, дворцами, площадями, рынками, дорогами, каналами, — всего до 2 километров) около 20 тыс. жилищ на территории 10 километров (из расчета 20 домов на 1 гектар).

Основной жилой единицей в Теночтитлане был обнесенный стеной или оградой комплекс построек, состоявший из ряда жилых помещений с отдельными входами, обращенными к внутреннему открытому дворику. Этот комплекс занимала обычно большая семья, включавшая от 2 до 6 малых родственных семей. Каждая женатая пара,

как правило, занимала одну постройку из одной-двух комнат или один этаж в двухэтажном доме.

В письменных источниках часто упоминаются семейные группы, которые включали родителей, их женатых детей и даже внуков. Население таких большесемейных домовладений в ацтекской столице колебалось в весьма широких пределах: от 2–3 индивидов до 25–30. В среднем размер большесемейного коллектива составлял, таким образом, 10–15 человек на одно домовладение. Предпожив, что в каждом отдельном доме жила одна семья из 5–6 человек, мы получим, что к 1519 г. население Теночтитлана составляло около 100–120 тыс. человек.

Если исходить из результатов исследований археолога Э. Калнека (США), то в пределах столицы ацтеков можно выделить три основные концентрические зоны. Первая, центральная, зона включала в себя ритуальные и гражданские здания, жилища элиты и неизвестное число жилых домов, почти лишенных приусадебных участков. Вторая зона состояла из жилых домов и примыкающих к ним чинамп. Домовые участки составляли здесь в среднем 500–600 кв. метров и максимум — до 1000 кв. метров, из которых 100–400 кв. метров, а иногда и 850 кв. метров приходилось на долю чинамп. Эта зона имела правильную планировку в виде регулярной сетки улиц и каналов, пересекающихся под прямым углом и ориентированных по сторонам света. Подсчитано, что число жителей на одно домовладение в среднем составляло 10–15 человек. У. Сандерс на основе изучения современного чинампового земледелия Мексики пришел к выводу, что чинампы во второй зоне Теночтитлана давали лишь 15 процентов продуктов питания, необходимых жившим там людям. Третья зона — периферийная, со значительным уменьшением плотности застройки и с соответствующим возрастанием размеров чинамповых участков при каждом домовладении. Она имела менее регулярную, чем другие районы города, планировку и в целом была близка по облику сельским поселениям.

Приведенные выше описания Теночтитлана основаны преимущественно на сведениях письменных источников. Археология здесь явно отошла на второй план. И это не случайно. Испанцы в 1521 г. после трехмесячной осады почти до основания разрушили ацтекскую столицу, а из ее камня построили на том же самом месте город Мехико. Причем его основатель — Эрнан Кортес, видимо, намеренно построил свой дворец (ныне Национальный дворец — резиденция президента Мексики) прямо на руинах дворца Монтесумы, а кафедральный католический собор — у портала главного храма ацтеков. И вскоре новые жилые и общественные здания европейских завоевателей укрыли под собой все следы былого варварского великолепия. Мехико — столица современной Мексики — огромный 14-миллионный город. Вести там раскопки, особенно в густо застроенном центре, практически невозможно. Поэтому отдельные находки ацтекских скульптур и сооружений делались на протяжении XIX—XX вв. лишь случайно, во время земляных работ.

Много ценных материалов получили ученые при прокладке тоннелей столичного метро в 60—70-е гг. прошлого века. Но подлинным открытием стали археологические исследования в главном храме ацтеков, располагавшемся, как выяснилось недавно, между президентским дворцом и кафедральным собором, под напластованиями более поздних эпох. К раскопкам у основания главного храма приступили 20 марта 1978 г. и сразу же нашли изумительный резной монолит — круглый трехметровый камень с фигурой сестры Уицилопочтли — богини Койольшаухки. К концу лета было открыто и расчищено 53 ямы-тайника с ритуальными дарами для умилостивления богов. В них лежали человеческие черепа, каменные фигурки людей и божеств, морские раковины, кораллы, благовония, маски и прочие культовые предметы, привезенные со всех концов обширного ацтекского государства.

На плоской вершине ступенчатой пирамиды главного храма обнаружены два святилища: одно в честь бога войны

Уицилопочтли, другое — в честь бога дождя и плодородия Тлалока. Каждый правитель ацтеков стремился оставить след в истории: в годы своего правления он ремонтировал все сооружения. Наводнения и оседание грунта вынуждали часто прибегать к восстановительным работам. Вот почему в ходе раскопок было найдено одиннадцать различных фасадов передней части главного храма.

Самый древний храм из обнаруженных до сих пор позволяет лучше представить себе оба святилища с чисто архитектурной точки зрения. На вершине пирамиды перед входом в святилище Уицилопочтли был обнаружен жертвенный камень, на котором ацтекские жрецы принесли в жертву тысячи человеческих жизней. У лестницы святилища Тлалока нашли полулежашую каменную статую «посланника» — посредника между миром богов и миром людей. Как выяснилось, все монументальные постройки комплекса главного храма ацтекские строители, учитывая тонкость местного грунта, возводили на длинных, тонких и упругих сваях.

Кто же задумал и спланировал все эти храмы, дворцы и пирамиды Теночтитлана? Кто руководил их строительством? К сожалению, до нашего времени не дошло ни одного имени архитектора, скульптора или художника ацтеков. Но историки искусства и археологи единодушно ставят архитектурные ансамбли ацтекских зодчих в один ряд с самыми выдающимися творениями мастеров древности и средневековья в Старом Свете.

Монтесума II Шокойоцин

В 1519 г., когда Кортес высадился на побережье Мексиканского залива, ацтекский трон занимал тлатоани Монтесума II или Монтесума Младший (в отличие от Монтесумы I, правившего в XV в.), который был племянником последнего монарха — Ахуицотля и внуком предшествующего правителя — Ашайякатля. Его единодушно выбрали

тлатоани Теночтитлана в 1502 г., отдав ему предпочтение перед другими претендентами благодаря выдающимся личным качествам будущего властителя: Монтесума достойно выступал перед этим в роли воина, дипломата, ученого и жреца.

В первые годы своего царствования Монтесума постоянно принимал участие в бесконечных войнах, которые вели ацтеки за расширение границ своей «империи». Он всегда шел в бой во главе отборных рыцарских дружин, и удача неизменно сопутствовала ему. Так, после серии блестящих побед над миштеками и сапотеками Оахаки ему удалось захватить до 12 тыс. пленных и богатую добычу. Победоносные ацтекские знамена видели и в таких далеких краях, как Атлантическое побережье Гондураса, Гватемала, Сальвадор и Никарагуа. Эти завоевательные походы в целом были успешными (несмотря на отдельные досадные неудачи), а границы ацтекской «империи» расширились так, как ни в одно из предшествующих царствований.

Не был равнодушен молодой тлатоани и к внутренним делам своего государства. Он внес ряд важных изменений в судебное дело и тщательно следил за соблюдением законов, строго наказывая нарушителей. У него была привычка тайно обходить улицы столицы для знакомства с обстановкой и настроениями горожан.

Монтесума щедро вознаграждал своих подданных за верную службу. Много забот доставляли ему и новые грандиозные строительные проекты по благоустройству Теночтитлана: сооружение и обновление храмов, возведение акведука для обеспечения города свежей питьевой водой, строительство приюта для солдат-инвалидов.

Но современники знавали и совсем другого Монтесуму — надменного, непреклонного и жестокого монарха, настоящего деспота, который без малейших колебаний заливал кровью восставшие против ацтекского ига города и селения и регулярно отправлял десятки тысяч несчастных пленников под обсидиановые ножи жрецов Теночтитлана. Он

построил себе дворец, украсив его с такой фантастической роскошью, какую не могли позволить себе все предшествующие ему тлатоани ацтеков вместе взятые. Монтесума перестал появляться перед народом. Во дворце ему могли прислуживать лишь отпрыски самых знатных фамилий, да и они ходили босые, смиренно опустив глаза. Он многократно увеличил тяжесть налогов и дани, особенно с покоренных провинций, что вызывало активное сопротивление соседних племен и народов, приводя к постоянным восстаниям и мятежам.

«Империя» с большим трудом удерживала порядок в своих владениях, но любая роковая неожиданность могла привести ее к быстрому и окончательному краху. А сам Монтесума все чаще стал допускать в политике грубейшие промахи и ошибки.

В 1516 г. умер правитель Тескоко, мудрый Несахуальпили — ближайший советник и друг «императора». Следовало подумать о выборах преемника. На тескоканский престол претендовали два сына умершего — Какамацин и Иштлилшочитл. Первого, старшего из сыновей, поддерживал Монтесума. Второго, храброго и честолюбивого юношу, поддерживал народ, так как Иштлилшочитл умело сыграл на патриотических чувствах тескоканцев, доказывая, что его соперник будет служить только ацтекским интересам, в ущерб своей собственной стране. Путем грубого нажима на выборщиков Монтесума в конце концов победил: на престол Тескоко сел Какамацин. Но это была пиррова победа. В Тескоко началась междоусобная война. Иштлилшочитл, собрав большую армию, ушел в горы и вскоре захватил почти половину тескоканской территории. В его лице Монтесума приобрел самого опасного и непримиримого врага.

Однако, сидя в своей неприступной островной столице, «император» ацтеков с презрением отмахивался от всех признаков надвигающейся беды. Он по-прежнему предпочитал жить в праздности и роскоши, вполне полагаясь на силу и мастерство своих грозных легионов.

По сообщениям летописцев, Монтесума имел некое подобие гвардии из 200 знатных сановников, размещенных в специальных помещениях позади его покоев. Лишь отдельные из них имели право говорить с монархом. Когда же они входили в царские палаты, то должны были снимать свои богатые плащи и надевать грубые. То же самое относилось и ко всем правителям и вождям, приходившим во дворец на аудиенцию.

«Император» ел всегда один. Пол большого зала, устланный циновками, покрывался сотнями блюд. Иногда сам Монтесума, а чаще его домоправитель указывал прислуге на блюда, которые следовало приготовить к царскому столу. Кроме кушаний из домашней птицы, подавалась дичь из отдаленных лесов и рыба, игравшая, может быть, за день до этого в Мексиканском заливе! Благородные слуги приносили «императору» блюда, а потом уступали место девушкам, избранным за красоту и ловкость в царские прислужницы. Во время трапезы особа монарха скрывалась от взоров толпы за богато вызолоченными ширмами резного дерева. Он сидел на подушке, а обед подавался на низеньком столе, покрытом тонкой хлопчатобумажной скатертью, в красивой глиняной посуде, изготавливаемой в Чолуле. Монтесума имел золотой сервиз, употреблявшийся только на особо торжественных пиршествах. Даже при его огромном богатстве едва ли было возможно употреблять подобные сервизы ежедневно, потому что обеденная посуда два раза подряд к царскому столу не подавалась, а становилась собственностью слуг. Зал освещался посредством факелов, сделанных из какого-то смолистого дерева, источавших приятный запах и почти не дымивших.

Утолив свой голод, Монтесума умывался водой, подаваемой в серебряной чаше одной из прислужниц (то же самое делалось и перед трапезой). Потом приносили трубки из богато вызолоченного полированного дерева, и он с их помощью то ртом, то через ноздри вдыхал испарения

какой-то травы, называемой «табак», смешанной с благовоениями. И пока «император» наслаждался курением, его развлекали своим искусством скоморохи и акробаты, которых при дворе была целая труппа. Иногда Монтесума забавлялся со своими шутами. Он даже говорил, что их речи бывают часто поучительнее слов мудрых людей, поскольку они не боятся говорить правду. Любил он также слушать музыку и песни, в которых восхвалялись героические подвиги ацтекских воинов и вождей.

У платоани имелся также птичник, заполненный разными видами местных птиц, от прибрежных болотных фазанов до горных орлов. В нем находилось столько пернатых, что для ухода за ними требовалось 600 человек. Был во дворце и зоосад, где, кроме всех видов диких животных, известных в пределах «империи», находились, как говорят очевидцы, «уроды, мужчины и женщины, одни — калеки, другие — карлики, третьи — горбуны». Весь дворцовый ансамбль был окружен густыми садами и цветниками, что придавало ему волшебный, чарующий вид.

Однако с годами все эти развлечения и пышное великолепие двора перестали удовлетворять Монтесуму. Его все больше охватывало чувство внутреннего беспокойства и ощущение призрачности, мимолетности своего богатства, власти и могущества. И тогда приходили на ум печальные строки великого правителя, философа и поэта XV в. Несаялькойотля из соседнего Тескоко:

Неужели правда, что мы живем на земле?
На земле мы не навсегда: лишь на время.
Даже яшма дробится,
даже золото разрушается,
даже перья птицы кецаль рвутся,
на земле мы не навсегда: лишь на время.

Самое ужасное, что Монтесума так и не мог понять — откуда же грозит ему эта смертельная опасность?

Да, недавно покоренные города и провинции часто пылают огнем мятежей и восстаний. Но у него, слава богам, пока хватает воинов для усмирения любых бунтовщиков. Не удастся сломить силой упорное сопротивление гордых тлашкальцев. Но и на них он со временем найдет управу: блокада, хитроумные интриги и заговоры, династические браки — здесь хороши все средства и методы.

Однако больше всего всесильного тлатоани беспокоили смутные слухи, приносимые из дальних мест торговцами-почтека, о появлении на восточном побережье каких-то странных людей с белой кожей и бородами, приплывших в больших деревянных лодках, похожих на самые высокие дома. В основу этих слухов легли, вероятно, рассказы индейцев, ходившие от Кубы до Мексики, о появлении Колумба и других испанских мореплавателей на Антильских островах и на юге побережья Центральной Америки.

Все эти события и общая нестабильность в стране породили у ацтеков чувство страха и неуверенности, ожидание каких-то грозных перемен в ближайшем будущем. Например, среди населения Мексики широко ходили слухи о разного рода таинственных знамениях и необычайных явлениях природы. Вот их краткий перечень в изложении средневековых летописцев, как индейских, так и испанских.

В 1510 г. огромное озеро Тескоко без каких-либо видимых причин вдруг забурлило и вышло из берегов, затопив многие города и селения, включая и Теночтитлан, где было разрушено множество зданий. В 1511 г. одна из башен главного храма ацтеков вспыхнула как спичка, опять-таки без всякой причины, и огонь не могли погасить много дней. В 1512 г. в дневном небе были замечены сразу три большие кометы. Потом один рыбак поймал в водах озера сеть странную птицу с обсидиановым зеркалом на голове. Диковину спешно доставили во дворец, и, заглянув в зеркало, Монтесума увидел белолицых бородатых всадников, мчавшихся во весь опор на застывшие ряды его воинов.

А незадолго до высадки на берега Веракруса Кортеса в 1519 г. на востоке вдруг загорелся вечером странный белесый свет. Он рос вширь и ввысь, пока не уперся в небо и не приобрел пирамидальную форму. Одновременно в воздухе зазвучали какие-то жалобные звуки, и таинственный женский голос известил жителей столицы о грозящих бедах. Напуганный этими небесными явлениями Монтесума призвал на совет самых мудрых сановников и жрецов — знатоков астрологии и хиромантии. Но никто не решался истолковать увиденные чудеса. И тогда один мудрец из Тескоко заявил перепуганному тлатоани, что речь идет о вещах, предрекающих скорую гибель «империи».

Таковы эти странные истории, сообщаемые нам средневековыми летописцами. В них невозможно отделить крупинцы правды от чистого вымысла. Прошло примерно 26 лет с момента открытия Больших Антиль Христофором Колумбом и более 16 лет со дня его высадки на центральноамериканские берега. Разного рода слухи о чудесном появлении из волн морских белых людей, несущих в своих руках гром и молнию и столь похожих обликом на старых богов, естественно, широко распространились среди индейцев. При возбужденном состоянии умов и общей неуверенности в будущем самые простые события и явления природы приобретали статус «чудес» и «знамений». И поэтому случайное волнение на озере, появление кометы и самовозгорание храма были интерпретированы как простым людом, так и элитой ацтеков как специальные послания небесных сил.

Затем в шестнадцатый год царствования Монтесумы (1518 г.) пришли посланцы с побережья Атлантики и принесли прямые сведения о белых бородатых людях. Те появились, как и раньше, с востока, из голубых просторов океана, на больших деревянных островах, легко передвигавшихся по воде. Они владели оружием, изрыгавшим дым и огонь. Они восседали на странных четырехногих животных, напоминавших оленей. И кроме того, чужеземцы всегда и везде

требовали золота. У берегов Мексики появилась флотилия Хуана де Грихальвы.

Монтесума приготовился к худшему. Но боги Теночтитлана на этот раз выручили его: бородатые пришельцы исчезли в морских просторах так же неожиданно, как и появились. Наступило временное затишье. Однако тлатоани так и не мог найти полного успокоения. Он с тревогой ожидал новых нападений с востока, со стороны восхода солнца, где у прибрежные скалы Юкатана с неумолкающим гулом разбивались тяжелые морские валы. Именно там исчез после своего изгнания из Тулы-Толлана легендарный царь-жрец Кецалькоатль. И именно из тех краев обещал он вернуться в свою страну в один прекрасный день и сурово наказать всех ослушников.

Так будет ли исполнено это грозное пророчество? Или же жрецы и советники пытаются одурачить Монтесуму, увести его от истины с помощью давно забытых легенд и преданий? А на пороге стоял уже 1519 г., или год Се Акатль — 1 Тростник по ацтекскому календарю.

Оглавление

Введение	5
Открытие и завоевание.	9
Первые обитатели континента	37
По ступеням прогресса.	54
Эти загадочные ольмеки	63
Теотихуакан — обитель богов	97
Майя — «греки» Нового Света.	120
Ацтеки — «римляне» Нового Света	163

- Гуляев В.
Г94 Загадки индейских цивилизаций / Валерий Гуляев. — М. : Ломоносовъ, 2010. — 192 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-077-2

Индийские народы майя и ацтеков ученые часто называют «греками» и «римлянами» Нового Света. До прихода европейских завоевателей в XVI в. они прошли долгий и сложный путь эволюции. Встреча двух миров, столь не похожих друг на друга, принесла гибель цивилизации американских аборигенов. Их культуры были безжалостно уничтожены нашествием из-за океана, и о многих сторонах жизни и достижениях индейских народов остается только строить предположения. Загадкам майя и ацтеков посвящена книга специалиста по древним цивилизациям, доктора исторических наук, профессора Валерия Гуляева.

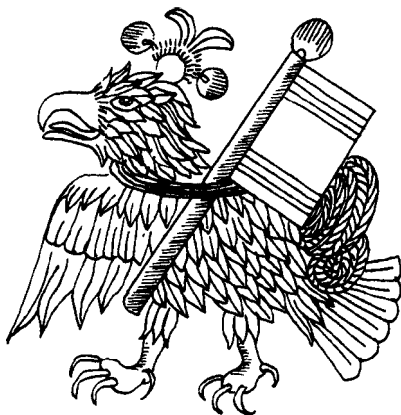
УДК 903

ББК 63.3

История. География. Этнография

Гуляев Валерий

Загадки индейских цивилизаций

Редактор В. Корнюхин

Художественный редактор Е. Трушина

Верстка М. Васильевой

Подписано в печать 17.09.2010.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 12,0. Тираж 1500 экз. Заказ № 3600.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119270 Москва, Лужнецкая набережная,

д. 2/4, стр. 8, 4 этаж, офис 400

Тел. (495) 788-85-20

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

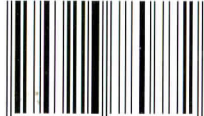
www.oaompk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Валерий Гуляев
Загадки
индейских
цивилизаций

Когда легионы римлян двинулись на покорение живущих по соседству с Римом народов, на другой половине земного шара возникли первые индейские цивилизации. До прихода европейских завоевателей в XVI в. они прошли долгий и сложный путь эволюции. Встреча двух миров и двух культур, столь не похожих друг на друга, безусловно, может быть отнесена к числу удивительных исторических парадоксов. Переговоры Монтесумы и Кортеса выглядят столь же невероятно, как, например, дискуссия между Петром I и Тутанхамом или Черчиллем и Александром Македонским. Индейские народы майя и ацтеков ученые часто называют «греками» и «римлянами» Нового Света. Но от их культур осталось так мало, что вопросов у ученых значительно больше, чем ответов. Загадкам погибших индейских цивилизаций посвящена эта книга.

Валерий Гуляев — заведующий отделом теории и методики Института археологии РАН, доктор исторических наук, профессор, специалист по древним цивилизациям, автор ряда научно-популярных книг.

ISBN 978-5-91678-077-2

9 785916 178072